This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P121
M8517
1868

ТИПОГРАФІЯ, ЛИТОГРАФІЯ,
ПЕРЕПЛЕТНОЕ и ЛИНЕВАЛЬНОЕ
ЗАВЕДЕНІЯ
М. А. СМИРНОВА
ВЪ ЕГОРЬЕВСКѢ.

К-06.

[redacted]

[redacted]

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

МАКСА МЮЛЛЕРА

въ Великобританскомъ Королевскомъ Институтѣ

въ 1863 году.

Переводъ съ англійскаго.

(Lectures on the science of Language. Second Series. 1864.)

ВЫПУСКЪ I.

Изданіе Редакціи Филологическихъ Записокъ.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

1868.

Переводъ [illegible] принадлежитъ Д. А. Лавренку,— [illegible] но окончательный трудъ редакціи этого перевода раздѣлили между собою Лавренко и А. Хоменскій.

Дозволено Цензурой. Москва. [illegible] Іюня [illegible] года.

Авторъ, въ предисловіи къ нѣмецкой обработкѣ своего перваго курса лекцій (1861 г.), обѣщалъ «въ новомъ курсѣ чтеній о языковѣдѣніи развить въ частностяхъ тѣ общіе законы измѣненій звука и понятія,» изъ которыхъ слагается жизнь языка, и которые были слегка лишь очерчены въ первомъ курсѣ.

Вотъ содержаніе этихъ новыхъ лекцій:

I. Вступительная лекція. Матеріалы для науки о языкѣ и новыя теоріи.
II. Языкъ и разумъ.
III Физіологическій алфавитъ.
IV Звуковыя измѣненія.
V Гриммовъ законъ.
VI Начала этимологіи.
VII О силѣ корней.
VIII Метафора.
IX Греческая миѳологія.
X Юпитеръ—высшій арійскій богъ.
XI Миѳы о зарѣ.
XII Современная миѳологія.

Богатство и разнообразіе содержанія вездѣ осв[illegible] ны тѣми геніальными обобщеніями, которыя состав[illegible] прелесть прежняго курса и изъ настоящаго дѣлаютъ [illegible] ное цѣлое.

II.

Приноровляясь къ совершенно иному кругу читателей, я, по возможности, старался не ослаблять живаго впечатлѣнія самой личности автора. Было-бы непростительно съ моей стороны не воспользоваться тѣми богатыми примѣрами изъ Славянскихъ языковъ, которые выработаны сравнительнымъ языковѣдѣніемъ, но не могли быть приводимы профессоромъ, читавшимъ для Англичанъ.

Всѣ прибавленія и значительныя измѣненія стоятъ въ знакахъ * *.

Д. Лаврѣнка.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

Первая лекція.

* Исторія первичнаго развитія человѣческаго разума, или его эмбріологія, причины его вѣковыхъ заблужденій, или его патологія, и другіе вопросы такой-же громадной важности, затронутые въ послѣднее время наукой о языкѣ, вполнѣ соотвѣтствуютъ той громадности матеріала, который необъятнымъ полемъ раскрылся предъ нами и ждетъ своихъ воздѣлывателей: * языкъ, на которомъ мы говоримъ, языки, на которыхъ говорятъ и на которыхъ говорили во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, съ тѣхъ поръ какъ занялась заря человѣческой мысли,— всѣ языки представляютъ матеріалы, годные для научной обработки. Мы можемъ собирать ихъ и группировать по извѣстнымъ, болѣе или менѣе общимъ, признакамъ, можемъ разлагать ихъ на составные элементы и выводить изъ нихъ извѣстные законы, которые объясняютъ ихъ происхожденіе, управляютъ развитіемъ, обусловливаютъ ихъ вырожденіе; мы можемъ относиться къ нимъ совершенно въ такомъ-же духѣ, какъ относится геологъ къ своимъ окаменѣлостямъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже, какъ астрономъ относится къ звѣздамъ, или ботаникъ къ цвѣтамъ въ полѣ. Есть наука о языкѣ также какъ есть наука о землѣ, о звѣздахъ, о [illegible] яхъ; и хотя она, какъ молодая наука, еще очень [illegible] отъ того совершенства, котораго достигли, благодаря [illegible] ліямъ геніальныхъ умовъ разныхъ странъ

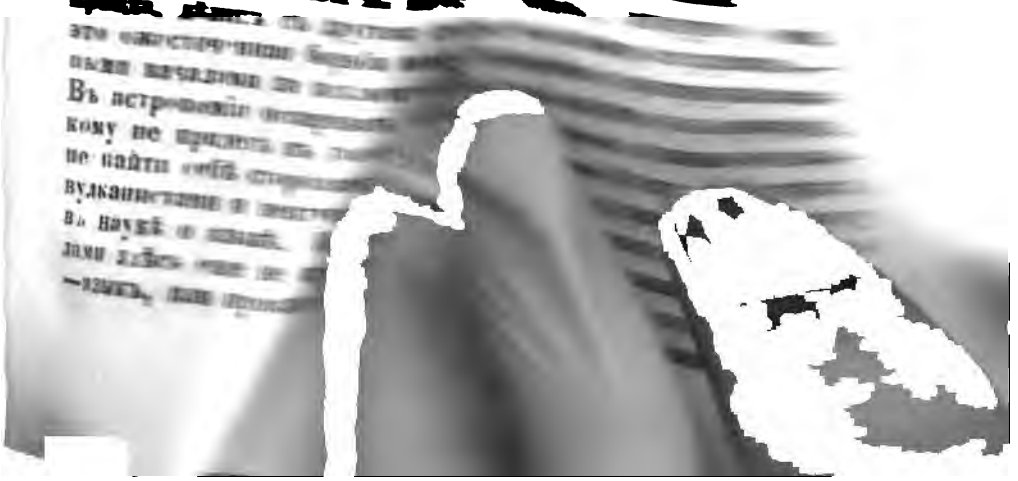
менъ, астрономія, ботаника и даже геологія,—но именно это, можетъ быть, и дѣлаетъ ее еще болѣе привлекательной. Это—молодая, развивающаяся наука; на нашихъ глазахъ она растетъ и съ каждымъ годомъ обнаруживаетъ новыя силы, открывающія новые взгляды и новыя области для изслѣдованій; богатою жатвой оплачиваетъ она потраченные на нее труды, между тѣмъ какъ эти самые труды, приложенные къ почвѣ старыхъ наукъ, едва ли могутъ быть вознаграждены такъ щедро. Въ совершенно новый міръ вводитъ насъ наука о языкѣ. Нетронутая почва лежитъ за порогомъ нашей старой храмины знаній, и огромныя пространства этой дѣвственной почвы станутъ собственностію того, кто переступитъ за предѣлы Стараго Свѣта знаній. Мы можемъ избрать себѣ въ сосѣдствѣ небольшую деревню и подмѣчать въ ней особенности говора, собирать замѣчательныя выраженія, пословицы и преданія *, которыя неожиданно ярко освѣтятъ не одну страницу въ исторіи нашей мысли, нашего слова, въ исторіи темной,—но изъ непроглядnаго мрака старины тѣмъ сильнѣе приковывающей наше вниманіе.* Не-то мы можемъ отправиться прямо къ нашимъ антиподамъ, изучать языкъ Сандвичанъ и слѣдить въ законахъ и эдиктахъ какого-нибудь Камеамеа за проявленіемъ той же способности человѣка, которая, даже на самыхъ низшихъ ступеняхъ развитія, такъ поразительно удовлетворяетъ своему высокому назначенію. Нарѣчія древней Греціи, не удостоившіяся никакого вниманія со стороны такихъ замѣчательныхъ классическихъ ученыхъ, какъ Maittaire, Giese и Ahrens, вполнѣ вознаградятъ тотъ трудъ, который потратитъ сравнительная филологія на новые поиски въ этой области изслѣдованій. Ихъ формы, казавшіяся классическимъ филологамъ какими-то аномаліями и диковинами, явятся въ совершенно иномъ свѣтѣ, пройдя чрезъ анализъ сравнительной грамматики. Онѣ осмыслятся и подойдутъ подъ болѣе общіе законы и, проснувшись чрезъ сравненіе съ формами другихъ нарѣчій, въ свою очередь, еще болѣе прольютъ свѣта на звуковыя особенности Санскрита и Пракрита, Зенда и Персидска-

го языка, Латинскаго и Французскаго. Но если-бъ даже истощились эти старыя копи, наука о языкѣ изъ самой себя создастъ матеріалы для изученія: словно жезломъ пророка, коснется она камней пустыни, и эти камни дадутъ новые потоки живой рѣчи. Я говорю о надписяхъ на камняхъ и утесахъ въ Персіи. Не удивительно, что открытія, которыми мы обязаны генію и настойчивости Grotefend'a, Burnouf'a, Lassen'a и Rawlinson'a, покажутся просто невѣроятными для тѣхъ, кто не захочетъ присмотрѣться къ нимъ поближе. Ничего не можетъ быть болѣе лестнаго для нихъ, какъ эта кажущаяся невѣроятность добытыхъ ими результатовъ (1). Чѣмъ сначала казалось намъ то, что мы называемъ теперь клинообразными надписями Кира, Дарія, Ксеркса, Артаксерса I, Дарія II, Артаксеркса Мнемона, Артаксеркса III-го (теперь эти надписи имѣютъ нѣсколько изданій, переводовъ, грамматикъ и словарей)? Просто смѣсью какихъ-то крючковъ, выцарапанныхъ или выбитыхъ на одинокомъ памятникѣ Кира въ Мургабѣ, на развалинахъ Персеполя, на утесахъ Бегистуна (или Бисутуна), близъ Медійской границы, и на стремнинахъ Вана въ Арменіи. Гротефендъ, до попытки своей разобрать по складамъ эти каракули, долженъ былъ убѣдиться, что это были дѣйствительно надписи, а не арабески, не какія нибудь причудливыя украшенія (2). Затѣмъ, ему нужно

(1) Чисто научный отвѣтъ на возраженія покойнаго сэра G. C. Lewis'a противъ Champollion'a и другихъ разбирателей древнихъ надписей заключается въ статьѣ профессора Le Page Renouf'a: «Sir G. C. Lewis on the Decipherment and Interpretation of Dead Languages, въ журналѣ Atlantis, №№ VII и VIII. стр. 23. Мы не знаемъ, измѣнилъ-ли когда нибудь покойный сэръ G. C. Lewis свое мнѣніе о методѣ, по которому прочитаны были надписи Египта, Персіи, Индіи и древней Италіи, но это былъ человѣкъ такого прямого характера, что первый сознался-бы въ своей ошибкѣ, если-бъ смерть не прекратила его ученыхъ занятій. Хотя его сомнѣнія на этотъ разъ были неосновательны и безплодны, но смерть такого учеза[illegible] тера для нашихъ изслѣдованій, нуждающихся болѣе чѣм[illegible] изслѣдованія въ постоянномъ контролѣ строгой критики лю[illegible] основательна о знаніи. Недавно вышедшій очеркъ профес[illegible] man'a «On the Umbrian Language,» составляющій продол[illegible] помѣщенной въ Fraser's Magazine, Янв., 1863, свидѣте[illegible] уніи и добросовѣстности автора.

(2) Memoire de M. le comte de Caylus, sur [illegible] dans le tome XXIX des Memoires de l' Academie d[illegible] lettres, Histoire de l' Academie, стр. 118.

было допскаться, какъ читать эти магическіе знаки, перпендикулярно или горизонтально, отъ правой руки къ лѣвой, или отъ лѣвой къ правой. Лихтенбергъ думалъ, что ихъ нужно читать отъ правой руки, какъ у Евреевъ. Гротефендъ, въ 1802 году, доказалъ, что знаки эти слѣдуютъ въ такомъ же порядкѣ, какъ и въ нашихъ языкахъ, т. е. отъ лѣвой къ правой. Еще до Гротефенда Münter и Tychsen замѣтили, что въ надписяхъ существуетъ знакъ для раздѣленія словъ. Подобный знакъ вообще служитъ драгоцѣннымъ пособіемъ при всѣхъ попыткахъ разбирать надписи, потому что онъ вдругъ разоблачаетъ значеніе цѣлыхъ сотенъ словъ, и въ Арійскомъ языкѣ знакомитъ съ остовомъ грамматики. Но сколько еще трудностей нужно было преодолѣть для того, чтобы прочесть хоть одну строку. Неизвѣстно было, на какомъ языкѣ сдѣланы были надписи: это могъ быть одинъ изъ Семитическихъ, одинъ изъ Туранскихъ, одинъ изъ Арійскихъ языковъ. Неизвѣстно было, къ какому періоду принадлежали эти надписи: о завоеваніяхъ Кира говорили онѣ, или о побѣдахъ Дарія, Александра? Неизвѣстно было, какимъ алфавитомъ онѣ написаны, * т. е. выражались-ли этими знаками членораздѣльные звуки, какъ въ нашемъ фонетическомъ письмѣ, или-же это были знаки цѣлыхъ звуковыхъ комбинацій, какъ въ силлабическомъ письмѣ Японцевъ, или, наконецъ, каждый изъ нихъ выражалъ собою цѣлое понятіе, какъ въ идеографическихъ памятникахъ древне-американской цивилизаціи, или отчасти, въ Китайскомъ письмѣ.* Длинная вышла-бы исторія, если-бъ мы шагъ за шагомъ захотѣли слѣдить—какъ одно за другимъ преодолѣвались эти препятствія, какъ разобраны были сначала собственныя имена Дарія, Ксеркса, Гистаспа и ихъ бога Ормузда; какъ опредѣлено было по нимъ значеніе нѣкоторыхъ буквъ, какъ потомъ, съ помощію добытаго такимъ образомъ, скуднаго алфавита, прочитаны были другія слова, твердо установившій тотъ фактъ, что языкъ этихъ надписей былъ древне-Персидскій; какъ затѣмъ необыкновенно успѣшный перекрестный огонь былъ открытъ Зендомъ, представителемъ Персидскаго языка до Дарія—съ одной стороны,



чало у всѣхъ языковъ, или-же было много первичныхъ языковъ; можно-ли ихъ привести классификаціей въ какой нибудь порядокъ или нѣтъ — все это такіе важные вопросы, которые останавливаютъ на каждомъ шагу, и ученые, погружаясь въ самыя мелочныя изслѣдованія, снося лишь кирпичъ да известь, что-бъ вывести стѣны ихъ новой науки, постоянно должны быть готовы съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить непріятеля. Подобное состояніе, правда, утомляетъ иногда, но въ немъ есть и своя хорошая сторона: оно заставляетъ насъ строго провѣрять тѣ основы, на которыхъ мы хотимъ строить наше зданіе; и когда мы даже погружены въ одни суффиксы да префиксы, оно не даетъ намъ оторвать взора отъ той громадности выводовъ, которую влекутъ за собою эти мелочныя изслѣдованія. Основы нашей науки не страдаютъ отъ подобныхъ нападеній, напротивъ, подобно миньятюрнымъ коралловымъ зданіямъ, незамѣтно возрастающимъ изъ морской глубины, онѣ еще болѣе крѣпнутъ подъ ударами бурныхъ волнъ возраженій.

Болѣе чѣмъ когда нибудь во мнѣ окрѣпло въ настоящее время убѣжденіе, что, безъ науки о языкѣ, тотъ кругъ наукъ, которому по преимуществу посвящено это ученое учрежденіе, кругъ естественныхъ наукъ, былъ-бы не полонъ. Все міроздание завершается человѣкомъ.* Въ длинномъ ряду геологическихъ фазъ развитія нашей планеты, время человѣка есть высшая доступная ей степень развитія: все, что жило до человѣка, все, что живетъ теперь рядомъ съ нимъ, все это только ступени, по которымъ возвышалась природа до апогея своихъ силъ, за которымъ возможно для нея только обратное развитіе.* Поэтому наука о человѣкѣ, или, какъ ее иногда называютъ, антропологія, должна увѣнчать собою кругъ естественныхъ наукъ. Но если дѣйствительно языкъ составляетъ глубокую пропасть, которая отдѣляетъ человѣка отъ животныхъ,* что такъ краснорѣчиво высказалъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ естествоиспытателей, (въ концѣ своихъ чтеній лондонскимъ рабочимъ «о причинахъ явленій въ органической природѣ»), Т. Гексли,* то наука о язы-

кѣ имѣетъ полное право удержать за собою то мѣсто въ ряду естественныхъ наукъ, какое я указывалъ для нея, впервые обращаясь къ членамъ Великобританскаго Королевскаго Института. Позвольте мнѣ привести слова того, чья память съ каждымъ годомъ становится для меня дороже, и дружбѣ котораго я такъ много обязанъ. Бунзенъ, впервые обращаясь къ вновь учрежденному отдѣленію этнологіи въ «Британскомъ Обществѣ» въ Оксфордѣ, въ 1847 году, говорилъ:

«Если человѣкъ—вѣнецъ творенія, то, съ одной стороны, совершенно справедливо требовать, чтобы историческія изслѣдованія о его происхожденіи и развитіи не выдѣлялись изъ общаго строя естественныхъ наукъ, и изъ физіологіи въ особенности. Но съ другой стороны, если человѣкъ—вѣнецъ творенія, если онъ—тотъ идеалъ, къ которому стремятся всѣ органическія формы, съ самыхъ низшихъ и самыхъ раннихъ; если человѣкъ, въ одно и то же время, тайна и ключъ естествознанія; если такой взглядъ науки—единственный въ наше время и достойный нашего вѣка: то этнологическая филологія, установленная на такихъ-же прочныхъ и ясныхъ началахъ, какъ и законы физіологическіе, должна быть высшею отраслью тѣхъ знаній, развитіе которыхъ поставило себѣ задачею настоящее общество. Она—не дополненіе къ физіологіи, или къ чему-бы то ни было, напротивъ, предметъ ея способенъ самъ стать цѣлью и средоточіемъ трудовъ цѣлаго ученаго общества.» (3)

Въ прежнихъ моихъ чтеніяхъ о языкѣ единственнымъ моимъ намѣреніемъ было указать на главный предметъ науки, опредѣлить ея границы и набросать общую карту той области, которая, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, была изслѣдована въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Эта карта была по необходимости неполна. Въ ней заключалось немногимъ больше того, что въ атласахъ древняго міра называлось «Orbis Veteribus Notus» (Міръ, извѣстный древнимъ), гдѣ вы находите знакомыя названія и

(3) Report of the Bretish Association for the Advancement 1847, стр. 257.

только въ тѣхъ частяхъ Европы, Азіи и
которыя были первоначальной сценой великой
—на западѣ, за Гипербореями—на сѣверѣ
—на югѣ, самая неопредѣленныя очертанія, и
старый свѣтъ существуетъ еще только въ
воображеніи.

Въ настоящихъ чтеніяхъ я хочу быть
болѣе практическимъ, общія соображенія
Матеріалъ для этого очень, много и много
увеличивается. Труды Германіи, Англіи,
Бельгіи, Франціи и Даніи пополнили
новыми открытіями, сравнительно съ
многими частями Европы и Индіи, и
что это не слишкомъ
чтеній. Вы
и работать, собирать другихъ,
сѣдланныхъ многочисленныхъ
среди черныхъ Африканскихъ племенъ,
Полинезіи, да среди краснокожихъ А
пришлось-бы повторить сѣдланныя
и обычаевъ, законодательства, религіи
сдѣлать выдержки изъ ихъ грамматикъ
ихъ словарей. Все это вышло-бы
мости лѣномъ вторыхъ рукъ, и все

(*) Гиперборейцы, небесные Гомера
на крайнемъ сѣверѣ, любимый Аполлоновъ
ный жилье, были для Грековъ таинственны
трудно браковать. Ихъ имя значитъ: живу
второй вѣтеръ; первоначально означало
Римскихъ горъ. (Cp. Preller's Griechische
откуда Бореи, то-же что отецъ, горы: об
тотъ же корень, который въ Санскритскомъ
въ Славянскихъ языкахъ гора, и Сербо
ven, Grundzuge der Griechischen Etymolo
родъ, первоначально
ара, такие какъ и
живущій въ пещерѣ, — отъ
Curtius, I. 215.]

[illegible]вить отъ себя, состояло-бы развѣ изъ критики или на[illegible] классифицировать нѣкоторыя группы языковъ въ [illegible] обширныхъ областяхъ, при чемъ я могъ-бы иногда указать сходство, гдѣ они его не замѣчали, или-же на[illegible], гдѣ нѣтъ достаточныхъ фактическихъ основаній для ихъ теорій. Всѣ, кому приходилось слышать за послѣднее время о новыхъ языкахъ, о новыхъ семействахъ языковъ, [illegible]

[illegible]

[illegible]

разскажу.» Когда вы спросите, зачѣмъ? для какой надобности?—вамъ пояснятъ: «такъ, просто, возьму да и разскажу.» Словомъ «возьму» въ подобной фразѣ желаютъ сказать, что извѣстное дѣйствіе совершится, и больше ничего. Тотъ-же смыслъ сохраняетъ это слово и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о совершившемся дѣйствіи: «взялъ да и разсказалъ.» Когда вамъ говорятъ эту фразу, вы уже не спрашивайте, зачѣмъ, да на какомъ основаніи? «Просто,» вамъ скажутъ, «взялъ да и разсказалъ.» Въ обѣихъ этихъ фразахъ глаголъ «взять» является чисто вспомогательнымъ глаголомъ, останавливающимъ ваше вниманіе исключительно на совершеніи, въ прошедшемъ или будущемъ, того дѣйствія, на которое вы вовсе не разсчитывали, и которое поэтому тѣмъ болѣе должно поразить васъ: «взять да и разсказать!» Эту фразу скажете вы, когда у васъ наконецъ составится рѣшеніе, напримѣръ,—разсказать что нибудь, на что вы долго не рѣшаетесь; этой же фразой, говоря о прошедшемъ, вы выражаете ваше удивленіе, «какъ у человѣка (хоть и у васъ самихъ) могло составиться подобное рѣшеніе!» Конечно, въ основаніи этого выраженія лежитъ чувственное представленіе, какъ и во всякомъ вообще выраженіи отвлеченнаго характера: прежде чѣмъ переломить палку, вы должны взять ее, также точно, прежде чѣмъ сдѣлать что нибудь, вы должны рѣшиться на это; но что подобное перенесеніе значенія происходило еще въ далекомъ прошедшемъ, объ этомъ ясно говорятъ формы въ родѣ «предпріятіе,» «понятіе,» въ основѣ которыхъ лежитъ утратившаяся въ Русскомъ языкѣ форма «ятіе»=древне-Болг. «ѧтиє»=Польск. «jęcie,» совершенно соотвѣтствующая формѣ, лежащей въ основаніи Нѣмецкихъ словъ: unternehmen, Begriff, и Французскихъ: entreprendre, comprendre: nehmen, greifen, prendre, ѧти, jeć, взять, брать (въ выраженіи: «браться что-нибудь сдѣлать»)—все это выраженія извѣстнаго мышечнаго движенія, перенесенныя на внутреннее движеніе мысли. ([10])

([10]) Lectures on the Science of Language, First Series, стр. 136, примѣчаніе (4-е изданіе).

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ самыми [illegible]ными явленіями, съ ходячими выраженіями [illegible] ка,—сравнивали, разбирали ихъ, пока [illegible] удалось подмѣтить одно общее явленіе, [illegible] и лежащее въ основѣ каждаго изъ нихъ,—[illegible] тотъ умственный процессъ перенесенія [illegible] ченія на отвлеченное, который происходилъ [illegible] вѣка, когда ему приходилось говорить [illegible] которое задумано, или готово совершиться [illegible] водомъ мы можемъ пуститься на [illegible] шедшее, въ эпоху образованія грамматическихъ [illegible] онъ намъ освѣтитъ тѣ темныя явленія [illegible] имѣютъ къ нему хоть какое-нибудь [illegible] мы должны скорѣе всего прилагать [illegible] чаямъ образованія будущаго времени [illegible] особой формы для этого времени [illegible] ближайшій къ нему, Малорусскій [illegible] мѣръ какъ нельзя удобнѣе: «[illegible] катыме» говоритъ Малороссъ, [illegible] произноситъ здѣсь два слова: [illegible] и проч., гдѣ будущее выражается [illegible] беру, удержавшимся въ выраженіи [illegible] ри (сравните съ этимъ выраженіе [illegible] геліи: вѣрѫ имѣмъ т. е. [illegible]

Итакъ въ незапамятно[illegible] еще подъ вліяніемъ не [illegible] наго періода Арійской [illegible] роль играло въ ней [illegible] только ставилось предъ [illegible] племенъ Славянскаго [illegible] бенно полюбилось [illegible] имѣющаго совершиться [illegible] ну,—и такъ и [illegible] въ, и, словно [illegible] тысячелѣтія [illegible]

Англичане [illegible] ming и [illegible] I am coming [illegible]

онъ идетъ, I—я, am—есмь, coming—приходящій, т. е. прихожу; *a*—неопредѣленный членъ. Но на самомъ дѣлѣ, простонародное выраженіе оказывается правильнѣе, чѣмъ «he is going.» (11) Въ теперешней Англійской грамматикѣ ing принимается за окончаніе настоящаго причастія, но въ Англо-Саксонскомъ языкѣ мы его не находимъ съ такимъ значеніемъ: тамъ есть другое окончаніе настоящаго причастія, ande или inde (Готское ands: Древне-верхне-Нѣмец. anter, enter; Средне-верхне-Нѣмец. ende; теперешнее Верхне-Нѣмец. end). (12) Что-же это за окончаніе ing? (13) Въ новѣйшемъ Англійскомъ языкѣ имѣетъ два различныхъ значенія. Въ выраженіи «a loving child» (любящее дитя), loving—отглагольное прилагательное. Въ выраженіи-же «loving our neighbour is the highest duty» (любить ближняго—нашъ высочайшій долгъ) loving—отглагольное существительное.

Въ Англо-Саксонскомъ нарѣчіи ing тоже употребляется въ двухъ различныхъ значеніяхъ.

1) Для образованія отчественныхъ именъ. Godwulfsmѣръ, Godvulfing=Годвульфичъ, т. е. сынъ Годвульфа. Во множественномъ числѣ отчественныя имена становятся собственными именами фамилій, племенъ, городовъ и цѣлыхъ націй, напримѣръ: Thyringi или Тюрингіи, * въ родѣ того какъ у насъ Витичи и проч. * Даже, если имена на—ing отъ именъ горъ, рѣкъ, или деревъ, и тогда назвать ихъ отчественными, потому что въ ственныя отношенія не ограничивались ими. (14) Народъ, живущій, напримѣръ, по быть названъ сынами Эльбы, или Эль Nordalbingi, т. е. Сѣверо-Эльбичи, въ Го жество географическихъ названій въ А

(11) Архидіаконъ Hare, Words corrupted False Derivation, стр. 65.

(12) Это окончаніе встрѣчается еще во врем та въ большей части случаевъ уже замѣняется он

(13) Grimm, Deutsche Grammatik, II.

(14) См. Förstermann'a Die Deutsche Zeitschrift für Vergleichende Sprachforschung, I, 1

[illegible] дооное правило? Просто
[illegible] нное какъ причастіе,
[illegible] зыкѣ не причастію на-
[illegible] ываемому герундію, т. е.
[illegible] о существительнаго, такъ
[illegible] вуетъ англійскому a—go-
[illegible] -то причастіе латинское,
[illegible] ъ языкахъ въ видѣ прила-
[illegible] по родамъ, напримѣръ «une
[illegible]
[illegible] что идея, лежащая въ основа-
[illegible], можетъ быть выражена въ
[illegible] косвеннымъ падежомъ отглаголь-

[illegible] къ болѣе отдаленному, но все-же
[illegible] альскаму. Здѣсь ([22]) такъ называе-
[illegible] наклоненіе образуется посредствомъ
[illegible] тоже время есть окончаніе мѣстна-
[illegible] еннаго числа. Отсюда, настоящее ka-
[illegible] и преходящее karitechilâm—я дѣлалъ,
[illegible] achi—я есмь, achilâm—я былъ, и на
[illegible] можетъ быть названа причастіемъ насто-
[illegible] самомъ дѣлѣ есть отглагольное существи-
[illegible] тномъ падежѣ. Karitechi, собственно, зна-
[illegible] о по-англійски «I am on doing,» или «I am
[illegible]» по-англійски значитъ «дѣлать»).
[illegible] возникаетъ вопросъ, можетъ-ли этотъ, та-
[illegible] й, методъ образованія настоящаго причастія
[illegible] нпаго падежа отглагольнаго существительнаго,
[illegible] ванія настоящаго времени изъявительнаго на-
[illegible] сложеніемъ этого отглагольнаго существитель-
[illegible] вспомогательнымъ глаголомъ «быть,»—можетъ-ли
[illegible] тодъ быть пущенъ въ дѣло при анализѣ такого
[illegible] который принадлежитъ къ совершенно другому

[illegible] Diez, Vergleichende Grammatik der Roma-
[illegible] n Sprachen, II, стр. 114.
[illegible] M. Müller, объ отношеніи Бенгальскаго языка къ [illegible]
[illegible] тнымъ языкамъ Индіи: Report of the British Asso
[illegible] ment of Science, 1847, стр. 344—45. Garnett, стр.

наклоненія, то вышло-бы: «я—въ актѣ паденія,» совершенно какъ въ Англійскомъ языкѣ: «I am on falling,» или же, чтобъ возвратиться къ тому, съ чего начали, «I am

à manger, à boire, и т. п., также какъ и être à la maison, à la campagne и т. п.

Такъ какъ дѣйствіе, которое вы совершаете въ данную минуту, можетъ быть воспринято какъ мѣсто (assimilée au point de l' espace), въ которомъ вы находитесь въ эту минуту, въ которомъ дѣйствуете (ubi), то оно можетъ представлять собою и точку отправленія (unde). Именно такъ и представляютъ себѣ Французы дѣйствіе, выраженное неопредѣленнымъ наклоненіемъ, когда они говорятъ, Je viens de voir la capitale, Je viens de visiter mes greniers, что совершенно аналогично съ выраженіями: Je viens de la capitale, Je viens de mes greniers. Дѣйствія voir, visiter восприняты въ этомъ случаѣ какъ точки отправленія, и вслѣдствіе этого онѣ становятся дополненіями предлога de, какъ и существительныя capitale, greniers. То-же воспріятіе и тотъ-же оборотъ находимъ въ Еврейскомъ miphphekod, въ Латинскомъ à visitando.

Послѣ этого легко понять, что баскскія формы на ic; jatetic, edatetic, ikustetic, и т. п. не что иное, какъ творительн. падежи именъ существительныхъ jatea, edatea, ikustea,—падежи, обусловленные той точкой зрѣнія, съ какой представлены выраженныя этими словами дѣйствія. Итакъ, выраженіе—Çure aitaren ikustetic jiten niz (я только что видѣлъ вашего отца), слово въ слово можетъ быть передано по-французски: je viens du voir de votre père.

Въ формахъ janic, edanic, ikusiric, очевидно, тѣ-же окончанія, что и въ только что разсмотрѣнныхъ нами: это тоже творительные падежи, выражающіе отношеніе удаляющагося предмета, въ мірѣ-ли физическомъ или психическомъ (moral); вся разница между ними состоитъ въ томъ, что первыя формы имѣютъ активный характеръ, между тѣмъ какъ послѣднія пассивный. Выраженіе, Çure aita ikusirik jiten niz, имѣетъ такой-же смыслъ [illegible] и предъидущее: Je viens de voir votre père. Но если вы захотите [illegible] передать значеніе слова ikusiric, то вамъ придется сказать такъ: Je [illegible] de votre père vu. Нечего думать, что такой переводъ [illegible] sitic, вмѣсто ikusiric; мы имѣли не одинъ случай убѣдиться, что [illegible] вомъ выраженіи творительный падежъ единственнаго числа. [illegible] творительный неопредѣленнаго вида (de la section indéfinie) [illegible] изъ фразъ ez da eginic (il n'y en a point de fait. Ez da [illegible] en a point de cuit) и др. Дѣйствіе, которое вы намѣрены [illegible] представить себѣ извѣстной точкой въ пространствѣ [illegible] (quò); и это отношеніе приближающагося [illegible] дѣйствію, очень удачно выражается такъ [illegible] нія (le cas approximatif). Такъ, мы говоримъ [illegible] noa, Ikhustera noa, Je vais [illegible] voir, или точнѣе, Je vais au [illegible] дѣ того какъ «Je vais au jardin» и т. д. [illegible] ad visitandum и т. п.

Мѣсто, чрезъ которое вы [illegible] черезъ [illegible] котораго совершается что-нибудь [illegible] такъ [illegible] падежи [illegible]

трудно узнать Французское plier (сгибать, направлять) въ Португальскомъ chegar (прибывать, приходить); но мы сводимъ plier къ plicare, а chegar къ Испанскому llegar (Древне-Испан. plegar, Латинск. plicare), ([28]) употребленному здѣсь въ смыслѣ сгибанія, направленія къ извѣстной цѣли, прибытія въ извѣстное мѣсто. Но когда мы имѣемъ дѣло съ нарѣчіями Китая, по видимому, нѣтъ никакой надежды найти какую бы то ни было связь между ними.—Теперешній Кохинхинскій говоръ составляетъ нарѣчіе Китайскаго языка, по крайней мѣрѣ, столько-же, сколько Нормано-Французскій языкъ былъ нарѣчіемъ Французскаго, хотя на немъ говорили Саксы при Норманскомъ дворѣ. У Кохинхинцевъ былъ свой родной языкъ, такъ называемый Аннамскій, ([29]) стоящій въ такомъ-же отношеніи къ привившемуся въ его родинѣ языку Китайскому, какъ Саксонскій къ Норманскому. Этотъ привившійся Китайскій говоръ есть нарѣчіе того языка, которымъ говорятъ въ Китаѣ; ближе всего онъ подходитъ къ нарѣчію Кантона. Но не всякій Китайскій ученый узнаетъ свой языкъ въ Кохинхинскомъ говорѣ. Такъ, напримѣръ, одна изъ самыхъ характеристическихъ чертъ литературнаго Китайскаго языка, Нанкинскаго нарѣчія, или языка Мандариновъ, состоитъ въ томъ, что каждый слогъ непремѣнно оканчивается на гласный звукъ, чистый или носовой. ([30]) Въ Кохинхинскомъ-же языкѣ есть слова, оканчивающіяся на k, t, p. Такъ, напримѣръ, «десять» здѣсь—thap, въ Кантонѣ chap, вмѣсто Китайскаго tchi. ([31])

([28]) Diez, Lexicon, см. llegar; Grammatik, I. стр. 379.

([29]) Объ остаткахъ туземцевъ Кохин-Хины, см. Léon de Rosny Tableau de la Cochinchine, стр. 138.

([30]) Endlicher, Chinesische Grammatik, стр. 53, 78, 96.

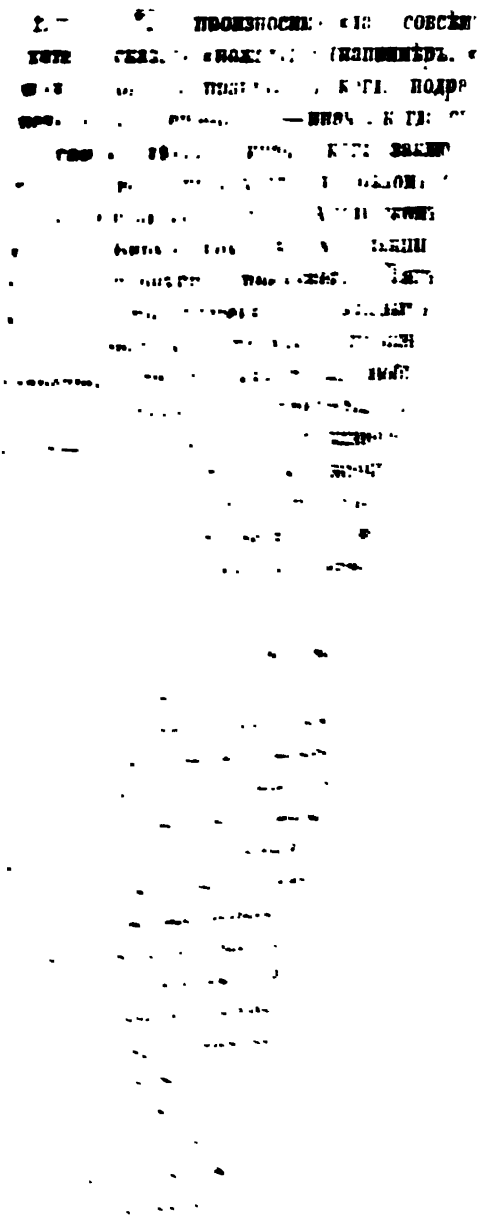
([31]) Léon de Rosny, Tableau de la Cochinchine стр. 295. Онъ приводитъ для поясненія—

	по-аннамски.	по-кантонски.
десять	thap	chap
снабжать	dak	tak
кровь	houet	hoeĕt
роща	lam	lam.

Онъ упоминаетъ также о двойныхъ согласныхъ въ Китайскомъ языкѣ, которыя можно слышать въ Кохинхинѣ, именно, bl, dy, ty, ml, tr; также о f, r, s. Какъ конечныя согласныя онъ приводитъ ch, k, m, n, ng, p, t. стр. 296.

Диалектическ[illegible] перерожден[illegible]

[illegible] произносим[illegible] «[illegible] совсѣм[illegible]
[illegible] «[illegible] (напримѣръ. «
[illegible] подр[illegible]
[illegible] — [illegible]
[illegible]



. Латинскій и Гре-
л?

кціи я указалъ на
ускоряющихъ вы-
ыкахъ кочующихъ
ми языками, и съ
ю фактовъ, самымъ
ь высказанные мною
, епископъ Мелане-
ляться,—подвигамъ-
сти, или, наконецъ,
мъ островѣ встрѣ-
рыхъ развѣ только
езійскій типъ. «Ка-
зависти въ ихъ жизни
огочисленность язы-
олько мнѣ извѣстно,
гся; провинціализмы,
., постоянно представ-
»

одной новой, хоть и
й въ Полинезійскихъ
, какъ мы далеки еще
нить всѣ разнообразныя
дѣйствовать въ кочевыхъ
лію и увеличивая ихъ чи-
, лицамъ, менѣе всего до-
доставить случай убѣдить-
емъ о всѣхъ таинствен-
иваясь сравненіемъ однихъ
Греціи, Италіи и Германіи.

обыкновенныхъ метафори-
другой, болѣе странный
тительность къ царю: это
отъ «ти ѣи.» Они переста-
номъ языкѣ тѣ слова, кото-

...ходятъ въ составъ ... ъ «гене;» «авае,» луна, отъ ...родственниковъ, и ...ленно новыя слова ...е это правило, по которому ста...у Полинезійцевъ ... ъ употребленіе по смерти той ...рей ихъ всегда нѣ... были составною частью, то ...ельныя измѣненія ...-нибудь два, три столѣтія совер...ь зыкѣ. Правда, ...но, не въ своей грамматикѣ, а ...потому что, по смер... ...чаютъ право граж... казать, что «реніи» просто слу...ть не менѣе трудно ...ородняго племени, но что это ...двухъ поколѣній ...леніе для того, чтобы имѣть ка...пускались въ ход... философіи языка. Признаюсь, я ...тотъ фактъ, что м... этотъ обычай, но мое вниманіе ...повѣ, сообщаютъ имѣлось было привлечено тѣмъ обстоя...никакіе туземные ...особенность ...ли, по крайней ...нить. Vancouver ... ...ъ этимъ ... существуетъ и у ...35), что съ восшествіе... языкъ» ...имѣлъ намъ пре...между посѣщеніемъ ... (въ ... ...ходномъ со...но-было измѣнилось ...[38]) «есть много словъ, при...сати самыхъ употребительно ... Причиной это...необходимости, чтобы ... «Пинаруна» укрѣпилъ,— ...ходящія въ составъ ... ...ій, запрещающій женщинамъ ...ленія одного изъ нихъ ... ...ыхъ есть хотя одинъ звукъ, ...ающемъ «ночь (по), ...ъ ближайшихъ родствен...ющій)» только первое ... ...ыражается, что но...ени.» Также точно в... ...ымъ запрещенію, ...ейшей царицы—только ... ...ворятъ, даже можно ...каму,» а «мата» (гла... ...женской болтовней и ...—ariі—на-вага... ...ами мужчинъ. Но вліяодно только роа ...ельными гораздо зна...тоже самое,какъ если-б ...ревы Викторіи, или цѣ... ...табу, или же какая ни... ...что, во время ея цар... ...ѣмъ ея величества ... ...него нужно было б... ...выраженіе, хоть-бы, ...тивная партія.» Цѣль,

...съ очеркомъ его ...Ново-Африканскихъ ...—замѣтки объ ...Преподобнаго I. W. ...ской вѣдѣ Кафровъ. ...ческаго обще...ъ на мысѣ Доброй ...донъ. 1850. ...мъ Преподобнымъ ...ледованія языка.

ьнѣе, чѣмъ вліяніе мужчинъ. Нѣмцы совершенно вѣрно
ваютъ свой родной языкъ «Unsere Muttersprache, на-
тернинская рѣчь,» потому что вѣдь отъ матерей-то мы
учаемся говорить, со всѣми особенностями ихъ обо-
ь и произношенія, со всѣми недостатками ихъ рѣчи.
онъ въ своемъ «Брутѣ» (стр. 58), говоритъ: «огром-
азница въ томъ, кого намъ приходится слышать
й день дома, съ кѣмъ приходится говорить во вре-
него дѣтства, какъ говорятъ наши отцы, воспи-
и матери. Когда читаешь письма Корнеліи, мате-
акховъ, сейчасъ-же видишь, что ея сыновья воспи-
были не грудью, а, такъ сказать, самымъ дыхані-
рѣчью своей матери.» Въ другомъ мѣстѣ (Reht. III.
рассъ выражается такъ: «когда я слушаю Лелію
женщины охотнѣе придерживаются старыхъ выра-
потому что, не слыша разговоровъ мужскаго
ва, онѣ уже помнятъ разъ заученное), когда я ее
мнѣ такъ и кажется, что это говоритъ Плавтъ
ій.»

это еще не все. Данте первыя попытки употре-
стонародный говоръ въ Италіи для литератур-
изведеній приписываетъ безмодвному вліянію
не понимавшихъ по-латыни. Этотъ простонарод-
ъ, прежде чѣмъ сдѣлался литературнымъ язы-
іи, занималъ въ ней такое-же самое положе-
занимали такъ называемыя Пракритскія нарѣ-
ціи: эти нарѣчія впервые вошли въ литературу,
анскритскихъ драмахъ стали писаться на нихъ
роли, какъ важнаго, такъ и низкаго харак-
го Санскрита, на которомъ изъяснялись только
льможи, да жрецы. Что-же мы видимъ? го-
ъ, или-же если и не исключительно женщинъ,
мъ случаѣ женщинъ и домашней прислуги,
у входитъ въ литературный языкъ страны и
даже совершенно замѣняетъ его; потому что,
ракрита, а не изъ литературнаго Санскрита,
ъ теченіемъ времени, всѣ теперешнія нарѣчія
ное одновременное существованіе двухъ та-

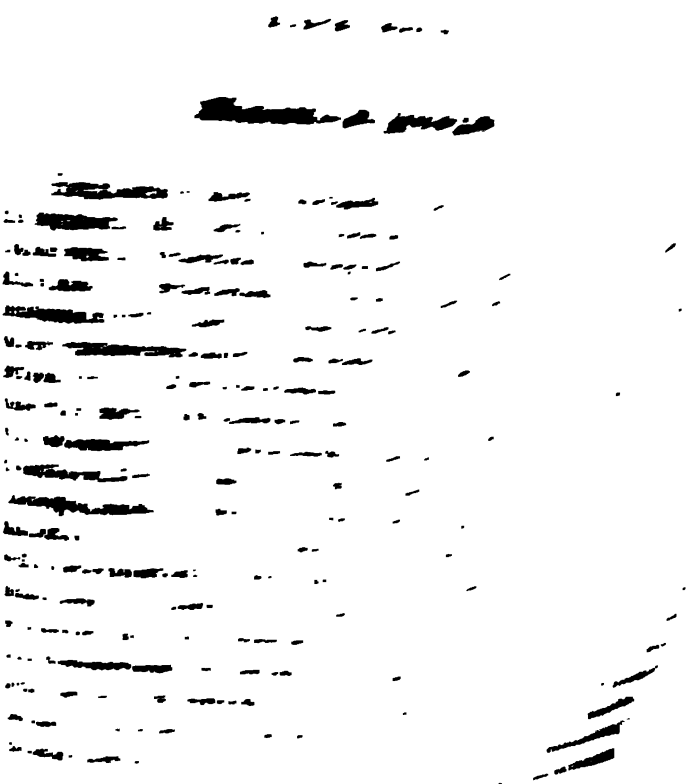
гениый; «фене,» шесть, отъ «гене;» «а
«кавабе.»

Ясно, что если-бъ не это правило.
рыя слова свои входятъ въ употреблені
особы, въ имени которой были состави
языкъ могъ-бы въ какія-нибудь два, три
можно измѣниться, конечно, не въ своем
въ своемъ словарѣ.»

Очевидно, можно сказать, что «ген
чайность, причуда существительнаго племе
слишкомъ незначительное явленіе для того,
кое-нибудь значеніе въ философіи языка.
самъ такъ смотрѣлъ на этотъ обычай, и
въ послѣднее время сильно были пресл
тельствомъ, что такое же особенность,
міръ, нѣтъ ровно ничего общаго въ этомъ
Кафрахъ. «Въ Кафрскомъ языкѣ.» (
ванный I. W. Appleyard въ своемъ
явленія отъ всѣхъ языковъ
выдающихся женщинъ
въ своемъ народномъ обычаѣ
такъ же замѣчательно,
произошло отъ слова
входящій въ составъ
имя
для
не только
сказать, что они
имя
не

съ малочисленностію на-
, въ разсыпную, — вотъ,
...омаднаго разнообразія
I, стр. 329—330).
і въ настоящемъ курсѣ
...я языками—Греческимъ
...азвѣтвленіями, Англій-
...ичами, *Русскимъ, съ
...акъ часто злоупотреб-
, Санскритомъ—я счи-
...якія недоразумѣнія,
... мысль, будто изученіе
...иковъ въ состояніи
...для науки о языкѣ.
...я отъ изученія одной
...довъ относительно
...кѣе, онъ намъ ска-
...ь нами до послѣд-
...равляются измѣне-
...онъ выработаетъ
...я научитъ его цѣ-
...ь языкахъ, какіе
...для насъ понима-
...привыкли думать,
...е принимающихъ
...ъ намъ даетъ за-
...жетъ имѣть нау-
...ихъ представле-
...ие того, сколько
...асъ словъ въ язы-
...лій въ народѣ,
...ся индивидуумъ
...оличества тѣхъ
...онъ распола-
...и животныхъ,
...ованныхъ лю-
...покровит...

такъ? Чтобъ отвѣчать на это, нужно познакомиться съ самимъ процессомъ возникновенія представленій. Одно представленіе вызывается въ нашемъ сознаніи другимъ только потому, что въ нихъ обоихъ есть сходные опредѣляющіе признаки.» Съ возрастающимъ числомъ этихъ признаковъ, продолжаетъ Вунтъ, «родство представленій становится многостороннѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ возможность привести въ движеніе извѣстное представленіе массами другихъ представленій.» (Стр. 466). Но что же можетъ полнѣе раскрыть передъ нами все богатство признаковъ, заключающихся въ каждомъ представленіи, какъ не сравнительно-историческій анализъ каждаго слова?* Да, эти двѣ науки, языковѣдѣніе и психологія, самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собою, и безъ надлежащаго анализа нашего слова мы не дойдемъ до истиннаго пониманія законовъ нашей мысли. Вотъ что говоритъ Лейбницъ: «по моему крайнему разумѣнію, языки — это самое вѣрное зеркало человѣческаго разума, и ничто такъ не въ состояніи освоить насъ съ процессомъ мысли, какъ точный анализъ значенія словъ.» Лекціи эти распадаются на двѣ части. Въ одной идетъ рѣчь о внѣшней сторонѣ языка,* объ анатоміи его, если можно такъ выразиться,* о звукахъ, изъ которыхъ соткань языкъ, назовемъ-ли мы ихъ буквами, слогами, или словами; при чемъ мы будемъ имѣть дѣло съ ихъ происхожденіемъ, образованіемъ, и законами, которые управляютъ ихъ осложненіемъ и разложеніемъ; въ этой-же части мы познакомимся съ важнѣйшими началами этимологіи. Во второй части мы займемся изслѣдованіемъ внутренней стороны языка,—тѣмъ, что можетъ быть названо душой языка,—начиная съ первыхъ, зачаточныхъ движеній мысли, прослѣдимъ ихъ сочетанія и дробленія, ихъ развитіе, упадокъ и возрожденіе. Здѣсь намъ придется имѣть дѣло съ основными началами миѳологіи, какъ древней, такъ и современной, при чемъ мы должны будемъ изучить и опредѣлить то вліяніе, какое языкъ оказываетъ на ходъ нашихъ мыслей.



мымъ образомъ подобное же измѣненіе и въ ученой номенклатурѣ. Китъ, напримѣръ, опредѣленъ Вилькинзомъ какъ рыба изъ порядка «живородящихъ и продолговатыхъ (viviparous and oblong). Рыбы, вообще, опредѣлены какъ существа, одушевленныя, чувствующія, съ кровью (substances, animate, sensitive, sanguineous)», и знакъ, связанный Вилькинзомъ съ понятіемъ кита, заключаетъ въ себѣ всѣ эти признаки, которыя опредѣляютъ его мѣсто въ «сводѣ знаній» Епископа. Но мы перестали кита считать рыбой, и знакъ, связанный съ нимъ, долженъ быть совершенно другой въ этомъ сводѣ; не то—этотъ знакъ будетъ тѣмъ же, чѣмъ стали выраженія въ родѣ—, «небесный сводъ», «солнечный закатъ,» «громовыя стрѣлы,» —выраженія, когда-то обозначавшія извѣстныя представленія, которыя въ наше время считаются ошибочными,* хотя для той части людей, которая и теперь еще смотритъ на солнце, какъ на огненный шаръ, скатывающійся съ хрустальнаго свода, эти выраженія удерживаютъ свой первоначальный смыслъ. Но вѣдь и кита до сихъ поръ въ массѣ считаютъ рыбой—словомъ—вездѣ,* въ обозначеніи самыхъ строгихъ научныхъ предметовъ, вышла бы та же старая исторія.

Химія усвоила выраженіе «кислота,» какъ техническое названіе для цѣлаго класса тѣлъ, потому что тѣ изъ нихъ, которыя первыя подверглись научному анализу, отличались кислымъ вкусомъ. Но съ успѣхами химическихъ изслѣдованій оказалось, что существуетъ цѣлый рядъ совершенно сходныхъ въ своихъ существенныхъ чертахъ тѣлъ, которыя однакоже не кислы, и что слѣдовательно кислота составляетъ случайный признакъ только нѣкоторой части этихъ тѣлъ. Тѣмъ не менѣе перемѣнять названіе не считали нужнымъ, и теперь словомъ «кислота» или его этимологическимъ эквивалентомъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ обозначается—и кремень, и кварцъ и горный хрусталь...

Вслѣдствіе подобнаго же неправильнаго употребленія слова «соль» въ научномъ смыслѣ, химики причисляютъ къ солямъ, напримѣръ, вещество, изъ котораго сдѣланы бутылки, зеркальныя и оконныя стекла, горшки, между

точный анализъ показалъ, что существенный
ie только другихъ, такъ называемыхъ, солей,
всѣмъ извѣстной поваренной соли, этой соли
ъ ложно понятъ,* и что напр. стеклянная со-
ь настоящая соль и то, что, въ ней, что̀ въ
л называютъ солью,—вовсе не—соль и по-
лючается изъ группы настоящихъ солей, оста-
лъ свое имя.* [44])

ископъ начинаетъ съ дѣленія всего, что можетъ
едметомъ языка, на шесть классовъ или родовъ.
въ свою очередь распадаются, по своимъ отли-
ымъ признакамъ, на нѣсколько подраздѣленій. Вотъ
ссы:

A. Трансцендентальныя (сверхчувственныя) понятія.
B. Субстанціи (вещества).
C. Количества.
D. Качества.
E. Движенія.
F. Отношенія.

Въ B—F легко узнать всѣ, такъ называемые, основ-
ые предикаменты или категоріи логики, въ которыя,
чно въ разгороженныя клѣтки, древніе философы сили-
ись втиснуть все, что когда-либо въ состояніи умъ
человѣческій произвести.

Подъ A сгруппированы нѣсколько болѣе отвлеченныя представленія, какъ напримѣръ «родъ,» «причина,» «условіе» и т. п.

Подраздѣляя эти шесть классовъ, каждый порознь, Епископъ получаетъ ихъ сорокъ; эти сорокъ классовъ обнимаютъ, по его крайнему разумѣнію, все, что только мы знаемъ или можемъ представить себѣ въ нашемъ умѣ, а слѣдовательно и—все то, что только можетъ быть выражено въ языкѣ, естественномъ ли, или искусственномъ. Начиная по порядку сначала, находимъ, что его трансцендентальныя понятія относятся или къ вещамъ или къ словамъ.

---

[44]) Marsh, History of the English Language, стр. 211; Liel mishe Briefe, 4-е изд. I, стр. 96.

жетъ быть никакихъ сомнѣній, никакихъ недоразумѣній, и я поэтому прямо и ясно высказываю свое мнѣніе—будь оно вѣрное или ошибочное—что мысль, въ смыслѣ умственой работы, невозможна безъ языка. Послѣ всего, что было сказано въ предъидущихъ лекціяхъ, никто, конечно, не станетъ выводить отсюда, будто я отвергаю въ животныхъ возможность мысли или умственной дѣятельности. Какъ животнымъ, такъ и дѣтямъ, которыя еще не говорятъ, равнымъ образомъ чужды отправленія разума, съ тою громадною разницей, что дѣти носятъ въ себѣ здоровые зародыши языка и разума, только еще не развившіеся въ дѣйствительный языкъ и дѣйствительный разумъ, между тѣмъ какъ животныя, при настоящихъ условіяхъ своего существованія, не обладаютъ подобными зародышевыми качествами или способностями, которыя бы подлежали дальнѣйшему развитію. Нельзя не признать въ животныхъ чувства, понятливости, памяти, воли и сужденія, но мы не замѣтимъ въ нихъ ни малѣйшей черты того, что Греки назвали lógos, т. е. разумъ, буквально—собираніе, сведеніе,—слово, необыкновенно мѣтко и совершенно естественно обозначающее въ одно и то же время языкъ и разумъ. [6]) Logos произошло отъ légein, что̀, первоначально, подобно латинскому legere, значило просто собирать. Отсюда каталогъ (Katálogos), сведеніе, перечень; collectio (con-leg-tio), коллекція. У Гомера légein почти никогда не употребляется въ смыслѣ говорить, думать, а всегда почти оно значитъ собирать, еще точнѣе, сводить счетъ, дѣлать перечень; (англ. to tell тоже первоначально значило считать, zählen по-нѣмецки; теперь же оно, подобно греческому légein, значитъ разсказывать, erzählen по-нѣмецки). [7]) Lógos, употребляемое въ значеніи разумъ, первоначально значило, подобно англійскому tell, собираніе; потому что разумъ, «проникаю-

[6]) Ср. Фаррара, стр. 125. Heyse, стр. 41.

[7]) Одиссея, XIV, 197, οὔ τι διαπρήξαιμι λέγων ἐμὰ κήδεα θυμοῦ. Улиссъ говоритъ, что онъ никогда не дошелъ бы до конца, если-бъ сталъ вычитывать всѣ скорби своего сердца, т. е. исчислять, а не просто говорить объ нихъ.

щій въ глубь моря и въ нѣдра земли, возносящій наши мысли до звѣздъ, охватывающій все это безпредѣльное міровое пространство» [8]), есть въ сущности—не что иное, какъ простое собираніе, сведеніе частнаго, отдѣльнаго, въ общее. [9]) Латинское intelligo, т. е. inter-lego, еще нагляднѣе рисуетъ тотъ умственный процессъ, который дѣйствительно состоитъ въ сплетеніи общаго съ частнымъ. Но lógos, употребленное въ значеніи—слово, равнымъ образомъ значитъ собираніе, сведеніе, потому что каждое слово, или, по крайней мѣрѣ, каждое имя обязано своимъ происхожденіемъ тому же процессу; каждое имя выражаетъ совокупность частнаго, отдѣльнаго, въ общемъ. *Такъ, напримѣръ, слово—столъ выражаетъ совокупность признаковъ, общихъ всѣмъ столамъ, какіе когда либо приходилось видѣть человѣку.* Подобно тому, какъ мы не можемъ выразить количества безъ чиселъ, также точно не можемъ мы выражать мыслей безъ словъ. Есть народы, которыхъ исчисленіе не идетъ дальше четырехъ. Но можно ли, на основаніи этого, сказать, что мать, напримѣръ, въ тѣхъ странахъ затруднилась-бы сказать, сколько у нея дѣтей, если ихъ больше четырехъ? Очевидно, что нѣтъ, потому что даже кошка тотчасъ замѣтитъ, что у нея не всѣ дома, если вы отнимете у нея пятаго котенка. Но если у нихъ нѣтъ чиселъ выше четырехъ, ихъ умствованія не пойдутъ дальше четырехъ. Они вамъ не скажутъ, также какъ и дѣти въ извѣстный возрастъ, что три да два будетъ пять; они только знаютъ, что если къ тремъ прибавить два, то будетъ много. Хотя я уже распространялся объ этомъ предметѣ въ послѣдней лекціи моего прежняго курса, но тѣмъ не менѣе нѣсколько замѣчаній для выясненія моей мысли будутъ не лишни.

---

[8]) Locke, On the human Understanding, IV. 17, 9.

[9]) И эту мысль Локкъ съумѣлъ облечь въ свой изящный, выразительный языкъ: „я думаю, что весь этотъ великій процессъ образованія родовъ и видовъ, всю его сущность можно свести вотъ на что: люди, чтобы ускорить и облегчить себѣ пониманіе вещей, трактуютъ о нихъ и изучаютъ ихъ, такъ сказать, цѣльными кучами; въ противномъ случаѣ имъ пришлось бы долго и безуспѣшно возиться съ ними, если-бъ ихъ слова и мысли относились къ отдѣльнымъ предметамъ“ (III. 3, 20).

Человѣкъ не могъ-бы дать имени ни дереву, ни животному, ни рѣкѣ, ни вообще какому-бы то ни было предмету, который заинтересовалъ его, еслибъ его не поразила въ каждомъ изъ этихъ предметовъ какая-нибудь общая черта, наиболѣе характеристическая въ данную минуту для каждаго изъ этихъ предметовъ. На низшей степени развитія языка, подражаніе лошадиному ржанію было-бы достаточно для того, чтобы назвать лошадь. Дикія племена обладаютъ необыкновенной звукоподражательной способностью и часто съ неподражаемой вѣрностью копируютъ крики птицъ. Но это еще не языкъ. Есть такое племя, Какаду, о которомъ разсказываютъ, что когда кто-нибудь изъ нихъ видитъ пѣтуха или курицу, то сейчасъ же начинаетъ кудахтать, желая этимъ выразить то, что онъ видитъ. Но не такимъ путемъ произошли слова въ нашемъ языкѣ. Въ арійскомъ названіи лошади вы не откроете ни малѣйшаго намёка на ржаніе. Когда арійцу пришлось назвать лошадь, то признакомъ, наиболѣе поразившимъ его, была быстрота лошадинаго бѣга. Оттого-то, отъ корня as [10], быть острымъ, быть быстрымъ (тотъ-же корень встрѣчаемъ мы въ лат. acus, иголка, въ acuo, острю, въ франц. уменьшительномъ aiguille, въ acer, быстрый, острый, въ acrimonia, и даже въ американскомъ 'cute), образовалось aśva, бѣгунъ, конь. Это aśva существуетъ въ Литовскомъ языкѣ въ видѣ aszva (кобыла), въ лат. въ видѣ equus (ekvus), въ греч.—ἴκκος [11]), т. е. ἵππος, въ древне-саксонскомъ-же въ видѣ ehu. Много другихъ именъ могли быть даны коню, но какія-бы ни были даны, всѣ они могли образоваться не иначе, какъ только путемъ обозначенія какой-нибудь выдающейся черты въ конѣ, носящей характеръ того или другаго общаго качества, на основаніи котораго, конь вмѣстѣ

---

[10]) Ср. въ Санскр. áśu, скорый, ὠκύς, ἀκωκή, остріе и другія словопроизводства, указанныя Курціусомъ, въ его Griechische Etymologie, I, 101. Лат. catus, острый, произведено отъ санскр. śo (śyati) острить.

[11]) Etym. Magn., стр. 472. 12, ἴκκος σημαίνει τὸν ἵππον. Curcius, Gr. Etym., II, 49.

съ рядомъ другихъ предметовъ долженъ бы быть подведенъ подъ ту или другую общую категорію. Разными именами можно было назвать пшеницу: она и колосиста, и питательна, и пахуча, и желта какъ огонь и т. д. Но германецъ просто-на-просто назвалъ бѣлой, wheat (англ. white=бѣлый), какъ бѣлый цвѣтъ ея зеренъ показался ему наиболѣе отличительнымъ признакомъ въ сравненіи съ другими, очень сходными съ нею растеніями. Въ томъ-то и состоитъ вся сущность ономатопоэзіи или словообразованія, что въ каждомъ имени выдвигается на первый планъ не тотъ признакъ, который составляетъ наиболѣе важное или специфическое свойство, но тотъ, который поражаетъ наше воображеніе, [12]) и кажется наиболѣе пригоднымъ для той цѣли, чтобы какъ можно скорѣе и легче въ головахъ другихъ людей вызвать то, о чемъ мы думаемъ. Выражаясь языкомъ Локка, можно сказать, что люди при образованіи именъ болѣе руководились своимъ остроуміемъ, чѣмъ способностью дѣлать сужденія и выводы. Остроуміе, говоритъ онъ, состоитъ въ сочетаніи идей, въ быстромъ и разнообразномъ сопоставленіи такихъ представленій, между которыми существуютъ какія-нибудь общія черты или признаки, — и все это для того, чтобы вызвать въ воображеніи пріятные образы и картины: сужденіе, напротивъ того, состоитъ въ строгомъ раздѣленіи такихъ понятій, въ которыхъ можно подмѣтить малѣйшее различіе, съ тѣмъ, чтобы совершенно устранить случаи смѣшиванія ихъ между собою [13]). Между тѣмъ какъ, по методѣ Вилькинза, имена вещамъ пришлось-бы дать путемъ сужденія, у первообразователей языка всѣ они были дѣломъ остроумія или фантазіи. Такъ пшеница была названа бѣлымъ растеніемъ, hvaiteis по-готски, въ англо-саксонскомъ hvaete, у Литовцевъ kwetys, въ англ. wheat, и всѣ эти имена указываютъ на Санскр. śveta, т. е. бѣлый, Гот. hveits, Англо-сак. hvît. Въ Санскритѣ словомъ śveta не была названа пшеница

[12]) Pott, Etym. Forsch., II, 139.

[13]) Locke, On the human Understanding, II, 11, 2.

подобное производство повторилось еще разъ, въ одномъ изъ новѣйшихъ языковъ, и именно въ Англійскомъ*: feature по-англійски значитъ лицо, но это очевидное искаженіе слова factura, работа, издѣліе. По тому-же принципу спутникъ нашей планеты названъ luna, т. е. lucna, lucina, свѣтящая, свѣтильникъ; молнія*, малор. блискавка*, fulmen, т. е. fulg-men, отъ fulgere, блистать; звѣзды — stellae, т. е. sterulae, въ Санскритѣ staras, отъ strî, метать, слѣдовательно — мечущія свѣтъ. На первый разъ подобныя этимологіи покажутся совершенно недостаточными, слишкомъ неопредѣленными и мало интересными, но потомъ, подумавши, мы увидимъ, что только этимъ путемъ и могла всеобъединяющая сила нашей мысли свести подъ немногія имена или категоріи все разнообразіе окружающей природы. [14]) То, что Бунзенъ назвалъ первой поэзіей человѣчества—образованіе словъ—конечно, далеко отстаетъ отъ тѣхъ условій, какіе мы привыкли теперь требовать отъ поэзіи: но эта самая бѣдность и простота «первобытной поэзіи» и дѣлаетъ ее такой привлекательной въ глазахъ историковъ и филологовъ, потому что вѣдь, какъ ни проста эта первобытная поэзія, какъ ни отзывается дѣтствомъ эта философія, но она могла возникнуть лишь въ головѣ человѣка. Она могла возникнуть въ его головѣ потому, что только онъ обладаетъ способностью сводить частное подъ общее; она могла возникнуть въ его головѣ потому, что только онъ обладаетъ даромъ слова; наконецъ—скажемъ, не боясь тавтологіи—она могла возникнуть въ его головѣ потому, что только онъ—человѣкъ.

Безъ слова не было бы разума, безъ разума не было бы слова. Интересно видѣть, какъ многіе мыслители женируются этимъ положеніемъ и все ищутъ, какъ-бы избѣжать подобнаго вывода, объясняя все вліяніемъ языка, который, въ большей части новѣйшихъ идіомовъ, произвелъ два слова, одно для языка, другое для

[14]) Ср. Sankara: Vedânta-Sûtra, I, 3, 28 (Muir, Санскритскій текстъ, III, 6), âkritibhis cha śabdânâm sambandho na vyaktibhih, vyaktînâm ânantyât sambandhagrahanânupapatteh.

разума, такъ что говорящій на этихъ языкахъ приходитъ къ тому заключенію, что языкъ и разумъ различаются между собою не только внѣшними, формальными признаками. Такъ, Броунъ говоритъ: «быть безъ языка, словеснаго или письменнаго, почти тоже, что быть безъ мыслей (Сочиненія Броуна, I, стр. 475). Но это «почти» у него значитъ вотъ что: чтобъ человѣкъ не могъ судить и умозаключать безъ какого-бы-то ни было языка, а слѣдовательно и безъ всякихъ общихъ знаковъ понятій—мнѣніе, котораго держатся впрочемъ многіе очень замѣчательные мыслители—я не могу допустить, потому что подобное положеніе лишено всякаго разумнаго основанія; но если ужъ нужно опровергать подобное мнѣніе, то достаточно указать на изобрѣтеніе языка, въ которомъ выразились эти общіе знаки понятій, или, еще лучше,—на состояніе умственныхъ отправленій у необученныхъ глухонѣмыхъ (тамъ-же, II, стр. 446), и наконецъ, какъ на отличное аналогичное доказательство, на очень замѣтные слѣды сужденій и умозаключеній у животныхъ,—слѣды, которыхъ нельзя не признать столько-же дѣйствительными, какъ и тѣ инстинкты, съ которыми они всегда бываютъ такъ перемѣшаны.»

Необученные глухонѣмые, на сколько я знаю, никогда не обнаруживали признаковъ умственной дѣятельности, хотя нельзя сказать, чтобы глухонѣмые, живущіе въ обществѣ мыслящихъ людей, не заимствовали чего-нибудь похожаго на умственныя отправленія, отъ своихъ сосѣдей. Въ томъ же случаѣ, когда они бывали въ школѣ глухонѣмыхъ, въ головѣ ихъ, конечно, существуютъ общія понятія, хотя они и остаются неспособными отчетливо выразить тѣ звуковыя показатели или воплощенія этихъ понятій, которые мы называемъ словами. Но это вовсе не опроверженіе нашихъ доказательствъ. Глухонѣмыхъ обучаютъ люди, владѣющіе въ одно и то же время и общими понятіями и ихъ звуковыми выраженіями, которыя выработаны были длиннымъ рядомъ поколѣній мыслящихъ людей. Глухонѣмыхъ научили думать мыслями другихъ, и если они не могутъ произносить словъ, соотвѣтствующихъ

этимъ мыслямъ, то они выражаютъ ихъ другими знаками, и именно такими, которые также точно разсчитываютъ на чувство зрѣнія, какъ наши слова не обходятся безъ чувства слуха. Эти знаки, однако, вовсе не знаки вещей или понятій объ нихъ, т. е. вовсе не то, что — слова: это просто — знаки знаковъ, нѣчто въ родѣ писаннаго языка, который тоже нельзя назвать изображеніемъ нашихъ мыслей,—посредствомъ его мы изображаемъ лишь звуковыя воплощенія нашихъ мыслей. Азбучное письмо выражаетъ звуки языка, гіероглифическое письмо выражаетъ самый языкъ или мысли.

Эта же самая мысль—будто мы можемъ думать безъ знаковъ, будто безъ словъ могутъ совершаться въ нашей головѣ цѣлые умственные процессы—эта мысль проходитъ чрезъ всю философію Локка. [15]). Онъ упорно держится того мнѣнія, что слова, это — пріуроченные къ нашимъ понятіямъ знаки, и притомъ условные знаки. Онъ рисуетъ въ своемъ воображеніи такое состояніе общества, «когда человѣкъ обладалъ большимъ разнообразіемъ мыслей, которыя могли-бы быть очень полезны и для другихъ, но никакъ не могъ ихъ выразить. Но такъ какъ удобства и выгоды общества немыслимы безъ сообщенія мыслей, то оказалось необходимымъ придумать какіе-нибудь извѣстные знаки для того, чтобы тѣ понятія, изъ которыхъ слагаются наши мысли, вызывать въ сознаніи другихъ. Для подобной цѣли ничто не могло быть такъ пригодно, какъ эти членораздѣльные звуки, которые съ такою легкостью и въ такомъ большомъ количествѣ могли быть произведены человѣкомъ. Теперь легко понять, какимъ образомъ слова, которыя по природѣ своей были такъ пригодны для такой цѣли, стали употребляться людьми, какъ знаки ихъ понятій; при чемъ, очевидно, не-зачѣмъ предполагать никакой естественной связи между членораздѣльными звуками и извѣстными понятіями, потому-что въ такомъ случаѣ у всѣхъ людей былъ-бы одинъ и тотъ-же языкъ: совершенно условныя соглашенія были причиной, почему одно по-

[15]) Locke, On the Human Understanding, III, 2, 1.

нятіе выражено было такимъ-то звукомъ, а не другимъ и т. д.»

Тѣмъ не менѣе Локкъ допускаетъ, что при умственной работѣ почти невозможно обходиться безъ словъ. «Большая часть людей, если не всѣ, говоритъ онъ, (желательно знать, кто это составляетъ исключеніе?) во время размышленій съ самими собою употребляютъ слова вмѣсто понятій, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда предметъ ихъ размышленій заключаетъ въ себѣ сложныя понятія.» (ibid. IV, 5, 4). Но это вѣдь совсѣмъ другой вопросъ, и именно вопросъ такого рода,—можно-ли послѣ того, какъ наши понятія нашли уже свое выраженіе въ словахъ, употреблять слова, не возбуждая въ то-же время умственнаго процесса; и на-оборотъ, можно-ли работать умомъ, не употребляя словъ? Это будетъ видно изъ примѣровъ, приведенныхъ Локкомъ. «Нѣкоторыя смутныя и запутанныя понятія, говоритъ онъ, какъ-бы уже отслужили свой вѣкъ; и многіе, съ такимъ обиліемъ разглагольствующіе о религіи и совѣсти, о церкви и вѣрѣ, о силѣ и правѣ, о меланхоліи и желчи, были-бы поставлены въ очень затруднительное положеніе и не нашлись-бы о чемъ говорить, если-бы у нихъ потребовали—имѣть въ виду при разсужденіяхъ самые предметы, а слова, которыми они такъ часто пускали пыль въ глаза другимъ, а не рѣдко даже самимъ себѣ, оставить въ покоѣ.» (ibid. IV, 5, 4).

Во всемъ этомъ, безъ всякаго сомнѣнія, много правды; но, говоря строго, положительно невозможно ни употреблять слова безъ мыслей, ни думать безъ словъ. Даже тѣ, которые съ такой неопредѣленностью толкуютъ о религіи и совѣсти и т. д., все-таки имѣютъ хоть смутныя представленія о значеніи тѣхъ словъ, которыя произносятъ; если-бы они перестали связывать свои понятія, какъ-бы ни были несовершенны и ложны эти послѣднія, съ словами, которыя они произносятъ, мы бы не имѣли никакого повода сказать о нихъ, что они г о в о р я т ъ: они-бы въ такомъ случаѣ только издавали шумъ. И на-оборотъ, нѣтъ никакой невозможности, безъ словъ, видѣть, ощущать, заглядываться на вещи, мечтать объ нихъ; за то

безъ словъ, ни на одно мгновеніе не можетъ явиться въ вашей головѣ даже такое простое понятіе, какъ напр. бѣлый или красный.

При всемъ нашемъ желаніи выражаться какъ можно точнѣе, мы все-таки часто подаемъ поводъ къ недоразумѣніямъ, не условившись предварительно о значеніи каждаго слова. Если разсудочную дѣятельность принимать за одно съ знаніемъ, или представленіемъ, или вообще съ умственнымъ процессомъ, то, конечно, мы не въ правѣ не признать её ни въ необученномъ глухонѣмомъ, ни въ дитяти, ни даже въ животныхъ. Дитя, прежде чѣмъ оно научится говорить, такъ-же хорошо знаетъ различіе между горькимъ и сладкимъ (т. е. что горькое не сладко), какъ потомъ, уже обладая языкомъ, оно отлично знаетъ, что полынь и сахарный горохъ не одно и то-же. Дитя получаетъ ощущеніе сладости, находитъ въ немъ много пріятнаго, вспоминаетъ объ немъ, желаетъ его повторенія; но оно не задается вопросомъ, что такое сладость, оно погружено въ свои ощущенія, въ свои удовольствія, въ свои воспоминанія, оно не можетъ смотрѣть на нее хладнокровно, совершенно со стороны, оно не можетъ судить объ ней, оно не можетъ говорить объ ней [17]). Все это хорошо высказано Шеллингомъ: «безъ употребленія языка,» говоритъ онъ, «совершенно немыслимо не только философское, но даже и обыкновенное человѣческое сознаніе: слѣдовательно, образованіе языка ни въ какомъ случаѣ не могло быть сознательное. Однако, чѣмъ болѣе мы будемъ анализировать языкъ, тѣмъ яснѣе для насъ будетъ видно, что никакое произведеніе ума человѣческаго не можетъ сравниться съ нимъ по своей глубинѣ. При изслѣдованіи языка насъ поражаетъ то-же, что́ и при изслѣдованіи всѣхъ органическихъ формъ въ природѣ; мы думаемъ, что они возникаютъ, повинуясь слѣпой необходимости, а между тѣмъ мы не можемъ не признать ра-

[17]) Дитя, конечно, знаетъ, что чужой человѣкъ не его мать, что его соска не то, что́ розга, и знаетъ это гораздо раньше, чѣмъ въ его головѣ сложится убѣжденіе, что одна и та же вещь не можетъ быть и не быть. Locke, On the Human Understanding, IV, 7, 9.

зумной преднамѣренности въ образованіи каждой изъ этихъ формъ.» [18])

Гегель выражается проще и смѣлѣе: «если мы мыслимъ, говоритъ онъ, то не иначе, какъ въ словахъ.» [19]) Есть, впрочемъ, возможность—другимъ путемъ доказательствъ, быть можетъ, менѣе умозрительнымъ, но за то болѣе вразумительнымъ — ясно доказать невозможность существованія разума безъ языка. Возьмемъ какое-нибудь слово, напр. экспериментъ. Оно произошло отъ experior. Perior, какъ и греческое perân [20]) значило-бы приходить, проникать отъ одного конца до другаго. Peritus, это такой человѣкъ, который «прошелъ черезъ огонь и воду,» выражаясь русской пословицей; Periculum, это такая вещь, которую нужно пройти, — опасность. Experior — прошедши, выйти (въ Санскритѣ vyutpad); отсюда experientia и экспериментъ. Готское faran и англійское to fare (ѣхать), одного происхожденія съ perân; отсюда образовались нѣмецкія слова, Erfahrung —испытаніе и Gefahr—опасность; Wohlfahrt—добрый путь, благополучіе, греческое euporía. Пока слово экспериментъ выражаетъ это болѣе или менѣе общее понятіе, оно имѣетъ дѣйствительное существованіе. Но возьмите тѣ же звуки и перемѣните только удареніе, у васъ выйдетъ эксперимéнтъ, а это уже не имѣетъ никакого значенія. Перемѣните какую-нибудь гласную или согласную — экспоримéнтъ или эксперимéнтъ и вы получите одни звуки, но не слова. Слово Character съ удареніемъ на второмъ слогѣ имѣетъ извѣстное значеніе въ Нѣмецкомъ языкѣ, но въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ оно не имѣетъ никакого значенія. Cháracter, съ удареніемъ на первомъ слогѣ, выражаетъ извѣстное понятіе въ Англійскомъ языкѣ, но никакого значенія не имѣетъ ни во Французскомъ, ни въ

[18]) Einleitung in die Philosophie der Mythologie, стр. 52. Pott, Etymologiche Forschungen, 11, 261.

[19]) Carrière, Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung, стр. 11.

[20]) Curtius Gr. Et., i, 237.

етъ нашего вниманія. Stoichos, откуда stoicheion, означаетъ рядъ, или порядокъ, также какъ и stix и stíches у Гомера. Окончаніе eios равносильно Латинскому eius и выражаетъ принадлежность или качество чего-нибудь. Поэтому, если stoichos значитъ рядъ, то stoicheion будетъ означать нѣчто принадлежащее ряду, или составляющее рядъ. Есть ли возможность свести эти слова съ stóchos (цѣль) по формѣ или по значенію? Положительно нѣтъ. Корни съ i подлежатъ правильному измѣненію этого i въ oi или въ ei, но не въ o. Такъ корень lip, который удерживается въ élipon, принимаетъ форму leípo и léloipa; тотъ-же самый переходъ можно наблюдать въ формахъ: liph, aleipho, éloipha и pith, peítho, pepoitha. Отсюда, stoichos предполагаетъ корень stich, которымъ можно было бы объяснить въ Греческомъ языкѣ слѣдующія производныя формы:

1) Stix, родит. stichós, рядъ, строй, боевой строй.
2) Stíchos, рядъ, линія; distich, двустишіе.
3) Steichō, éstichon, маршировать, подниматься.
4) Stoichos, рядъ, строй; stoicheín, итти строемъ.

Въ Нѣмецкомъ языкѣ этотъ самый корень является въ словѣ steigen восходить; въ Санскритѣ — stigh восходить [24]).

Совершенно другой корень лежитъ въ основаніи слова stóchos. Какъ tómos предполагаетъ корень tam (témno, étamon), или bólos — корень bal (bélos, ébalon), такъ же точно stóchos предполагаетъ корень stach. Этого корня вы не встрѣтите въ Греческомъ языкѣ въ формѣ глагола,—онъ оставилъ по себѣ въ классическомъ языкѣ это единственное образованіе, stóchos, мѣтка, цѣль, а отсюда stochàzomai, мѣчу, цѣлю, и подобныя образованія. Въ Готскомъ языкѣ этотъ-же корень существуетъ въ глаголѣ stiggan, по-англійски to sting (колоть, жалить).

[24]) *См. «Грам. и Психол. Анализъ прозв. Гейне» Д. Лаврента стр. 74: «steigt.»*

Третій корень, очень близкій къ stach, но все-таки отличный отъ него, гораздо богаче производными формами въ классическихъ языкахъ, именно stig, англійское to stick, нѣмецкое stecken [25]). Отъ этого корня мы имѣемъ stizō, éstigmai, дѣлаю уколъ; въ латинскомъ — in-stigare, stimulus, (вмѣсто stig-mulus, поощреніе, стимулъ), stilus (вмѣсто stiglus, заостренная палочка, которой писали древніе; ср. palus вмѣсто paglus); въ готскомъ—stakjan или stikan, колоть.

Итакъ оказывается, что stoicheîon не имѣетъ ничего общаго съ stóchos, а слѣдовательно и не могло имѣть первоначально значенія небольшаго шпица, или стрѣлки солнечныхъ часовъ, какъ значится въ словаряхъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда stoicheîon (какъ, напр. въ выраженіи dekàpun stoicheîon, время ужина) употреблено съ значеніемъ показателя солнечныхъ часовъ, оно означаетъ линіи тѣней, падающихъ одна за другой въ правильной послѣдовательности, слѣдовательно—радіусы, образующіе полный кругъ часовъ, описываемый дневнымъ теченіемъ солнца, а это даетъ намъ ключъ къ разгадкѣ формы stoicheîon въ смыслѣ элементовъ: stoicheîa — это ступени или моменты отъ одного конца до другаго, составляющіе части цѣлаго, образующіе полный, законченный рядъ—часовъ-ли, или буквъ, или чиселъ или частей рѣчи, или физическихъ элементовъ, при чемъ всегда подразумѣвается, что эти элементы соединены между собою въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ. Только въ такомъ случаѣ Аристотель и его предшественники могли употреблять это слово для обыкновенныхъ и техническихъ цѣлей; въ пользу такого объясненія говоритъ не малый авторитетъ Діонисія Фракійскаго. Первый историкъ древней Греціи даетъ слѣдующее объясненіе слову stoicheîa въ значеніи буквъ (§ 7) ([26]): «онѣ называются также stoicheîa, потому

[25]) Grimm, Deutsche Sprache, стр. 883.—

[26]) Τα δε ἀυτὰ καὶ στοιχεῖα καλεῖται διὰ τὸ ἔχειν στοῖχόν τινα καὶ τάξιν.

матически. Когда оно говоритъ, то это похоже на то, если бы оно одѣлось въ отцовское платье, не доросши до него. Дитя говоритъ: «Я голоденъ» безъ всякаго понятія о томъ, что «я» не то, что «голоденъ» и что оба слова связаны подразумѣвающимся глаголомъ есмь, который въ свою очередь произошелъ отъ сочетанія корня as и личнаго мѣстоименія mi, откуда произошла санскритская форма—asmi, «я есмь.» Китайское дитя эту-же самую мысль выразило бы однимъ словомъ chi, ѣсть, ѣда и т. д. Вся разница состояла бы въ томъ, что китайское дитя говоритъ дѣтскимъ языкомъ, а наше языкомъ взрослаго. Теперь, если мы допустимъ, что каждый языкъ высшей формы (флективный) прошелъ черезъ низшія формы, корневую и спайную, то, мнѣ кажется, отсюда слѣдуетъ, что было время, когда простѣйшіе элементы флективныхъ языковъ, именно корни, были настоящими словами и употреблялись, какъ въ языкѣ, такъ и при процессахъ мысли, для всевозможныхъ цѣлей.

Значитъ, корни вовсе не такія отвлеченія, какими ихъ считали обыкновенно, и пока намъ не удастся въ Русскомъ или какомъ нибудь другомъ флективномъ языкѣ прослѣдить какое-нибудь слово до его корня, до тѣхъ поръ мы не можемъ сказать объ этомъ словѣ, что нашли его начало. Именно въ этомъ анализѣ языка заключается для сравнительнаго языковѣдѣнія высшее торжество; этотъ анализъ положилъ конецъ той безплодной этимологіи, которая не хотѣла признать за словомъ ничего прошедшаго, никакой исторіи, никакого происхожденія.

Возводя слово къ его корню, мы должны, конечно, руководствоваться извѣстными звуковыми законами. Если напр. въ корнѣ будетъ стоять ie или u, то его производныя, отъ Санскрита и до Русскаго языка, конечно, будутъ отличаться отъ производныхъ того корня, въ которомъ было a. Если въ Санскритѣ корень начинается съ глухаго звука (p, t, k), то въ Готскомъ языкѣ всегда будутъ вмѣсто глухихъ придыхательные (ph, th, kh); если въ Санскритѣ корень начинается съ придыхательнаго звука, то въ Готскомъ языкѣ мы найдемъ вмѣсто него ясные

(b, d, g); если наконецъ въ Санскритѣ будетъ ясный звукъ, то въ Готскомъ вмѣсто него будетъ глухой. (*)

Этимъ, мнѣ кажется, наилучше можно объяснить то негодованіе, какое вызвано было у многихъ филологовъ моими выраженіями Бау—Вау и Пу—Пу, которыми я хотѣлъ охарактеризовать двѣ теоріи происхожденія языка. Очень жалѣю, что эти два слова вызвали негодованіе, но употребивши ихъ, я имѣлъ въ виду не современныхъ писателей, но Эпикура, [35]) и острить ни на чей счетъ не имѣлъ въ виду.

Выраженіе «ономатопеическая теорія» совершенно неудобно и неблагозвучно; да этимъ нельзя было бы отличить звукоподражательной теоріи отъ междуметной: по первой—слова производятся отъ естественныхъ звуковъ, издаваемыхъ животными и неодушевленными предметами природы; между тѣмъ какъ по второй—слово образуется не отъ подражанія звукамъ другихъ животныхъ, а отъ нашихъ же собственныхъ восклицаній, такъ называемыхъ междометій, которыя вырывались изъ груди образователей языка сами по себѣ, противъ ихъ воли. Я не думаю, чтобы нужно было прибѣгать къ оружію насмѣшки для опроверженія теоріи, которая со времени Эпикура такъ часто опровергалась и защищалась. Я могъ сдѣлать ошибку въ выборѣ выраженія, которое могло отзываться скорѣе доморощенностью, пожалуй, даже — тривіальностью. Въ извиненіе, мнѣ остается привести терминъ употребленный защитниками звукоподражательной теоріи, который, какъ мнѣ сообщили, составленъ изъ 2-хъ словъ «imitari» и «sonus», въ сокращеніи, im и son т. е. «имсоническая» теорія.

Что существуетъ извѣстная аналогія между даромъ слова и тѣми звуками, которые мы произносимъ, когда

(*) См. Введеніе къ Анализу произведеній Гейне, Д. Лаврента. (стр. 10 и слѣд.)

[35]) Ὁ γὰρ Ἐπίκουρος ἔλεγεν, ὅτι οὐχὶ ἐπιστημόνως οὗτοι ἔθεντο τὰ ὀνόματα, ἀλλὰ φυσικῶς κινούμενοι, ὡς οἱ βήσσοντες καὶ πταίροντες, καὶ μυκώμενοι, καὶ ὑλακτοῦντες, καὶ στενάζοντες. Proclus, ad Plat. Crat. стр. 9.

поемъ, смѣемся, плачемъ, свистимъ, вздыхаемъ, сопимъ— это было извѣстно еще Эпикуру и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Но, если человѣкъ, раздавивши себѣ палецъ, закричитъ, и этотъ крикъ будетъ, случайно походить на французское «hélas,» то онъ будетъ естественнымъ отраженіемъ (рефлексомъ) внѣшняго давленія; между тѣмъ какъ междометія въ родѣ «hélas, анг. alas, итал. lasso, не говоря уже о словахъ «мука», «страданье» и т. п.—произносятся человѣкомъ безъ всякаго внѣшняго принужденія, выбираются имъ какъ знакъ извѣстныхъ понятій, совершенно произвольно: нужно ли говорить что-нибудь за или противъ этого?

Съ другой стороны, что звуки могутъ быть переданы тоже звуками, что въ каждомъ языкѣ есть большой запасъ словъ, подражающихъ звукамъ извѣстныхъ животныхъ—кто станетъ отвергать это? Кто станетъ отвергать также, что нѣкоторыя слова, первоначально выражавшія только извѣстные звуки, могли быть перенесены на другіе предметы, которые имѣютъ сходство съ этими звуками?

Но какъ выразить тѣ предметы, которые не принадлежатъ чувству слуха—какъ выразить понятіе ходьбы, стоянія, движенія, ощущенія, мышленія?

Я приведу примѣръ, на который часто ссылаются сторонники «изобразительности звука (painting in sound).» Hooiaioai значитъ въ языкѣ о-ва Talau свидѣтельствовать, и это значеніе, какъ говорятъ, произошло вотъ какимъ образомъ: [36])

«При произношеніи звука i воздушная струя съуживается до крайнихъ предѣловъ, и получаетъ наибольшую скорость. Этотъ звукъ изображаетъ собою скорое движеніе.»

«Изъ всѣхъ звуковъ—o самый широкій, распространяется шире всѣхъ; потому-то онъ встрѣчается во всѣхъ словахъ, которыя означаютъ что-нибудь широкое, далекое, напр. holo, lo означаетъ длинный, далекій. Соединяя эти два звука въ томъ или другомъ порядкѣ, мы получаемъ тотъ

[36]) The Polinesian, Honolulu, 1862.

или другой смыслъ. Если мы напишемъ oi, то это значитъ, что o идетъ вмѣстѣ съ i. Примѣры этого мы видимъ въ словѣ oi, которое означаетъ хромой. Стóитъ представить себѣ походку хромаго. Становясь на здоровую ногу, онъ медленно подвигаетъ свою больную и это будетъ o. Какъ только онъ сталъ на больную ногу, тотчасъ же онъ спѣшитъ перемѣнить ее на здоровую. Это скорое движеніе здоровой ноги будетъ означать звукъ i.»

«Oi также значитъ выступленіе впередъ, превосходство. Тутъ — o означаетъ вообще выступленіе впередъ; между тѣмъ какъ i означаетъ выступленіе впередъ чего-нибудь особеннаго.»

«Если мы затѣмъ напишемъ io, то это значитъ, что i идетъ вмѣстѣ съ o. Это означаетъ какое-нибудь быстрое, прорѣзующее движеніе, и что это движеніе продолжается долго. Примѣръ тому мы находимъ въ гавайскомъ словѣ io, идущій впереди князя: онъ долженъ быть быстрымъ, скорымъ (i) и полнымъ силы и стойкости (o). Въ греческомъ ios означаетъ стрѣлу, а Io — богиня, извѣстная своей скоростью. Отсюда io означаетъ все то, что скоро движется по своему пути и не можетъ быть столкнуто съ него, какъ говоритъ Бэрнсъ: «facts are chiels that winna ding» т. е. такія вещи, которыя не могутъ быть столкнуты съ своего пути. Оттого-же io мясо, чувствующее тѣло, въ противоположность костямъ и т. д.»

«Ia — это мѣстоименіе, аналогичное съ латинск. is, ea, id. Сочетавши эти три звука, мы получимъ o, ia, io — O — это фактъ. Приставивши въ началѣ показателя причины hoo, получимъ: осуществить т. е. сдѣлать что-нибудь фактомъ; вставка ai, выражающая законченность дѣйствія, даетъ фразу: сдѣлать такъ, чтобъ видно было, что это дѣйствительно фактъ, т. е. свидѣтельствовать объ его истинности.»

«Нужно замѣтить, что второе i произносится съ ударéніемъ, между тѣмъ какъ oia выговаривается необыкновенно быстро, — и что въ греческомъ oíomai, i всегда произносится съ повышеніемъ голоса для того, чтобы показать сокращеніе или стяженіе звуковъ въ этомъ словѣ.»

Хотя европейскіе языки съ своей хорошо вѣстной исторіей не легко поддаются подобнымъ куляціямъ, но тѣмъ не менѣе я могу указать подо же примѣры у французскихъ, англійскихъ и нѣмец этимологовъ.

Докторъ Bolza въ своемъ «Vocabulario Gen Etimologico» (Vienna 1852) говоритъ намъ между про что въ Итальянскомъ языкѣ — a означаетъ свѣтъ, о— поту, u—мракъ; затѣмъ онъ продолжаетъ: «Ecco bilmente le tre note, che in fiamma, fuoco, e fumo espresse dal mutamento della vocale, mentre la f e in tutti i tre il movimento dell' aria' (стр. 61, Затѣмъ, онъ говоритъ, что первый звукъ, произн дитятей, есть m: отсюда «mamma.» Отсюда же обра корень ma или am, который даетъ намъ форму a любить. Указывая на движеніе губъ, этотъ-же даетъ—mangiare и masticare и объясняетъ формы нѣмой, muggire—мычать, miagolare—мяукать, mor журчаніе. Но если-бы даже amare не подкрѣпля скритскимъ корнемъ am (рвнуться неудержимо по другимъ, kâm—любить), мы бы имѣли право что mangiare и masticare совершенно защищены сягательствъ звукоподражательной теоріи, такъ к вое происходитъ отъ латинск. manducare—жева слѣднее отъ позднѣйшаго mastire — тоже жева manducare имѣетъ свою длинную исторію. Оно дитъ отъ madere—жевать, а madere приводитъ санскритскому корню mard, (растирать, разда которое въ свою очередь оказывается однимъ гочисленныхъ побѣговъ корня mar, исторію ко изложимъ въ одной изъ слѣдующихъ лекцій. вѣрно выводятся проф. Веберомъ (Kuhn's Zeits 318) отъ санскритскаго mû — связывать (Pâṇ \ такъ что первоначальное значеніе этого слова съ завязаннымъ ртомъ. Что касается фор laro—мяукать, то мы охотно оставляемъ его телямъ звукоподражательной школы.

ова-
лю—
дѣть
же
вила-
измѣ-
угаго
ожить
и tan
звуко-
ь исто-
исимые
ширные
езъ все
лыми въ
го корня
оже, что
ивотныхъ
ѣе отвле-
ь не ина-
ные типы;
лѣстницѣ
ею, чтобы
, языкъ до-

шей степени
акое отроу-
ь этой систе-
ыводовъ, ка-
ъ законовъ.
каждое слово
ю по строгимъ
азовемъ ли мы
ѣе сохранив-
ныхъ слѣдахъ,
междометіями.
бою опредѣлен-

По Гриммову закону мы
англійское fiend, готское
рый, если находится въ
скомъ, Литовскомъ и К
ся съ глухаго p. Этого
вающій названные нами
тораго повлекло бы за
довъ. Если мы находимъ
то ни въ какомъ случаѣ
глійскимъ fiend. Слѣду
Санскритѣ на корень p
частіе котораго piya
скому fijand. Но допу
и другія однозвучныя с
междометія fi и pooh
pfui!): вышла-бы стран
тился бы въ ничто и к
га точнымъ анализомъ
Нѣмецкомъ языкахъ, и
всякихъ слѣдовъ разли
ненавидѣть, существу
гнить [38]). Отсюда мы им
въ Латинскомъ языкѣ; p
матерія, въ Литовскомъ,
закону, готск. fûls, анг
эти слова стали произво
включить въ то же число
— бояться: литовское bijau,
ный и т. п.

Точно такимъ-же обра
der выводить изъ естествен
ражающимся облачнымъ эл
принуждены англосаксонское
ня tan, которое означаетъ ра

из хаоса, мы смѣ-
подобно аркамъ, воздви-
которымъ пройдетъ
языка мы будемъ
будемъ смѣшивать
можемъ забавлять-
ся пескомъ на бе-
должны будемъ
будетъ смывать наши

[38]) Гримм въ своемъ Лексиконѣ, п
pûy объясняетъ словомъ foetere.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦІЯ.

Физіологическій алфавитъ.

Теперь мы перейдемъ къ разсѣченію тѣла языка. Въ этомъ мы будемъ смотрѣть на языкъ, какъ на органъ-трупъ, не обращая вниманія на то, имѣлъ ли онъ прежде жизнь или значеніе, но просто постараемся узнать, изъ чего онъ составленъ, какія онъ производитъ впечатлѣнія на органы нашего уха, и какъ они могутъ быть классифицированы. Для этой цѣли нельзя удовлетвориться изслѣдованіемъ алфавита въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится предъ нами, хотя его, безъ сомнѣнія, очень вѣрно можно назвать таблицею элементовъ языка. Что же мы знаемъ изъ нашей азбуки, если намъ даже скажутъ, что k есть гортанная тонкая, с зубная шипящая, n губная носовая, f нёбная полугласная? Это—названія, заимствованныя изъ греческихъ и латинскихъ грамматикъ. Они болѣе или менѣе удачно выражаютъ понятія, которыя составили себѣ александрійскіе и аѳинскіе ученые о свойствахъ извѣстныхъ буквъ; но переведенныя на на-

ныя формы, которыя рѣзко
ло можемъ строить нашу
гаемымъ надъ шумящей р
мостъ. Но если, напротив
считать простыми отвлеч
языкъ со всякимъ крикомъ
ся формами языка, какъ д
регу моря; но въ такомъ
жалѣть, если каждая нова
песочные замки.

———

логію, они почти совершен-
свое значеніе. Наши совре-
о буквахъ, употребляютъ вы-
), media (средній звукъ), не
тимъ, что tenuis есть слабая
того, приписывая ей самое
ніе (артикуляцію); они также
iae или средніе буквы перво-
потому, что, по александрійско-
лись между мягкими буквами
ными, такъ что онѣ произно-
идыханіемъ, чѣмъ придыха-
мъ, чѣмъ тонкія [1]). Раздѣле-
находится въ его Кратилѣ,
тому, котораго мы придержи-
время. Онъ говоритъ о глас-
cales) и о безгласныхъ (ἄφω-
кажется, послѣднія онъ раздѣ-
выхъ на такія, которыя без-
къ (φωνήεντα μὲν οὔ, οὐ μέντοι
ли названныя полугласными
йствительно нѣмыя, которыя
ручны, т. е. всѣ согласныя,
къ (ἄφθογγα) [2]). Принятая

[1] ...ому, въ Anecdota Bekk., стр. 810.
... γλῶσσα, οἱ ὀδόντες, τά
...σεσι. πιλουμένοις ἐκφωνεῖται
... τι πνεῦμα παρεκβαίνειν
... καὶ πνεύματος πολλοῦ
... ἐκφωνούμενον ὁμοίως τοῖς
... αὐτὸν τόπον τοῖς προ-
... πάνυ ἀνώγει τὰ χείλη
... μεσην τινὰ διέξοδον
... λ. Cm. Rudolph von
... Schriften. стр. 102
... стр. 30.

ческими грамматиками схема въ позднѣйшее время, ь слѣдующая:

I. Phōnēenta, vocales, гласныя.

II. Sýmphōna, consonantes, согласныя.

1. Hēmíphōna, полугласныя, semi-vocales, л, м, р, с или Hygrá, liquidae, плавныя л, м, н, р.

2. Áphōna, mutae, безгласныя.

'silá, тонкія. b. Mésa, среднія. c. Daséa, придыхательн.
k, t, p. g, d, b. ch (χ) th (ϑ) ph (φ)

другая классификація буквъ, болѣе совершенная, почто она выведена изъ языка (Санскритскаго), еще лавшаго письма, но тщательно сохранившагося потвомъ устнаго преданія. Она находится въ Прâтиахъ, сочиненіяхъ о фонетикѣ, которыя принадлежатъ нымъ школамъ, передававшимъ древніе ведическіе отъ одного поколѣнія къ другому съ несравненьшею точностію, чѣмъ самые старательные переи рукописей. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій изданы съ переводомъ, такъ что интересующіеся предметомъ могутъ съ ними познакомиться [3]).

послѣдніе годы ученые съ особеннымъ рвеніемъ нялись за фонетику съ трехъ различныхъ стоенно въ интересахъ филологіи, физіологіи и ма. Самыя лучшія филологическія сочиненія, котоу рекомендовать (не упоминая о прежнихъ со. каково напр. превосходное сочиненіе Еписко-

---

âkhya du Rig-Veda, par, M. Ad. Regnier, въ Journal Asia-56—58. Text und Uebersetzung des Prâtis'âkhya, oder der ik und Grammatik, въ изданіи Ригведы М. Миллера, Leipzig

'asanêyi-Prâtis'âkhyam, издано проф. Веберомъ въ ., W, Berlin 1858.

rva-Veda Prâtis'âkhya, by W. D. Whitney, New-Haven, ученый готовитъ изданіе Prâtis'âkhya of the Taittirîya— гимны Атарваведы пѣлись, а не рецитовались, то Prâ сочиненія о звукоученіи для этой Веды не существуютъ.

[illegible] время, однако подъ-конецъ оно всегда [illegible] заставляя человѣка разстаться со всѣмъ, съ [illegible] такъ сжился, будь это законъ о хлѣбѣ, или [illegible] римскіе легаты или языческіе идолы: [illegible] не сомнѣваюсь, что устарѣлая и испорченная [illegible] такіе пойдетъ по ихъ слѣдамъ. Случалось, что [illegible] націи измѣняли свои численные [illegible] счисленіе, вѣсъ и мѣру; Питиэну [illegible] результаты своихъ упорныхъ и безуспѣшныхъ [illegible] однако не требуется пророческой [illegible] что то, чѣмъ теперь большинство [illegible] измѣненъ все-таки возьметъ свое, [illegible] доводовъ болѣе сильныхъ чѣмъ тѣ, [illegible] были приводимы противъ «Fonetic [illegible] газета). Одинъ доводъ, который могъ [illegible] важнымъ для языковѣда, именно—затемнѣніе [illegible] строенія словъ, я не могу считать [illegible] произношеніе измѣняется въ языкѣ по [illegible] законамъ, а правописаніе измѣнялось самымъ [illegible] образомъ, такъ что, если бы наше [illegible] произношенію словъ, то это для критическаго [illegible] гораздо удобнѣе, чѣмъ настоящій образъ письма.

[illegible] сдѣланъ въ анализѣ человѣческаго голоса [illegible] успѣхи, однако трудности предстоящія [illegible] чѣмъ уменьшились глубокими [illegible] изслѣдованіями, предпринятыми, независимо [illegible] физіологами, акустиками и филологами [illegible] голосъ открываетъ область для [illegible] встрѣчаются эти три различныя [illegible] звука должно быть анализировано [illegible] языкомъ; органы или орудія [illegible] изслѣдованы анатомомъ; а исторія языка [illegible] измѣненія звука, изобразившіяся [illegible] въ области языковѣда. При такомъ [illegible] положительно необходимо содѣйствіе [illegible] чтобы привести эти отдѣльныя [illegible] къ общимъ результатамъ. Пользуясь

этимъ удобнымъ случаемъ, я долженъ выразить благодарность д-ру Роллестону, неутомимому нашему профессору физіологіи, Г. Гриффиеу (Griffith), — профессору опытной физики, А. Дж. Эллису и другимъ, за ихъ обязательную помощь, оказанную мнѣ въ разныхъ затрудненіяхъ, которыя, безъ ихъ содѣйствія, я былъ бы не въ состояніи преодолѣть безъ большой потери времени.

Что можетъ показаться проще азбуки, а между тѣмъ, что можетъ быть труднѣе ея изслѣдованія? Гдѣ мы найдемъ точное объясненіе гласныхъ и согласныхъ буквъ, различіе ихъ между собою? Говорятъ, что гласныя—это простыя изліянія человѣческаго голоса, а согласныя, говорятъ, непроизносимы безъ помощи гласныхъ. Если бы это было такъ, то *c*, *ƒ*, *p* нельзя было бы причислить къ согласнымъ, потому что не трудно произносить ихъ безъ помощи гласной. Далѣе, что за разница между *a*, *u*, *y*? Какая разница между тонкою и среднею буквами, которыхъ нѣкоторыя расы вовсе не различаютъ, какъ напр. Могавки и жители Саксоніи? Дано ли до сихъ поръ какимъ либо физикомъ понятное объясненіе разницы между шопотомъ, обыкновенною рѣчью и пѣніемъ? Итакъ, начнемъ съ самаго начала и дадимъ нѣкоторыя объясненія словъ, которыя намъ потомъ придется употреблять.

Все, что мы слышимъ, прежде всего можно раздѣлить на шумъ и звуки. Шумъ производится толчками неправильно сообщаемыми воздуху, какъ напр. шелестъ листьевъ, скрипъ дверей или раскатъ грома. Звуки производятся правильными періодическими (isochronos) колебаніями упругаго воздуха. Что звукъ, музыкальный звукъ, или тонъ въ простѣйшей своей формѣ, производится напряженіемъ и перестаетъ, когда звучащее тѣло освобождается отъ этого напряженія, это, кажется, было въ нѣкоторой степени извѣстно древнимъ образователямъ языка, ибо греческое tonos, тонъ, происходитъ отъ корня tan, тянуть, напрягать, растягивать. Пиѳагору [3]) было еще болѣе этого извѣстно. Онъ зналъ, что если струны

[3]) Helmholtz, Einleitung, стр. 2.

лось на нѣкоторое время, однако подъ-конецъ он
брало свое, заставляя человѣка разстаться со вс
чѣмъ онъ такъ сжился, будь это законъ о хл
династія Стюартовъ, папскіе легаты или языческі
а потому я и не сомнѣваюсь, что устарѣлая и
ная орѳографія также пойдетъ по ихъ слѣда
чалось уже, что цѣлыя націи измѣняли свои
знаки и буквы, лѣтосчисленіе, вѣсъ и мѣру;
не пришлось увидѣть результаты своихъ упорн
корыстныхъ трудовъ, однако не требуется п
силы, чтобы понять, что то, чѣмъ теперь б
пренебрегаетъ, со временемъ все-таки возь
если оно не встрѣтитъ доводовъ болѣе сильны
какіе до сихъ поръ были приводимы противн
Nuz» (Фонетическая газета). Одинъ доводъ, к
бы показаться важнымъ для языковѣда, имени
ніе этимологическаго строенія словъ, я не
очень опаснымъ. Произношеніе измѣняется
опредѣленнымъ законамъ, а правописаніе из
мымъ произвольнымъ образомъ, такъ что,
писаніе слѣдовало произношенію словъ, то
тика-языковѣда было бы гораздо удобнѣе,
щій неточный и ненаучный образъ письма.

Хотя такимъ образомъ въ анализѣ чел
лоса сдѣланы значительные успѣхи, однако
мета скорѣе увеличились, чѣмъ уменьши
и старательными изслѣдованіями, предпри
симо одинъ отъ другаго, физіологами, ак
логами. Человѣческій голосъ открывает
наблюденія, въ которой встрѣчаются эти
науки. Свойство рѣчи или звука должно
ровано математикомъ и физикомъ; орг
рѣчи должны быть изслѣдованы анатомом
ка, дѣйствительныя видоизмѣненія звука,
въ языкѣ, принадлежатъ къ области язы
кихъ обстоятельствахъ положительно не
ствіе ученыхъ другъ-другу, чтобы привес
изслѣдованія къ успѣшнымъ результа

...мъ случаемъ, я долженъ выразить благо...
Роллестону, неутомимому нашему профес...
...и. Г. Гриффиѳу (Griffith), профессору
..., А. Дж. Эллису и другимъ, за ихъ обя...
...ць, оказанную мнѣ въ разныхъ затрудне...
безъ ихъ содѣйствія, я былъ бы не въ
...ѣть безъ большой потери времени.

...показаться проще азбуки, а между тѣмъ,
...труднѣе ея изслѣдованія? Гдѣ мы най...
...еніе гласныхъ и согласныхъ буквъ, раз...
...бою? Говорятъ, что гласныя — это про...
...ческаго голоса, а согласныя, гово...
...и безъ помощи гласныхъ. Если бы
...ф, р нельзя было бы причислить къ
...то не трудно произносить ихъ безъ
...е, что за разница между а, и, у
...ною и среднею буквами, кот...
...все не различаютъ, какъ напр...
...ія? Дано ли до сихъ поръ на...
...ное объясненіе разницы ме...
...рѣчью и пѣніемъ? Итакъ,
...и дадимъ нѣкоторыя объясне...
...мъ придется употреблять...
...прежде всего можно назы...
...ть производится голосами
...какъ напр. желѣзо...
...ласка въ грома...
...

...)
...ъ
...въ
...ю-
...ро-
...то-
...на-
...ся и
...женіе
...я ча-
...не за-
...пушки
...исимо-
...они для
...истины,
...зволяю-
...ду этими
...дивитель
...мы съ ма-
...колебаній
...мъ произ-
...механиче-
...цей воздуху
...овъ.

...отъ органовъ
...гой ноты, то

...въ ухо въ одно
...тервалъ между

...простымъ колебаніямъ,
...иглійскій способъ исчи-
...женіямъ взадъ и впередъ.
...Шейблеръ по простымъ.
...-swang.»

Четыре волны одной ноты съ тремя волнами другой даютъ кварту.

Пять волнъ одной ноты съ четырьмя волнами другой есть большая терція.

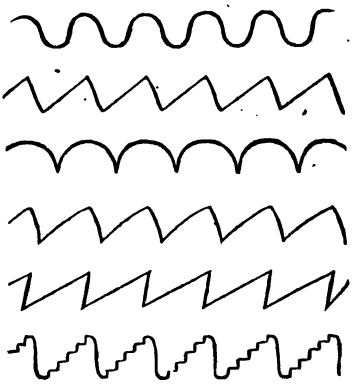
Шесть волнъ одной ноты одновременно съ пятью волнами другой даютъ малую терцію.

Пять волнъ одной ноты съ тремя волнами другой образуютъ большую сексту.

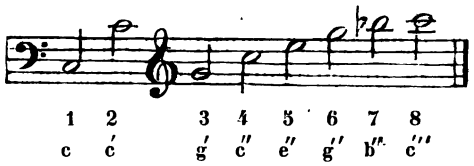
Все это составляетъ только подтвержденіе того, что было извѣстно уже Пиѳагору. Онъ взялъ колеблющуюся струну и поставилъ кобылку подъ нее такъ, что $^2/_3$ струны остались на правой сторонѣ, а $^1/_3$ на лѣвой; лѣвая сторона, колеблясь одна, давала ему октаву низшей ноты правой стороны. Оставляя далѣе $^3/_5$ на правой, а $^2/_5$ на лѣвой сторонѣ, отъ лѣвой части онъ получалъ квинту правой.

Понятно, что тотъ же звукъ т. е. результатъ такого же числа колебаній въ секунду, можетъ быть произведенъ человѣческимъ голосомъ, флейтою, скрипкой, свисткомъ или контрабасомъ. Всѣ эти звуки имѣютъ ту же высоту, и все-таки они отличаются одинъ отъ другаго: это различіе именно и называется ихъ качествомъ или тембромъ. Отъ чего же зависитъ причина этихъ различныхъ качествъ? Способомъ отрицательнаго заключенія полагали, что такъ какъ качество не можетъ происходить ни отъ широты (амплитуды), ни отъ продолжительности, то оно должно зависѣть отъ образа колебаній. Профессоръ Гельмгольцъ первый положительно доказалъ вѣрность этого предположенія, примѣнивъ микроскопъ къ колебаніямъ (вибраціямъ) различныхъ музыкальныхъ инструментовъ, и уловилъ такимъ образомъ точныя очертанія ихъ относительныхъ колебаній — результатъ, который прежде не вполнѣ былъ достигнутъ помощью инструмента, называемаго фонавтографомъ.

Слѣдующіе очерки покажутъ, что̀ мы понимаемъ подъ формой волнъ.



Продолжая эти изслѣдованія, профессоръ Гельмгольцъ сдѣлалъ другое весьма важное открытіе, состоящее въ томъ, что различныя формы колебаній, составляющія причину того, что онъ называетъ качествомъ или тембромъ, цвѣтомъ, составляютъ также причину присутствія или отсутствія извѣстныхъ созвучныхъ или побочныхъ нотъ,—и что на дѣлѣ это измѣняющееся качество и измѣняющіяся созвучія—это только два выраженія для одного и того же явленія. Созвучные или побочные тоны доступны даже невооруженному уху, если ударять по клавишу, поднявъ педаль. Эти побочные тоны образуются струною, колеблющеюся такъ, какъ будто ея колебаніе сложено изъ колебаній нѣсколькихъ отдѣльныхъ струнъ, изъ которыхъ одна равняется всей ея длинѣ, другая половинѣ, третья третьей части, четвертая четверти ея длины и т. д. Каждая струна меньшей длины сотрясалась бы въ двое, въ трое или въ четверо быстрѣе первоначальной длины, производя соотвѣтствующіе тоны. Итакъ, ударяя по клавишу C, при полномъ вниманіи, мы услышимъ c′, g′, c″, e″, g″, b″moll, c‴ и т. д.



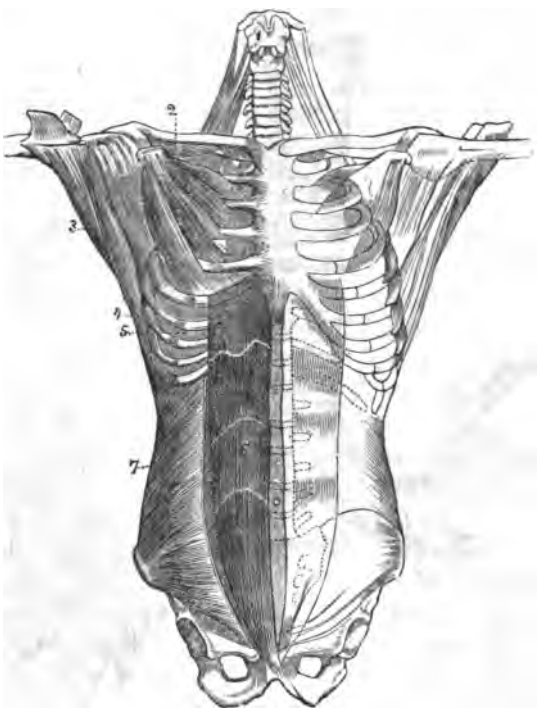
[illegible] только нечетныя побочныя ноты внятны, [illegible] четныя имѣютъ равную силу.

Посмотримъ, какъ все это относится къ языку. [illegible] мы говоримъ, мы собственно какъ бы играемъ на [illegible] инструментѣ, но болѣе совершенномъ чѣмъ [illegible] другой инструментъ, какой когда либо былъ [illegible] человѣкомъ, въ которомъ сотрясающійся аппа[illegible] замѣняется голосовыми связками (chordae vocales), [illegible] тѣмъ какъ внѣшняя или наставная труба изобра[illegible] различными положеніями рта. Я постараюсь, при [illegible] нѣкоторыхъ рисунковъ, по возможности, лучше [illegible] общее устройство этого инструмента, хотя я [illegible] передать только тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя со[illegible] д-ра Роллстона, превосходнаго профессора фи[illegible] въ Оксфордѣ. Онъ очень любезно показывалъ и [illegible] мнѣ, при дѣйствительномъ разсѣченіи и при [illegible] недавно изобрѣтеннаго ларингоскопа (маленькаго [illegible], при помощи котораго можно разсмотрѣть раз[illegible] дыхательныхъ путей въ груди), кости, хрящи, [illegible] мышцы, образующія всѣ вмѣстѣ этотъ необыкно[illegible] инструментъ, на которомъ мы разъигрываемъ на[illegible] мысли. Нѣкоторыя его части весьма сложны, [illegible] берусь изложить различные и иногда [illegible] взгляды Мюллера, Брюкке, Чермака, [illegible] извѣстныхъ физіологовъ на механизмъ [illegible] хрящей, щитовиднаго (thyroidea), кольцевид[illegible] и черпаловиднаго (arytainoidea), состав[illegible] двигателей гортани. Къ счастію, важ[illegible] дѣйствующіе при произношеніи буквъ, [illegible] гортани и такъ просто образованы, [illegible] для постояннаго разсматриванія и изслѣ[illegible] при помощи рисунковъ, надѣюсь, не бу[illegible] трудности объяснить ихъ относительныя [illegible]

[illegible]

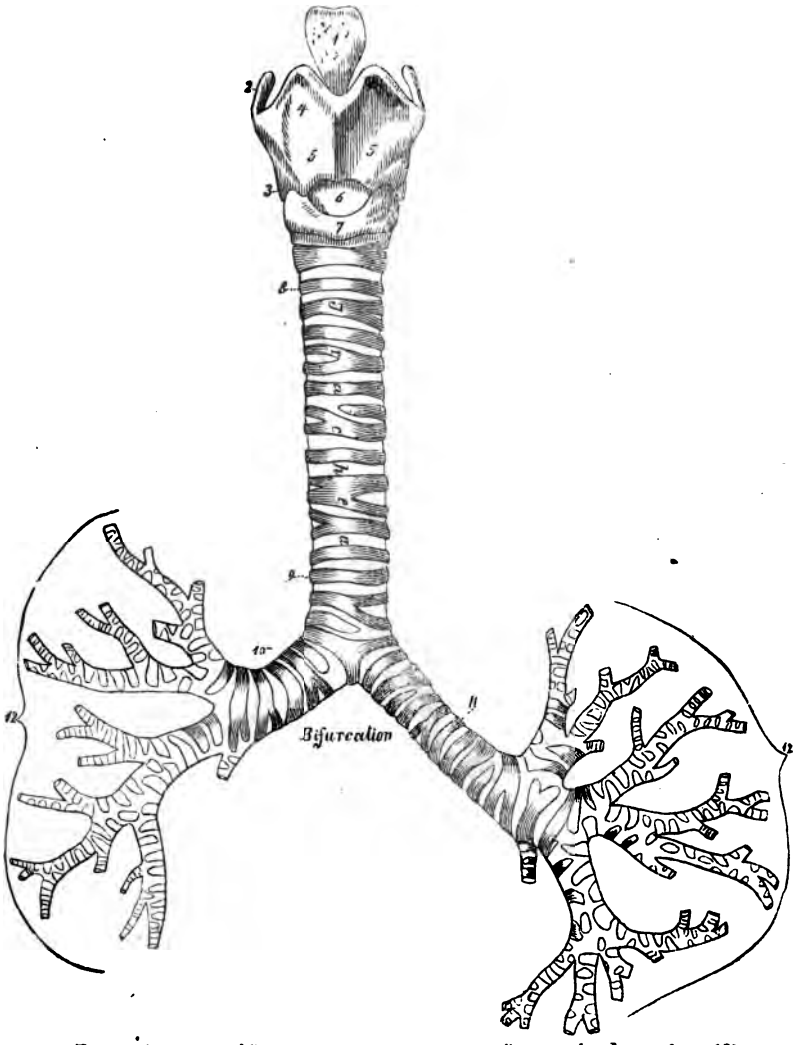
Прежде всего разсмотримъ грудную клѣтку [1]), которая, попеременно сжимая и расширяя легкія, играетъ роль мѣха.

Фиг. 1.



Слѣдующій рисунокъ (2) показываетъ дыхательное горло;—это хрящевая эластичная труба, оканчивающаяся въ легкихъ безчисленнымъ множествомъ корней или бронхіальныхъ трубочекъ; верхняя ея оконечность имѣетъ видъ головы, называемой гортанью, larynx, расположенной въ глоткѣ и состоящей изъ пяти хрящей.

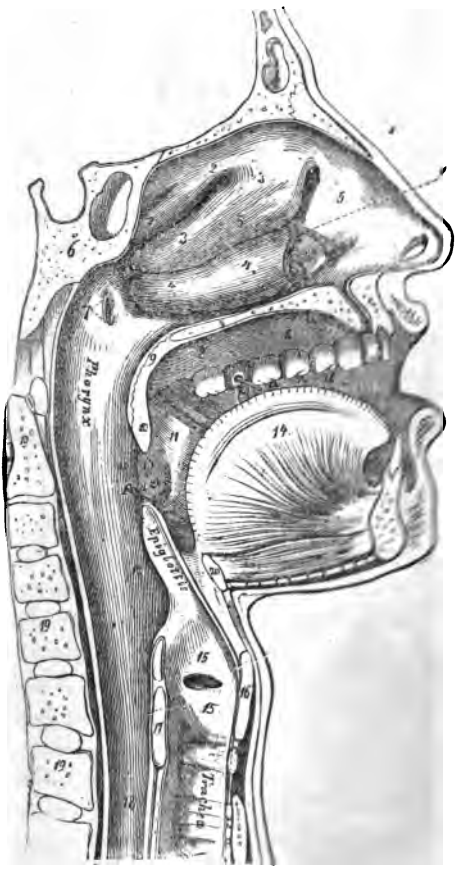
Фиг. 2.



Самый верхній изъ этихъ хрящей, epiglottis (3), надгортанный хрящъ, подобно клапану, открываетъ и закрываетъ отверзтіе голосовой щели, glottis, т. е. верхней щели гортани (fissura laryngea pharyngis).

Надгортанный хрящъ — это листообразный эластичный хрящъ, связанный своимъ узкимъ концомъ съ щитовиднымъ хрящемъ, и снабженный на своей серединѣ ребромъ, которое лежитъ какъ разъ надъ голосовою щелью и закрываетъ ее. Широкій конецъ этого листа обращенъ свободно къ верху, въ направленіи къ языку; въ этомъ направленіи весь хрящъ представляется выпуклымъ, между тѣмъ какъ въ направленіи къ гортани онъ вогнутъ. При глотаніи надгортанный хрящъ покрываетъ гортань, какъ сѣдло спину лошади. При образованіи извѣстныхъ звуковъ можетъ произойти горизонтальная узкая щель, чрезъ давленіе надгортаннаго хряща на нерѣшительныя ложныя и истинныя голосовыя связки.

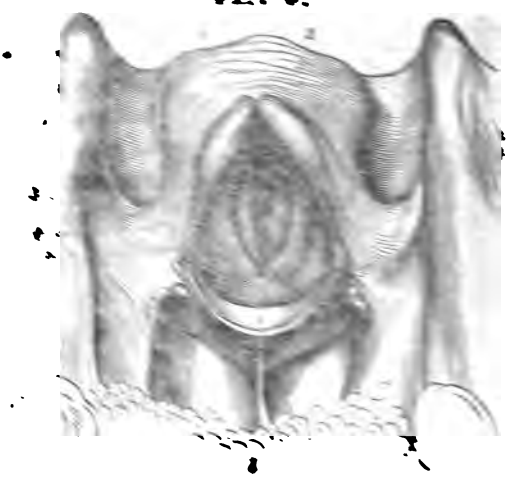
Фиг. 3.



[illegible] ме-
[illegible] находятся
[illegible] ба-

Фиг. 4.

Фиг. 5.



рабанной перепонки; онѣ образуютъ отверстіе, называемое внутреннею или истинною голосовою щелью, и идущее параллельно внѣшней голосовой щели. Это отверстіе снабжено мышцами, произвольно расширяющими и съуживающими его, и измѣняющими вообще форму гортани. Упомянутые три гортанные хряща представляютъ самый совершенный механизмъ для сокращенія или разслабленія связокъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ кажется, для смягченія части изъ нихъ давленіемъ бугорка на нижнюю его [illegible] надгортаннаго хряща. Эти связки имѣютъ различную длину у дѣтей и взрослыхъ, у мущинъ и женщинъ. Средняя длина ихъ у мущинъ бываетъ въ ослабленности ихъ 15½ миллиметровъ, въ напряженіи 23½ мм., такъ что между обоими полами разница около одной трети, объясняющая различную высоту мужскаго и женскаго голосовъ [1]).

Языкъ, подошва рта и зѣва, губы, зубы и небо съ [illegible] мягкимъ и съ язычкомъ, участвующимъ [illegible] между гортанью и полостями, и гайка и сама полость носовая, всѣ они имѣютъ вліяніе на измѣненіе тона, [illegible] выходящей изъ гортани изъ [illegible] трубъ и на произведеніе различныхъ [illegible] [illegible] звуковъ.

[illegible]

[illegible]

когда тысячи голосовъ и инструментовъ одновременно производятъ звуковыя волны, изъ которыхъ каждая перекрещиваетъ другую, не такъ какъ волны на поверхности воды, но какъ сферическія тѣла, и, по-видимому, безъ замѣтнаго замѣшательства; [17]) каждый тонъ сопровождается побочными тонами, и у всякаго инструмента свой особенный тембръ, зависящій отъ побочныхъ колебаній. Наконецъ вспомнимъ, что весь этотъ перекрестный огонь волнъ, весь этотъ звуковой вихрь, управляется законами, опредѣляющими то, что мы называемъ гармоніей, и извѣстными преданіями или обычаями, опредѣляющими такъ называемую мелодію (этихъ двухъ элементовъ нѣтъ въ птичьемъ пѣніи); все это, подобно микроскопической фотографіи, должно отражаться на двухъ маленькихъ органахъ слуха, и тамъ вызывать не просто—ощущеніе, но ощущеніе, сопровождаемое кромѣ того новымъ, болѣе таинственнымъ чувствомъ, которое мы называемъ то радостью, то печалью; —если мы примемъ все это во вниманіе, намъ станетъ ясно, что со всѣхъ сторонъ мы окружены чудесами, которыя далеко превосходятъ все то, что мы привыкли называть чудеснымъ, и которыя все-таки открыли геніямъ, какимъ Эйлеръ и Ньютонъ, законы, допускающіе самое точное математическое опредѣленіе ихъ.

Существенно для нашихъ цѣлей весьма важно помнить, что невозможно пѣть, не произнося въ то же время согласнаго звука, между тѣмъ какъ очень легко произнести гласный звукъ безъ пѣнія. Мы сейчасъ увидимъ, почему это такъ. Что происходитъ при произношеніи гласныхъ звуковъ? Когда изъ легкихъ гонится струя воздуха, [illegible] образуетъ родъ трубы, чрезъ которую, какъ [illegible] должна пройти эта струя, прежде чѣмъ [illegible] наружнаго воздуха. Дыханіе, проходя чрезъ [illegible], заставляетъ періодически сотрясаться эластическія перепонки, laminae, и число [illegible] опредѣляетъ высоту нашего голоса, между [illegible] не имѣетъ на тембръ

или качество звука. Гласные звуки, это не более, но и не менее как качество, окраска, тембр нашего голоса, определяемый видом колебаний, зависящим от своей стенки от формы полости или трубы, чрез которую проходит воздух. В известной степени не это явление уяснил уже профессор Wheatstone в своей критике[18] остроумных опытов профессора Willis'a, но оно вполне объяснено только исследованиями профессора Helmholtz'a. Ныне невозможно наблюдать форму этих колебаний посредством вновь изобретенного микроскопа, но их можно разложить с помощью описанных нами резонаторов; таким образом в них можно открыть то, что, как мы видели, соответствует форме колебания, т. е. отсутствие или присутствие известных побочных тонов. Если петь ту же ноту с различными гласными звуками, то замечаем, что побочные ноты, соответствующия нашим резонаторам, изменяются так же, как они изменялись бы, если бы та же нота игралась на скрипке, флейте или другом каком-либо инструменте. Для устранения всяких сомнений профессор Helmholtz просто перевернул опыт. Он взял несколько камертонов и снабдил каждый из них резонирующим аппаратом; перемещая его дальше или ближе, он мог придавать их основным тонам различную силу, и совершенно устранять их побочные тоны. Он настроил их так, чтобы произвести ряд тонов, соответствующих побочным тонам наиболее низко настроенного камертона. Потом он привел эти камертоны в одновременное колебание посредством гальванической батареи, и комбинируя побочные ноты, которые он сперва нашел в каждой гласной с помощью резонаторов, ему удалось искусственно воспроизвести точно те же гласные [19].

Теперь мы знаем, как образуются гласные. Они зависят от вида колебаний. Они изменяются, как тембр различных инструментов; мы, в самом деле, изменяем

[18] London and Westminster Review, Oct. 1837, стр. 84, 87.

[19] Там же, 188.

когда тысячи голосовъ и инструментовъ о
изводятъ звуковыя волны, изъ которыхъ ка
ваетъ другую, не такъ какъ волны на п
но какъ сферическія тѣла, и, по-видимому
замѣшательства; [17]) каждый тонъ сопров
ными тонами, и у всякаго инструмента
тембръ, зависящій отъ побочныхъ коле
вспомнимъ, что весь этотъ перекрестный о
этотъ звуковой вихрь, управляется законо
щими то, что мы называемъ гармоніей, и
даніями или обычаями, опредѣляющими та
мелодію (этихъ двухъ элементовъ нѣтъ въ п
все это, подобно микроскопической фотог
отражаться на двухъ маленькихъ органахъ
вызывать не просто—ощущеніе, но ощущ
ждаемое кромѣ того новымъ, болѣе таинс
ствомъ, которое мы называемъ то радостью
— если мы примемъ все это во вниманіе,
ясно, что со всѣхъ сторонъ мы окружены
торыя далеко превосходятъ все то, что мы
зывать чудеснымъ, и которыя все-таки откр
каковы Эйлеръ и Ньютонъ, законы, допуск
точное математическое опредѣленіе ихъ.

Собственно для нашихъ цѣлей весьма ва
что невозможно пѣть, не произнося въ то ж
гласныхъ звуковъ, между тѣмъ какъ очень л
нести гласный звукъ безъ пѣнія. Мы сейчасъ у
чему это такъ. Что происходитъ при произно
наго звука? Когда изъ легкихъ гонится стру
ротъ при этомъ образуетъ родъ трубы, чрезъ кот
чрезъ кларнетъ, должна пройти эта струя, пр
она достигаетъ внѣшняго воздуха. Дыханіе, пр
голосовыя связки, заставляетъ періодичес
саться эти эластичныя перепонки, laminae
ихъ колебаній опредѣляетъ высоту нашего гол
тѣмъ какъ оно никакого вліянія не имѣетъ на

[17]) Weber, Wellenlehre, 495.

мѣры.

слогъ,
ій = англ. aûgust
(сущ.)
кій: англ. augúst
(прил.)

слогъ,
= англ. nought,
сій: англ. not.

языкъ находится
мы слышимъ а;
положеніе рта
а между тѣмъ
ныя е и і, нахо-
хъ нотахъ [24].)

ры:

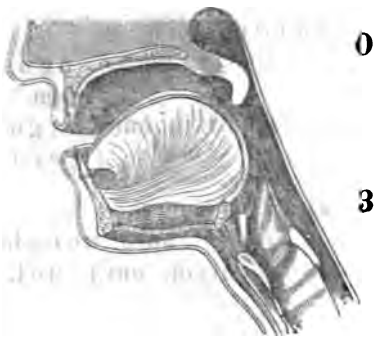
ъ,
мама,
нѣм. sah,
і папа (*)

огъ,
англ. farm,
нѣм. kam.
итал. ballare.

няя часть язы-
ята, мы слы-

шимъ звукъ e. Полость рта походитъ на бутылку съ узкимъ горломъ. Естественная высота звука e — B''' (moll).

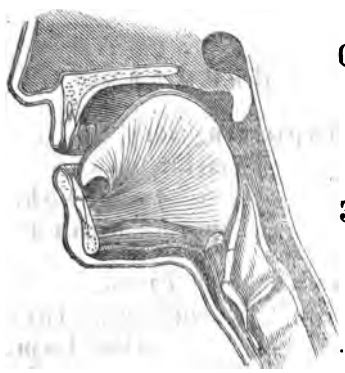
Фиг. 10.



Примѣры:
Открытый слогъ,
долгій: англ. hay,
» » нѣм. See.
» короткій: земля,
» » англ. aerial.
Замкнутый слогъ,
долгій: нѣм. Meer,
» » англ. lake,
» короткій: нѣм. Leck.

6. Поднимая языкъ еще выше и съуживая губы, мы получаемъ i. Полость рта представляетъ бутылку съ весьма узкимъ горломъ въ шесть сантиметровъ отъ нёба до губъ. Такая бутылка соотвѣтствуетъ C''''. Естественная высота звука i, кажется, D''''.

Фиг. 11.



Примѣры:
Открытый слогъ,
долгій: англ. he,
» » нѣм. nie.
» короткій: англ. behalf,
» » нѣм. Könige.
Замкнутый слогъ,
долгій: англ. Keen,
» » нѣм. kien.
» короткій: англ. been,
» » нѣм. bin, винтъ.

7. Есть еще гласная, представляющая наибольшее затрудненіе, это нейтральная гласная, иногда называемая первичною. Профессоръ Willis объясняетъ ее какъ естественную гласную голосовой трубы, а Ellis какъ голосъ въ наименѣе измѣненномъ видѣ. Нѣкоторые слышатъ ее вездѣ, другіе воображаютъ, что могутъ различать да-

же оттѣнки ея. Англичанамъ она наиболѣе извѣстна въ короткихъ закрытыхъ слогахъ, but, dust и т. д. Она считается долгою въ словѣ absurd. John Herschel слышитъ одну и ту же гласную въ spurt, assert, bird, virtue, dove, oven, double, blood. Sheridan и Smart дѣлаютъ различіе между гласными, слышными въ bird и work, въ whirl'd и world. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ Англійскіе неударяемые слоги клонятся къ этой гласной [25]), наприм. ăgainst, finăl, principăl, ideă, captaĭn, villăge. Town сокращается въ tŏn (Paddington), ford въ (Ox)fŏrd, и хотя нѣкоторыя изъ такихъ произношеній считаются за провинціализмы, однако они тѣмъ не менѣе существуютъ.

Вотъ главнѣйшія гласныя, существующія почти во всѣхъ языкахъ. Но стоитъ только обратиться къ Англійскому, Французскому и Нѣмецкому языкамъ, чтобы замѣтить кромѣ нихъ еще много видоизмѣненій гласнаго звука. Есть Франц. u (du), Нѣм. ü (über, Sünde), занимающее середину между i и u [26]). Проф. Гельмгольцъ опредѣлилъ естественную высоту звука ü какъ G'''.

Франц. eu (peu), Нѣм. ö (König, или кратко въ словѣ Böcke) [27]), находятся между e и o. Естественная высота ихъ по Гельмгольцу C'''.

Въ Англійскомъ есть особенное краткое a въ закрытыхъ слогахъ, какъ въ hat, happy, man. Оно слышится протяжно въ аффектированномъ (принужденномъ) произношеніи слова half.

Особенное краткое i слышится въ Англ. happy, reality, hit, knit [28]).

Если краткое e въ закрытыхъ слогахъ, наприм. въ Англ. debt, bed, men, удлиняется, то оно подходитъ очень

---

[25]) Ellis, § 29.

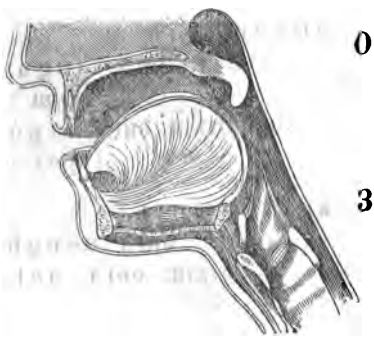
[26]) «Въ то время какъ языкъ готовъ къ произношенію i, губы принимаютъ положеніе, потребное для u.» Du Bois-Reymond, Kadmus, 150.

[27]) Если Нѣм. ö произнесть кратко, то оно, кажется, переходитъ въ нейтральную гласную, наприм. öfen, печи, но öffnen, открывать. Du Bois-Reumonb, Kadmus, 173. Тѣмъ не менѣе въ произношеніи нужно отличать Нѣм. Götter отъ Англ. gutter.

[28]) Brücke называетъ эти и еще нѣкоторыя другія гласныя, встрѣчающіяся въ Англ. въ замкнутыхъ слогахъ, несовершенными гласными (стр. 23).

шимъ звукъ е. Полость рта пох
кимъ горломъ. Естественная высо

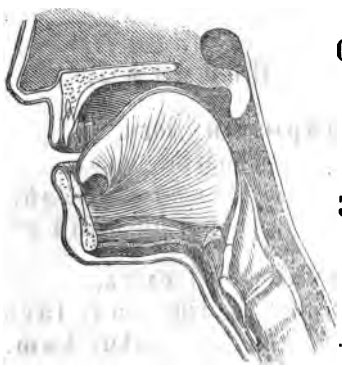
Фиг. 10.



Откр
д
»
» к
»
Замк
д
»
» к

6. Поднимая языкъ еще выше
получаемъ і. Полость рта представ.
ма узкимъ горломъ въ шесть санти
губъ. Такая бутылка соотвѣтствуе
высота звука і, кажется, D''''.

Фиг. 11.



Откры
до.
»
» ко
»
Замкн
дол.
»
» кор
» »

7. Есть еще гласная, представляю
трудненіе, это нейтральная гласная,
первичною. Профессоръ Willis объяс
ственную гласную голосовой трубы,
лось въ наименѣе измѣненномъ видѣ.
ее вездѣ, другіе воображаютъ, что м

è въ père,

одящія отъ
но отъ дру-
озобновлен-
нъ звукъ,
положенія
зняя поло-
и выгова-
ѣвцу при-
детъ слы-
ніе для u,
гл. how,
. И тутъ
зныя ме-

кучною,
очеркъ,
ихъ пи-
ностями
гель въ
ая язы-
ая за-
ньшее
хъ из-
зноше-
тъ въ
ая за-
ненiи
резъ
кеніе
оше-
дни-
и і.

rw.

ныя. Согласныя.

что носовая полост
въ продолженіе про
Впуская воду въ но
ніи i, u, o, вода ос
она входила въ зѣвъ,
илъ a [31]). Leblanc [32]),
закрытою гортанью, тол

я гласныя.

гласный звукъ не свобод
занавѣску и заставля
соединяющія носъ съ
ыя [33]), весьма обыкнов
an. Нѣтъ необходимо
проходилъ чрезъ носъ
носъ и тѣмъ даже ус
условіе есть удаленіе
ія части ноздрей; при
лѣе или менѣе соверше

лаcныя.

ну бы языки не могли
ъ гласныхъ. Есть слова
какъ напр. Лат. eo,
ч. ôi oeis (ἠϊόεις, съ
согласная; Гавайское
олько съ начальнымъ
а показываютъ, как
ли бы такіе языки. Т
тавленія костей язы

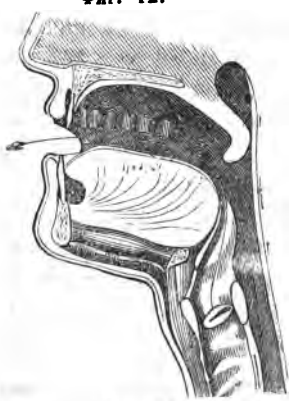
lgem. Vergl. Sprachlehre

различныя степени э
которое онъ приставля
овыхъ гласныхъ. Sitzu

подразумѣвается подъ этими выраженіями, мы можемъ видѣть въ этомъ различіи нѣкоторую долю справедливости. При шопотѣ, намъ ясно становится, что голосовыя связки, въ своемъ музыкальномъ качествѣ, не могутъ имѣть вліянія на это различіе. Тѣмъ не менѣе, если можно вѣрить ларингоскопу [40]), т. е. своимъ глазамъ, можетъ показаться, что, при произношеніи слабаго придыханія, или при смягченіи сильнаго придыханія, преимущественно дѣйствуютъ голосовыя связки или голосовая щель. Не протяженіе ихъ, но съуживаніе смягчаетъ силу остраго придыханія, и не позволяетъ ему устремляться прямо противъ стѣнокъ; въ этомъ смыслѣ можно имъ приписать шумъ или треніе, которое мы слышимъ, когда дыханіе медленно выходитъ изъ гортани въ ротъ. Есть еще одно весьма важное различіе между сильнымъ и слабымъ придыханіями. Совершенно невозможно пѣть сильное придыханіе, т. е. сдѣлать звучащимъ дыханіе, его производящее. При попыткѣ пѣть ha, тонъ не выходитъ раньше, пока не прекращается произношеніе h. Такимъ же точно образомъ невозможно въ одно и то же время свистать и пѣть [41]).

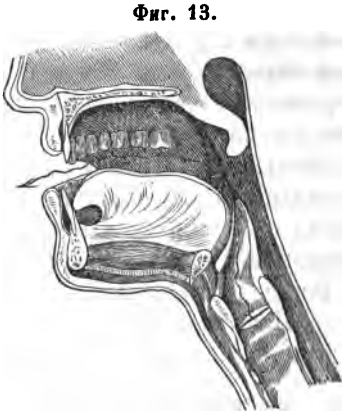
Причина этого весьма понятна. Если дыханіе, производящее h, должно звучать, то голосовыя связки должны

Фиг. 12.



ᶜ—(h): hand

Фиг. 13.



ᵛ—: and

[40]) Brücke, Grundz. 9.

[41]) R. von Raumer, Ges. Schriften, 371, примѣч. J. Müller

спирать его; но природа h состоитъ именно въ шумѣ дыханія, стремящагося свободно и безпрепятственно изъ легкихъ во внѣшній воздухъ. Слабое же придыханіе можетъ быть звучнымъ, потому что, при болѣе или менѣе ясномъ произношеніи его, дыханіе спирается близъ голосовыхъ связокъ и тамъ можетъ зазвучать.

Это простѣйшее дыханіе, въ двоякомъ своемъ характерѣ сильнаго и слабаго придыханія, можетъ видоизмѣняться на восемь ладовъ, представляя извѣстныя преграды, образующіяся посредствомъ языка, мягкаго и твердаго нёба, зубовъ и губъ. Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ, будетъ полезно сказать нѣсколько словъ объ общемъ различіи между сильнымъ и слабымъ придыханіемъ; мы увидимъ, что это различіе дѣйствуетъ на каждое изъ этихъ дыханій.

Различіе, которое, въ отношеніи къ первому дыханію или spiritus, обыкновенно называется сильнымъ и слабымъ, относительно другихъ буквъ извѣстно подъ названіемъ твердой или мягкой, глухой или ясной, тонкой или средней буквъ. Особенный характеръ, обозначаемый этими выраженіями, и способъ его произведенія вездѣ тѣ же самые. Составителямъ сочиненій Prâtiśâkhya было извѣстно то, что подтверждено ларингоскопомъ, т. е. что, при произношеніи глухихъ, тонкихъ или твердыхъ буквъ, голосовая щель открыта, между тѣмъ какъ она закрыта при произношеніи ясныхъ, мягкихъ или среднихъ буквъ. Въ первомъ классѣ буквъ, колебаніе голосовыхъ связокъ невозможно; во второмъ онѣ такъ сжаты, что, даже не колеблясь періодически, онѣ все-таки внятно начинаютъ звучать, или, можетъ быть, вѣрнѣе, онѣ видоизмѣняютъ звукъ. Прежде всего, объясняя различіе между k, ṭ, p и g, ḍ, b, я приведу одно мѣсто

говоритъ, «что только придыханіе h совершенно глухо и не сопровождается звукомъ или жужжаніемъ голоса. Если будемъ стараться произносить h громко, безъ звука голосовыхъ связокъ, то жужжаніе голоса не одновременно съ h, а будетъ за нимъ слѣдовать, и придыханіе пропадаетъ, коль скоро голосовыя связки измѣняютъ воздухъ въ тонъ.

изъ книги проф. Гельмгольца касательно общихъ причинъ, производящихъ это различіе.

«Рядъ ясныхъ g, d, b отличается отъ мгновенныхъ глухихъ k, t, p тѣмъ, что для первыхъ голосовая щель во время согласнаго открытія достаточно съужена, чтобы онѣ могли звучать, или, по крайней мѣрѣ, чтобы произвести шумъ шопота (vox clandestina), между тѣмъ какъ для глухихъ она широко открыта [42]), и потому неспособна звучать.»

«Поэтому ясныя сопровождаются звукомъ голоса, который, если онѣ стоятъ въ началѣ голоса, можетъ даже начаться нѣсколько раньше открытія рта, и, если онѣ стоятъ въ концѣ слога, продолжаться нѣсколько времени послѣ открытія рта, потому что нѣкоторая доля воздуха можетъ войти въ спертую полость рта и поддержать звукъ голосовыхъ связокъ въ гортани.»

«По причинѣ съуженной голосовой щели выходъ воздуха болѣе умѣренный, шумъ воздуха не такъ силенъ какъ у глухихъ, произносимыхъ съ открытою голосовою щелью, такъ что изъ другой полости вдругъ можетъ выходить большая масса воздуха» [43]).

Теперь возвратимся къ изслѣдованію различныхъ видоизмѣненій дыханія, въ его двоякомъ характерѣ сильнаго и слабаго дыханія.

Если, вмѣсто того, чтобы свободно пропустить дыханіе изъ легкихъ къ губамъ, мы его задержимъ прегра-

---

[42]) Lepsius, Die Arab. Sprachlaute, 108.

[43]) Это различіе очень ясно описано Раумеромъ, Ges. Schr., 444. Мгновенные глухіе онъ называетъ flatae, дутыми, а мгновенные ясные halatae, произносимые дыханіемъ. Онъ замѣчаетъ, что въ Англ. придыхательные всегда ясны, а въ другихъ языкахъ нѣтъ, и потому онъ раздѣляетъ ихъ физіологически на звучные и беззвучные. Это различіе однако сбивчиво и не имѣетъ значенія въ письменномъ языкѣ. См. также Investigations into the Laws of English Orthography and Pronunciation, by Prof. R. L. Tafel. New York, 1862.

Фиг. 14.

h (ch): Loch, хотя
'h (g): Нѣм. Tage.

дою, образованною языкомъ, поднятымъ къ язычку (мягкое нёбо), то получимъ звукъ ch, наприм. въ Нѣм. ach, ахъ, Русск. хотя, Шотл. loch [44]). Если же слегка спереть дыханіе, при достиженіи имъ преграды, мы получимъ звукъ, каковъ g въ Нѣм. Tage, произносимый не какъ мгновенная звучная, а какъ полугласная.

Вторая преграда образуется тѣмъ, что нѣсколько сокращенный языкъ приводится къ той точкѣ, гдѣ начинается твердое нёбо, нѣсколько за чертою, гдѣ образуется k. Заставляя сильное придыханіе пройти чрезъ эту тѣснину, мы производимъ звукъ ch, слышный въ Нѣм. ich, Рус. хитрый и т. д.; для Англичанина этотъ звукъ весьма труденъ, хотя онъ приближается къ начальному звуку словъ hume, huge и т. д. Смягчая дыханіе, при достиженіи имъ этой преграды, получимъ звукъ й, Англ. y, Нѣм. j [45]), year, Jahr. Этотъ звукъ естественно сопровождается легкимъ шумомъ, происходящимъ отъ съуженія голосовой щели; не трудно этому j сообщить ясное произношеніе. Нѣтъ никакого доказательства, что Санскритское нёбное дыханіе (ç или ś) произносилось какъ Нѣм. ch въ словахъ China, ich. Вѣроятнѣе всего, это былъ ассибилированный звукъ, который можно произвести, оставляя органы въ положеніи, требуемомъ нѣмец-

[44]) Этотъ же звукъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ Даякскихъ нарѣчіяхъ на Борнео. См. Surat Peminyuh Daya Sarawak, Reading Book for Land and Hill Dayaks, in the Sentah dialect. Singapore, 1862. Печатано въ Миссіонерской типографіи.

[45]) Ellis, Engl. Phonetics, § 47.

объ звучныя, т. е. видоизмѣненія слабаго придыханія, но отличаются отъ прочихъ видоизмѣненій колебаніемъ извѣстныхъ частей рта. Я не въ состояніи произносить всѣ различныя r, и поэтому заимствую ихъ описаніе у одного изъ самыхъ извѣстныхъ авторитетовъ по этому предмету, у Ellis'a [46]). «Для произношенія плавныхъ звуковъ дыханіе выходитъ съ силою, достаточною для того, чтобы привести въ колебаніе не только перепонку, но и гораздо болѣе значительныя мягкія части, каковы: мягкое нёбо (язычекъ), языкъ и губы. При произношеніи Арабскаго grh (grhain), соотвѣтствующаго Нортумберландскому burr (burgrh, Hagrhiut вм. Harriot), и Французско-провансальскому r grasseyé (Paris c'est la France=Paghri c'est la Fgrhance), язычекъ расположенъ вдоль задней части языка, въ направленіи къ зубамъ, и очень ясно колеблется. Если языкъ болѣе поднятъ и колебаніе неясно или очень слабо, то происходитъ Англійское r въ словахъ more, poor, между тѣмъ какъ еще болѣе поднятое положеніе языка производитъ звукъ r, какой слышится послѣ нёбныхъ гласныхъ, какъ напр. hear, mere, fire. Эти плавные звуки до того гласны, что образуютъ отдѣльные слоги, какъ наприм. surf, serf, fur, fir, virtue, honour, и трудно отдѣляются отъ гласныхъ. Поэтому дѣйствіе r почти не слышно, если предшествуетъ гортанная гласная, такъ что laud и lord, father и farther почти не отличаются въ произношеніи другъ отъ друга.»

Профессоръ Гельмгольцъ описываетъ r и l слѣдующимъ образомъ: «При произношеніи r токъ воздуха періодически совершенно прерывается сотрясеніемъ мягкаго нёба или кончика языка, такъ что получается прерывающійся шумъ, коего особенное картавленное свойство зависитъ именно отъ этихъ прерываній. При произношеніи l, сотрясающіеся мягкіе боковые края языка произво-

Wiss. XXIX, 576. Проф. Лепсіусъ (Die Arab. Sprachl.) только отчасти принялъ взгляды Брюкке и Чернака за то, что они называютъ Gutturales Verae въ Арабскомъ. См. также интересный споръ профес. Брюкке съ профессоромъ Лепсіусомъ, XII томъ Zeitschr. für Vergl. Sprachf.

[46]) Universal Writing and Printing, A. J. Ellis, 1856, стр. 5.

дятъ не полное прерываніе, но колебаніе въ напряженіи звука» [49]).

Если губы приходятъ въ сотрясеніе, то происходитъ brh, любимый звукъ дѣтей, который однако, подобно соотвѣтствующему сильному придыханію, не имѣетъ большаго значенія въ языкѣ. Если языкъ прикладывается къ зубамъ, и оба его боковые края, или даже только одинъ, приводятся въ сотрясеніе, то мы слышимъ звукъ l, который столько же способенъ къ звучности, какъ и r.

Итакъ мы разсмотрѣли одинъ классъ буквъ, которыя всѣ согласуются въ томъ, что могутъ быть произносимы сами по себѣ, и что ихъ произношеніе можно продлить. Въ Греческомъ языкѣ онѣ называются Hemiphona, полугласными, между тѣмъ какъ Санскритскіе грамматики выставляютъ какъ особенное ихъ свойство то, что активные и пассивные органы, потребные для произведенія всѣхъ согласныхъ шумовъ, не могутъ касаться одинъ другаго, а только приближаются между собою [50]).

Мгновенныя глухія.

Теперь мы переходимъ къ третьему и послѣднему классу буквъ, отличающихся отъ всѣхъ прочихъ тѣмъ, что онѣ на время совершенно останавливаютъ выходъ дыханія. Греки ихъ называютъ aphōna, глухими, потому что онѣ спираютъ голосъ, или, что то же самое, что онѣ неспособны къ звучности. Но онѣ отличаются отъ шипящихъ или твердыхъ дыханій, также неспособныхъ къ звучности, потому что многія глухія происходятъ отъ сдерживанія дыханія, а при шипящихъ дыханіе выпускается. Онѣ происходятъ, какъ говорятъ Санскритскіе грамматики, отъ полнаго прикосновенія активныхъ и пассивныхъ органовъ. Онѣ и не требуютъ большаго объясненія.

[49]) Тамъ же, стр. 116.

[50]) Въ грамматикѣ Панини I, 1, 9 сказано, что y, r, l, и v произносятся съ ishatsprishṭam, легкимъ прикосновеніемъ; ś, sh, s, h съ vivṛitam, открытіемъ, или ishadvivṛitam, легкимъ открытіемъ, или aprishṭam, безъ прикосновенія.

за беззвучные. На сколько я могу судить, Санскритскіе грамматики не допускаютъ сомнѣнія ни въ одномъ изъ этихъ пунктовъ. Глухіе придыхательные образуются полнымъ прикосновеніемъ (sprishṭa), и принадлежатъ къ тому классу буквъ, для которыхъ голосовая щель должна быть совершенно открыта; т. е. къ глухимъ согласнымъ. Эти два пункта, разъ установленные, должны положить конецъ всѣмъ разсужденіямъ на счетъ этого вопроса. Трудно опредѣлить точный звукъ этихъ буквъ, потому что древніе авторитеты расходятся въ ихъ описаніи; но въ физіологическомъ ихъ характерѣ нѣтъ сомнѣній. Говорятъ, что эти звуки произносятся сильнымъ выдыханіемъ (mahâprâṇaḥ), что однако не можетъ составлять отличительной ихъ черты, потому что то же самое относится и къ яснымъ придыхательнымъ и глухимъ дыханіямъ. Техническое ихъ названіе «soshman» т. е. «съ вѣтромъ» допускаетъ двоякое толкованіе. «Вѣтеръ» можно понять въ обыкновенномъ смыслѣ дыханія, или, что вѣрнѣе, въ смыслѣ восьми буквъ, называемыхъ въ Санскритѣ «вѣтрами»: h, ś, sh, s, язычно-корневое дыханіе (Jihvâmûlîya), губное дыханіе (Upadhmânîya), нейтральное дыханіе (Visarga), и нейтральный носовой звукъ (Anusvâra). Такъ нѣкоторые древніе грамматики [62]) утверждаютъ, что глухіе придыхательные—это глухія буквы k, t, p съ соотвѣтствующими или однородными (homoorganic) вѣтрами, т. е. kh=k+язычно-коренное дыханіе, th=t+s, ph=p+губное дыханіе. Ясные придыхательные, о которыхъ далѣе будетъ больше сказано, напротивъ того, происходятъ, какъ говорятъ, отъ соединенія ясныхъ g, d, b съ яснымъ 'h. Совершенно ясно, что Санскритское 'h не могло составлять втораго элемента глухихъ придыхательныхъ; оно не сильное придыханіе, за которое его постоянно ошибочно принимали, а звучная буква. Придыхательные образовались, какъ мы видѣли, посредствомъ полнаго глухаго прикосновенія съ слѣдующими глухими дыханіями каждаго органа. Возраженія другихъ грамматиковъ противъ этого

[62]) Survey of Languages, XXXII. Śâkala-prâtiśâkhya XIII, 18.

взгляда касаются не фактовъ, а только ихъ объясненія. Они считаютъ всѣ буквы — вѣчными, и потому не могутъ допустить ихъ сложнаго характера; они представляютъ придыханіе не какъ придаточный элементъ, но какъ внѣшнее качество, и предписываютъ для нихъ болѣе скорое произношеніе, чтобы устранить всякое различіе между ними и другими согласными. Въ другихъ буквахъ три главныя вещи составляютъ мѣсто, прикосновеніе и открытіе или закрытіе голосовой щели; у придыхательныхъ прибавляется еще четвертый элементъ — дыханіе. На Санскритскіе глухіе придыхательные можно смотрѣть только какъ на k, t, p, видоизмѣненные сильнымъ придыханіемъ, слѣдующимъ непосредственно за ними, и принимающимъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, характеръ гортаннаго, зубнаго или губнаго дыханій.

Касательно Греческихъ придыхательныхъ мы знаемъ, что они принадлежали къ aphōna, т. е. что они происходили отъ полнаго прикосновенія. Первоначально они не были hemiphona или дыханія, но превратились въ нихъ только впослѣдствіи. Что они были глухи или произносились съ открытою голосовою щелью—это слѣдуетъ заключить изъ ихъ первоначальныхъ знаковъ, каковъ напр. ΠΗ, и изъ удвоенныхъ формъ, tí-thēmi, ké-chyka, pé-phyka [63]).

Труднѣе опредѣлить истинное свойство Санскритскихъ ясныхъ придыхательныхъ gh, dh, bh. Согласно съ нѣкоторыми грамматиками, они происходятъ отъ соединенія g, d, b съ 'h, что въ Санскритскомъ считается ясною буквой, слабымъ дыханіемъ лишь нѣсколько видоизмѣненнымъ [64]). Тѣ же грамматики утверждаютъ однако, что звуки эти производятся не вполнѣ закрытою голосовою щелью, т. е. не какъ ясныя буквы, но что они вмѣстѣ съ h требуютъ, чтобы голосовая щель была въ одно и то же время открыта и закрыта. Смыслъ этого нѣсколько темный.

[63]) Raumer, Aspiration, 96. Curtius, Gr. Etym. II, 11.

[64]) Если бы Санскритское письмо не принадлежало столь позднему періоду, то явленіе, что ведическое ḍh или ḷh дѣйствительно представляется соединеніемъ ḷ и h, могло бы послужить подтвержденіемъ этой теоріи.

филологическаго изученія. Но, къ сожалѣнію, я вижу, что въ Африкѣ даже наиболѣе ревностные защитники предложеній проф. Лепсіуса, какъ напр. д-ръ Bleek, находятъ эту систему невозможною «по причинѣ ея слишкомъ большихъ типографскихъ затрудненій» [67]). Если паровая типографія въ Капштадтѣ находитъ такія затрудненія, то что же можно ожидать отъ Нейгеррентута? Другое, гораздо болѣе серьезное возраженіе, сдѣланное ученымъ, также ревностно защищающимъ «Алфавитъ миссіонеровъ церкви,» состоитъ въ томъ, что схема д-ра Лепсіуса, измѣненная обществами Church of England и Continental missionary Society, давно перестало быть единообразной системою. Rev. Hugh Goldie въ своемъ «Dictionary of the Efik Language» (Glasgow, 1862) говоритъ: «Общества еще не успѣли установить единообразной системы, для которой въ основаніе принятъ алфавитъ д-ра Лепсіуса; сдѣланы отступленія отъ нея, которыя расходятся въ различныхъ языкахъ, и такимъ образомъ уничтожаютъ ея притязаніе на единообразность. Общество Church of England употребляетъ знаки, которыхъ нѣтъ у континентальныхъ обществъ, и наоборотъ. Это обстоятельство, я думаю, весьма невыгодно для главнаго рекомендательнаго мотива этой системы, именно для притязанія ея быть принятой въ качествѣ общей системы. Отнявъ у нея эти постороннія несущественныя преимущества, и судя о ней по ея собственнымъ заслугамъ, мы находимъ въ ней недостатокъ простоты.»

Это--серьезныя возраженія; и все-таки я препебрегъ бы ими и, съ своей стороны, поддерживалъ бы систему

[67]) D-r Bleek, Compar. Gramm. XIII.

	Sir W. Jones.	Макс. Мюллер.	Миссіонер. Алф.	Church. Miss. Alph.		Sir W. Jones.	Макс. Мюллер.	Миссіонер. Алф.	Church Miss. Alph.
प	p	p	p	p	श	ś	ś	ʃ	š od. χ́
फ	p'h	ph	ph	p̔ od. ph	ष	sh	sh	sh	ṣ̌ od. š
ब	b	b	b	b	स	s	s	s	s
भ	b'h	bh	bh	b̔ od. bh	ः	h(h̆)	ḥ	ʰ	:
म	m	m	m	m	ँ	ṅ	ṁ	m	~
ह	h	h	h	h	+	—	χ	—	⌣
य	y	y	y	y	⌣	—	φ	—	⌣
र	r	r	r	ṛ od. r	ळ	—	ḷ	ʎ	ḷ
ल	l	l	l	l	ळ्ह	—	ḷh	—	—
व	v	v	w	v					

встрѣтить слова съ начальнымъ h и gui потому, что Французскій языкъ есть Латынь, на которой говорили не только римскіе провинціалы, но и германскіе Франки. Звуки эти обязаны своимъ существованіемъ германской гортани, и свойственны Тевтонскому, а не Романскому алфавиту. Такъ, напр. haïr, ненавидѣть, есть Англ. to hate, Нѣм. hassen; hameau родина—Англ. home; hâter спѣшить — Англ. to haste, одного начала съ Нѣм. Hast; déguiser указываетъ на wise, мудрый, guile на Англ. wile, guichet на wicket. Въ Англійскомъ есть много звуковъ, не встрѣчающихся ни въ одномъ изъ Тевтонскихъ нарѣчій, потому что Англійскій языкъ—это Саксонскій, какъ на немъ говорили не только Саксонцы, но и Норманны. Англ. звукъ u (ю), слышный, напр. въ pure, не есть Тевтонскій звукъ; онъ произошелъ отъ попытки подражать французскому u въ pure [1]). Большая часть словъ съ этимъ звукомъ—римскаго происхожденія, напр. duke, during (durer), beauty (beauté), nuisance (nocentia). Но, разъ натурализованный, этотъ звукъ u вошелъ также и въ саксонскія слова, т. е. Норманны произносили Англо-Сакс. eów и eaw какъ yu (ю); напр. knew (cneów) зналъ, few (feawa) мало, dew (deáw), hue (hiw) [2]).

Англійскіе звуки ch (ч) и j (дж) скорѣе римскіе или норманскіе, чѣмъ тевтонскіе, хотя они, разъ допущенные въ Англійскомъ, вошли и во многія слова саксонскаго происхожденія. Такъ напр. cheer (въ good cheer) есть Франц. chère, средневѣковое латинское cara [3]); chamber, Франц. chambre, Лат. camera; cherry, вишня, Англ.-сакс. cirse, Франц. cerise, Лат. cerasus; to preach, prêcher, praedicare; forge, fabricare. Англ. joy есть Лат. gaudium; judge Лат. judex и т. д.

---

[1]) E. Fiedler, Wissenschaftliche Grammatik der Englischen Sprache, I. стр. 118 и 142.

[2]) Ср. Marsh, Lectures, Second Series, стр. 65.

[3]) Сага въ Испанскомъ, chière въ древне-Французскомъ языкѣ значитъ голова, лицо. Еще Nicot говоритъ «avoir la chère baissée.» Позже слово это получило значеніе дружественнаго пріема, встрѣчи, тоже что нѣм. Willkommen. Diez, Lex., Etym. подъ словомъ сага.

Въ нѣкоторыхъ *Австралійскихъ* языкахъ всего 8 согласныхъ, съ тремя видоизмѣненіями [26]).

Меланезійскіе языки богаче согласными. Самый бѣдный, Dnauru, состоящій изъ 12; другіе — изъ 13, 14 и болѣе согласныхъ [27]).

Но еще гораздо замѣчательнѣе, чѣмъ присутствіе или отсутствіе извѣстныхъ буквъ въ извѣстныхъ языкахъ, или семействахъ языковъ, это — неспособность нѣкоторыхъ племенъ различать нѣкоторыя изъ самыхъ нормальныхъ буквъ нашего алфавита. Нѣтъ, кажется, двухъ согласныхъ, которыя были бы такъ различны, какъ *к* и *т*. Тѣмъ не менѣе эти два звука въ языкѣ Сандвичанъ сливаются въ одинъ, и иностранцу кажется невозможнымъ сказать, слышитъ ли онъ гортанную или зубную. Одно и то же слово пишется Протестантскими миссіонерами посредствомъ к, а Французскими чрезъ т. Цѣлые мѣсяцы нужно трудиться, чтобы сдѣлать понятнымъ молодому Гавайцу различіе между *к* и *т*, *г* и *д*, *л* и *р*. Одно и то же слово въ Гавайскихъ нарѣчіяхъ до того видоизмѣняется, что koki существуетъ рядомъ съ hoi, kela съ tea [28]). Принявъ Англійское слово steel, Гавайцы отбросили s, потому что они никогда не произносятъ двухъ согласныхъ рядомъ; они прибавили конечное a, такъ какъ у нихъ слова не оканчиваются согласными; наконецъ они измѣнили t въ k [29]). Итакъ изъ steel вышло kila. Такое смѣшеніе двухъ согласныхъ, столь выдающихся, какъ *к* и *т*, уничтожило бы самую жизнь такого языка, какъ Англійскій; исчезло бы всякое различіе между carry и tarry, car и tar, key и tea, neck и net. Но Гавайскій языкъ успѣшно борется противъ этихъ неудобствъ, и выдержалъ пробу перевода Библіи, оказавшагося довольно сноснымъ.

[26]) Hale, стр. 482.

[27]) См. Von der Gabelenz, ibid.

[28]) The Polynesian, October 1862.

[29]) Buschmann, острова Маркизскіе, стр. 103; Pott, Etymologische Forschungen, II. 138. Жители Гавайи не дѣлаютъ никакого различія между t и k, и миссіонеры усвоили послѣдній звукъ, хотя не основательно, въ письменномъ языкѣ (такъ какъ первоначально въ языкѣ Таитянъ стоитъ t.)— Hale, VII стр. 234.

Физіологически можно объяснить себѣ такое смѣшеніе только несовершенною артикуляціей, такъ какъ языкъ неправильно касается нёба на половинѣ между точками прикосновенія *к* и *т*, и такимъ образомъ производится иногда болѣе зубной, иногда болѣе нёбный шумъ. Основываясь на высокихъ авторитетахъ, говорятъ, что нѣчто подобное замѣчается также и въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ [30]). Тщательные наблюдатели говорятъ намъ, что нижніе классы въ Канадѣ обыкновенно смѣшиваютъ k съ t, и говорятъ mékier, mokieré вмѣсто métier, moitié. Уэбстеръ, въ предисловіи къ своему Англійскому словарю, даже утверждаетъ, что въ Англійскомъ буквы cl произносятся какъ tl: clear, clean, говоритъ онъ, выговариваются tlear, tlean; gl произносится какъ dl: dlory вм. glory. Уэбстеръ же большой авторитетъ въ этомъ отношеніи, и хотя я сомнѣваюсь, чтобы кто-либо дѣйствительно говорилъ dlory вм. glory, однако его замѣчаніе во всякомъ случаѣ показываетъ, что даже, при хорошо развитыхъ органахъ языка и слуха, иногда бываетъ трудно различать гортанное прикосновеніе отъ зубнаго.

Какъ трудно иногда уловить точный звукъ чужаго языка, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота. Американецъ, долго жившій въ Константинополѣ, пишетъ: «Во всѣхъ моихъ письмахъ есть только одно слово, относительно котораго я вполнѣ увѣренъ, что оно вѣрно написано, это—bactshtasch, подарокъ. Я слышалъ его такъ часто, и мой слухъ такъ привыкъ къ этому звуку, а мой языкъ—къ произношенію его, что я теперь навѣрно не ошибусь въ самомъ малѣйшемъ оттѣнкѣ произношенія. Нѣтъ ни одного турецкаго слова, которое бы въ такой степени врѣзалось въ мою память. Bactshtasch! первый мой знакомый въ Турецкомъ языкѣ, тебя я никогда не забуду.» Слово это, однако, звучитъ бахшышъ [31]).

---

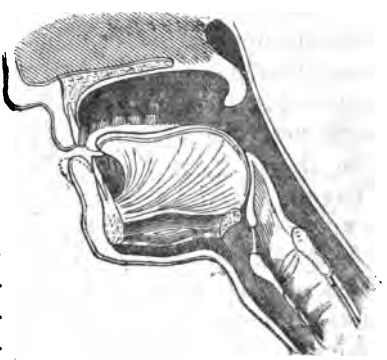
[30]) Student's Manual of the Englisch Language. (Marsh and Smith), стр. 349.

[31]) Constantinople and its Environs, by an American long resident, New York 1835, II. стр. 151; цитир. Маршемъ, Lect., Second Series, 87.

видимому, не имѣющіе ничего общаго между собою, часто оказываются дѣйствительно одного и того же корня. На первый взглядъ никто не вообразитъ, что Сечуанское reka и Кафрское tonga, или Кафрское pila и Сечуанское tsera, суть только видоизмѣненія одного и того же корня; однако знаніе измѣненій согласныхъ и гласныхъ въ этихъ обоихъ языкахъ показываетъ, что это дѣйствительно такъ. Для подтвержденія этого мы еще замѣтимъ, что одна изъ согласныхъ въ вышеприведенныхъ и другихъ сечуанскихъ словахъ, въ процессѣ производства, иногда возвращается къ первоначальной буквѣ, находящейся въ Кафрскомъ корнѣ. Такъ напримѣръ возвратная форма отъ reka не ireka, а iteka, между тѣмъ какъ имя, произведенное отъ глагола tsera не botsero, а botselo.»

Измѣненіе th въ f многими считается совершенно неестественнымъ, и на этомъ основаніи геніальное отождествленіе словъ Thra êtona и Feridún, сдѣланное Бюрнуфомъ (о чемъ рѣчь будетъ впослѣдствіи), было отвергнуто. Но стоитъ только взглянуть на рисунки органовъ, произносящихъ th и f, чтобы убѣдиться, что малѣйшее движеніе нижней губы къ верхнимъ зубамъ можетъ измѣнить звукъ th въ f [38]), такъ что Англ. nothing, произносимое народомъ, иногда звучитъ какъ nuffing.

Фиг. 27.



Теперь уже немногіе сомнѣваются въ томъ, что измѣненія буквъ происходятъ по извѣстнымъ звуковымъ законамъ, хотя бы ученые и не были согласны въ точномъ и вѣрномъ примѣненіи этихъ законовъ. Но до сихъ поръ еще не вполнѣ объясненнымъ осталось свойство этихъ звуковыхъ законовъ, управляющихъ измѣненіями словъ. Почему буквы измѣняются? По-

[38]) См. Макса Мюллера On Veda and Zendavesta, стр. 32; Arendt, Beiträge zur vergleicheinden, I, стр. 425.

чему Англичане говорятъ [illegible] вмѣсто [illegible] [illegible] вм. hlaefdige, а Французъ [illegible] вмѣсто pater и mater? Я полагаю, что управляющіе этими измѣненіями законы положительно основаны на физіологическихъ причинахъ, и не допускаютъ никакого другаго объясненія. Недостаточно сказать, что [illegible] или k и t мѣняются между собою; мы желаемъ знать, почему эти буквы переходятъ одна въ другую, или, чтобы говорить болѣе точнымъ языкомъ, почему то же самое слово, которое Индѣецъ произноситъ съ начальною d, Римляниномъ выговаривается съ начальною l, и т. д.? Это явленіе нужно объяснить физіологически, и съ помощью рисунковъ показать, что происходитъ, когда вмѣсто d слышится l, а th вмѣсто f.

Здѣсь мы съ самаго начала должны различать два процесса, которые могутъ имѣть мѣсто въ одно и то же время, но которые, тѣмъ не менѣе, совершенно различны между собою. Есть звуковыя измѣненія, происходящія въ одномъ и томъ же языкѣ, или въ нарѣчіяхъ одной семьи языковъ, которыя оказываются просто слѣдствіями вялости или лѣни. Каждая буква требуетъ большаго или меньшаго мышечнаго напряженія. Есть твердое, рѣзкое, опредѣленное произношеніе, есть также нѣжный, слабый, неясный выговоръ: первое требуетъ воли, послѣдній есть простое laisser-aller. Мы какъ-бы боимся дѣлать усилія при произношеніи каждой согласной и гласной, и стараемся по возможности сберегать дыханіе и мышечную энергію. Въ этомъ-то и состоитъ главная причина звуковой порчи въ языкѣ. Совершенно справедливо, что чѣмъ короче слово, тѣмъ оно лучше для практическихъ цѣлей, пока оно ясно и точно выражаетъ свое значеніе. Большая часть греческихъ и римскихъ словъ вдвое длиннѣе, чѣмъ нужно, и я не нахожу въ томъ ошибки, что Романскія націи сократили трудъ говорить; я только привожу причину того, что̀ мы должны назвать звуковою порчею, какъ бы выгодна она ни была въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; и эту причину я просто считаю недостаткомъ мышечной энергіи. Гальскій провинціалъ началъ говорить père вмѣсто pater

неблагозвучныя, чѣмъ thíthēmi. Такія слова, какъ χθών (chthōn) земля, φθόγγος (phthóggos) гласная, начинающіяся двумя придыхательными, гораздо болѣе подлежатъ нападкамъ, чѣмъ thíthēmi. Нашъ слухъ нисколько не оскорбляется Латинскимъ fefelli [42]) отъ fallo, или Готскимъ удвоеннымъ Perfectum haihald отъ haldan (сокращеннаго въ Англійскомъ въ held, А.-Сакс. heóld вмѣсто hehold), или даже Готскимъ faifahum, мы ловимъ, отъ fahen ловить [43]). Въ звукѣ fearful (страшно) нѣтъ ничего страшнаго, хотя оба слога начинаются буквою f. Если бы на это возразили, что всѣ эти буквы въ Латинскомъ и Греческомъ просто—дыханія, между тѣмъ какъ Греческія χ, θ, φ дѣйствительныя придыхательныя, то вѣдь въ Нѣмецкомъ встрѣчаются такія слова, какъ Pfropfenzieher, которое Нѣмецкому уху нисколько не противно. Я полагаю, что причина этого, такъ называемаго, отвращенія въ Греческомъ языкѣ не что иное, какъ вялость разговорныхъ мышцъ. Придыхательная требуетъ большаго усилія, хотя мы это едва замѣчаемъ, начиная съ брюшныхъ мышцъ и кончая въ мышцахъ, открывающихъ голосовую щель до наибольшихъ размѣровъ. Тонкая замѣнила придыхательную только изъ экономіи мышечной энергіи, хотя впрочемъ это имѣло мѣсто лишь въ такихъ случаяхъ, когда этимъ не нарушалась сила значенія слова. Благозвучіе—выраженіе весьма неточное и не

[42]) Нужно замѣтить, что Лат. f, хотя не есть придыхаемая тонкая, подобно греч. φ, а губное дыханіе, тѣмъ не менѣе очень твердое произношеніе. Квинтиліанъ, по поводу отсутствія въ Латинскомъ языкѣ греч. φ и υ, говоритъ: Quae si nostris literis (f и v) scribantur, surdum quiddam et barbarum efficient et velut in locum earum succedent tristes et horridae, quibus Graecia caret. Nam et illa quae est sexta nostrarium (f) paene non humana voce, vel omnino non voce potius, inter discrimina dentium effl anda est; quae ctiam quum vocalem proxima accipit quassa quodammodo, utique quoties aliquam consonantem frangit, ut in hoc ipso frangit, multo fit horridior. (XII. 10).—Ср Bindseil, 287.

[43])

	Настоящее.	Прош. ед.	Прош. множ.	Прич. прош. страд.
Гот.	haita	haihait	haihaitum	haitan
Англо-Сакс.	hâtan	hêht (hêt)	hêton	hâten
Др.-Англ.	hate	hight	highten	hoten, hoot, hight.

[illegible]. Всякая нація считаетъ свой языкъ, всякое племя свое нарѣчіе — благозвучнымъ, и рѣдко намъ понравится языкъ, который мы слышимъ въ первый разъ. Для моего слуха knight не лучше, чѣмъ Knecht, а для Англичанина оно можетъ быть болѣе благозвучнымъ; но безъ сомнѣнія, произношеніе Англ. knight требуетъ меньшаго напряженія, чѣмъ Нѣмецкое Knecht.

Отъ этого наиважнѣйшаго класса звуковыхъ измѣненій, слѣдуетъ отдѣлить другія, происходящія отъ менѣе понятныхъ причинъ. Если мы находимъ, что, вмѣсто Латинскаго pater, Готскія племена говорили fadar, то было бы несправедливо приписывать Готамъ недостатокъ въ мышечной энергіи. Напротивъ того, придыхательное f требуетъ бо́льшаго напряженія, чѣмъ простая тонкая; и это d, которое между двумя гласными, по всей вѣроятности, произносилось какъ мягкое Англ. th, нисколько не было легче произносить, чѣмъ t. Если мы далѣе находимъ въ Санскритѣ gharma, жаръ, съ гортанною придыхательною, въ Греческомъ thermós съ зубною придыхательною, въ Латинскомъ прилагательное formus [illegible] съ зубною придыхательною, то мы ни одному изъ этихъ трехъ діалектовъ не можемъ приписать вялости, но должны искать другую причину, произведшую такія перемѣны. Эту причину я называю діалектическимъ ростомъ, и готовъ приписать звуковое различіе между Санскритскимъ, Греческимъ и Латинскимъ языками предшествующему состоянію языка, въ которомъ, какъ въ Полинезійскихъ языкахъ, двѣ или три главныя точки согласнаго прикосновенія еще не чувствовались совершенно отдѣльными одна отъ другой. Ничѣмъ нельзя доказать, что въ Греческомъ thermós когда либо была начальная гортанная, и если говорится, что Санскр. gh дѣлается Греческимъ th, то этимъ говорится весьма мало. Никакая буква, въ этомъ смыслѣ, не дѣлается. Буквы произносятся, и произношеніе можетъ быть вѣрно или невѣрно. Если Греки произносили th въ thermós вѣрно, безъ всякой [illegible]

[illegible]

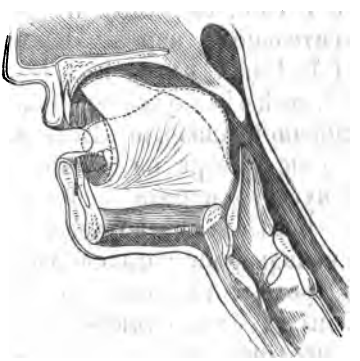
къ произн[illegible] [illegible] что индивидуумы и цѣлыя на-
объясненія [illegible] извѣстныхъ согласныхъ, и этотъ не-
я не могу [illegible] замѣняется рѣшительнымъ предпо-
тинскій язы[illegible] согласныхъ. У западныхъ Африкан-
ною, зубн[illegible] [illegible]ныхъ, но оттого они богаты гор-
утверждая. [illegible] семейство или нація не мо-
Латинскій — [illegible] буквы, то остается толь-
словъ у Сан[illegible] другою ближайшею къ ней
всѣ три язы[illegible] заривали зубной придыхательной,
торомъ ихъ [illegible] или Санскритскому d^{c}. Гдѣ въ
но, что оно [illegible] встрѣчалась эта буква, тамъ
въ Греческо[illegible] оставлять придыханіе и про-
наго прикос[illegible] ее ближайшимъ согласнымъ
языкѣ, одна[illegible] f, такъ что они вмѣсто
нарѣчіе пре[illegible] [illegible]mus, Греч. thýmos. Тоже
косновеніе. [illegible] Англійскомъ языкѣ. Современ-
не предполо[illegible] безъ сомнѣнія, пострадав-
нарѣчій про[illegible] утратило гортанное ch,
(Hale) говор[illegible] Нѣмецкомъ lachen. У Саксон-
лаетъ различ[illegible] и произносили hleahtor.
v и w. Кромѣ [illegible] ствующею губною буквою f:
Если бы завтр[illegible] enough вм. genug и т. д.
вовъ, то случи[illegible] племя произноситъ r, а дру-
сколько тысячъ [illegible] слѣдуетъ приписать вялости, а
и Римляне остав[illegible] поразительно соотвѣт-
выработала бы из[illegible] органѣ чувства, именно
лузубнаго произно[illegible] которые цвѣта. Такія идіосин-
ное, другая чисто [illegible] случить, потому что онѣ встрѣ-
ношеніе. Говорятъ, [illegible] если Латинское f или даже
гдѣ ихъ языкъ сохр[illegible] d^{c}, то изъ этого вовсе
лашскомъ, измѣнили [illegible] всѣхъ языкахъ измѣнялось
они произносятъ какъ [illegible] имѣетъ сильное отвращеніе
[illegible], и онъ дѣйствитель-
[illegible] три согласныя, да и то
[illegible] слова оканчиваются толь-
[illegible] У Римлянъ этого не было;
[illegible] тонкою, hic, nunc;

45) По-дорически πόκα, [illegible]
по-дорически δρόφος, по-золи[illegible]
46) Hale, Polynesian Gra[illegible]
47) Македонское (Куцо-вал[illegible]
pictine въ keptine. Ср. Потта, [illegible]
геза сѣверное вездѣ выбрасывает[illegible]

зубною тонкою, sunt, est; они избѣгаютъ только конечной губной тонкой, которая въ концѣ дѣйствительно неблагозвучна. Трудно себѣ представить, чтобы Виргилій въ своихъ гекзаметрахъ сталъ произносить lump, trump, stump. Такія склонности, свойственныя всякой націи, должны имѣть значительное вліяніе на звуковое строеніе языка, особенно если мы вспомнимъ, что въ Арійской семьѣ языковъ показателями формъ служатъ конечныя буквы.

Эти идіосинкразіи, однако, совершенно недостаточны, чтобы объяснить, почему Латинское coquo въ Греческомъ является какъ pépto. Латинскій языкъ не лишенъ губныхъ звуковъ, какъ и Греческій не безъ гортанныхъ; нельзя также утверждать, чтобы латинскія гортанныя постепенно переходили въ греческія губныя. Такія формы суть діалектическія видоизмѣненія, и для точнаго изслѣдованія я считаю весьма необходимымъ на сколько возможно отличать эти діалектическія видоизмѣненія отъ фонетической порчи. Я говорю—на сколько возможно, потому что иногда дѣйствительно весьма трудно провести между обоими явленіями раздѣльную линію. Съ физіологической точки зрѣнія я сказалъ бы, что фонетическая порча всегда есть слѣдствіе мышечной вялости, хотя можетъ случиться, что «лѣнивые люди дѣлаютъ наибольшее напряженіе,» какъ напр. въ словѣ thunder. Всѣ случаи фонетической порчи ясно могутъ быть переданы анатомическими рисунками. Латинское clamare наприм. требуетъ полнаго прикосновенія корня языка съ мягкимъ нёбомъ, и это прикосновеніе потомъ вдругъ переходитъ въ зубное положеніе языка съ сотрясеніемъ его боковыхъ

Фиг. 28.



Этотъ рисунокъ сдѣланъ профессоромъ Р. Оуэномъ.

окрошк. Въ Итальянскомъ этого бокового сотрясенія нѣтъ, или лучше сказать, оно замѣнено наивозможно слабымъ приближеніемъ языка къ нёбу, слѣдующимъ почти невольно за открываніемъ гортаннаго прикосновенія, такъ что вмѣсто clamare происходитъ chiamare. Испанецъ совсѣмъ перескакиваетъ начальное гортанное прикосновеніе: онъ думаетъ, что произнесъ его, хотя языкъ его еще не поднимался, но прямо перешелъ въ сотрясеніе l, за открываніемъ коего слѣдуетъ тотъ же звукъ, который слышится въ Итальянскомъ произношеніи. (*) Что сказано о Романскихъ языкахъ, равно относится и къ Германскимъ. Древніе Саксонцы говорили: cniht, cnif и cneow; теперь перескакиваютъ гортанное прикосновеніе и говорятъ: knight, knife, knee. Древніе Саксонцы говорили hleápan съ живымъ начальнымъ придыханіемъ, которое теперь совершенно утрачено въ Англ.: to leap. Вездѣ, гдѣ находимъ начальное wh, какъ въ словахъ who, which, white, тамъ первоначально въ А.-Сакс. стояло hw, съ живымъ произношеніемъ придыхательной. Хотя это придыханіе при вѣрномъ произношеніи еще слышно, однако въ народномъ языкѣ оно быстро исчезаетъ, за исключеніемъ Сѣвера, гдѣ оно передъ w ясно слышится, но не только w. Въ вопросительномъ мѣстоименіи who не осталось и слѣдовъ этого w (развѣ что на письмѣ), а въ вопросительномъ нарѣчіи how оно даже уже и не пишется (А. Сакс. hwû, hu, Готск. hvaiva). Напротивъ въ словѣ whole буква w пишется, но просто вслѣдствіе этимологической аналогіи. Есть А.-Саксонское слово hâl безъ w, и не смотря на усиліе учителей ввести это w, здравый смыслъ народа воспротивилось его произношенію.

Всѣмъ всѣхъ подлежатъ звуковой порчѣ слова съ двумя начальными согласными. Ясное произношеніе двухъ начальныхъ согласныхъ въ началѣ слова безъ вставочныхъ гласныхъ есть безъ сомнѣнія, требуетъ усилія, и очень понятно, что часто одна изъ этихъ согласныхъ перекидывается или вовсе пропускается. Если же языкъ имѣетъ

(*) Испанцы говорятъ llamar и llamar.

стремленіе къ облегченію произношенія, то намъ все-таки не слѣдуетъ избѣгать вопроса, какимъ образомъ такія затруднительныя формы вообще были образованы и допущены. Какъ-бы страннымъ ни показалось, но я полагаю, что эти трудныя слова съ изобиліемъ согласныхъ также являются слѣдствіемъ звуковой порчи, т. е. мышечнаго разслабленія. Большинство ихъ подверглось сокращенію, т. е. попыткѣ произносить два слога какъ одинъ, и такимъ образомъ сберечь время и дыханіе; при чемъ однако требуется болѣе сильное напряженіе для артикулированія согласныхъ.

Доказывали съ нѣкоторымъ правдоподобіемъ, что языкъ въ первобытномъ своемъ состояніи, о которомъ намъ къ несчастію почти ничего не извѣстно, избѣгалъ встрѣчи двухъ или болѣе согласныхъ. Есть и теперь еще языки, въ которыхъ каждый слогъ состоитъ или изъ одной гласной, или изъ одной гласной съ предшествующею ей одною согласною, и въ которыхъ ни одинъ слогъ не оканчивается согласною. Это бываетъ напр. въ Полинезійскихъ языкахъ. Гавайцу почти невозможно произносить двѣ согласныя вмѣстѣ. и, учась Англійскому языку, ему весьма трудно выговорить cab, или другое какое-либо слово, кончающееся согласною. Cab Гаваецъ произноситъ cabo. Вотъ что говоритъ М-ръ Галь въ превосходной своей Полинезійской грамматикѣ *): въ Полинезійскихъ нарѣчіяхъ каждый слогъ долженъ оканчиваться гласною. Двухъ согласныхъ вмѣстѣ безъ гласной между ними [illegible]

[illegible]

[illegible]

тахъ, за позднѣйшія прибавленія, или за представителей болѣе первобытнаго состоянія Китайскаго языка.

Въ южной Африкѣ всѣ члены большой семьи языковъ, названной д-ромъ Bleek'омъ семьею Bâ-ntu, вообще сходны относительно простоты своихъ слоговъ. Ихъ слоги могутъ начинаться только одною согласною (включая однако двойныя согласныя, назалированныя согласныя, и сложенныя изъ звуковъ, производимыхъ посредствомъ щелканія, съ другими согласными, считающимися для этой цѣли за простыя. Полугласная w можетъ стоять между согласною и слѣдующею за нею гласною. По общему правилу въ этихъ Южно-Африканскихъ языкахъ, простирающихся на Сѣверъ отъ экватора, ни одинъ слогъ не можетъ оканчиваться согласною, а только гласною, будь она чистая или носовая [52]). Исключенія только подтверждаютъ правило, ибо они ограничиваются тѣми случаями, гдѣ чрезъ утрату обыкновенно весьма краткой и почти неясной конечной гласной произошло приближеніе къ согласнымъ окончаніямъ [53]).

Въ другой семьѣ Южно-Африканской рѣчи, Готтентотской, въ началѣ словъ также избѣгаются сложныя согласныя. Также ясно, что въ ней коренныя слова первоначально оканчивались гласными, и что конечныя согласныя суть исключительно грамматическія окончанія, какъ напр. p, s, ts, r. Вслѣдствіе частаго употребленія этихъ приставокъ конечная гласная исчезла, но что она первоначально существовала, это уже достаточно доказано [54]).

Постоянный, и нисколько не случайный или индивидуальный характеръ этихъ звуковыхъ особенностей яснѣе всего сказывается въ обращеніи съ чужими словами. Практика безъ сомнѣнія преодолѣетъ затрудненіе, представляющееся Гавайцу въ произношеніи двухъ согласныхъ вмѣстѣ, или словъ съ конечными мгновенными, я я самъ слышалъ Могавка, произносившаго губныя буквы съ совершенною точностію. Если же мы разсмотримъ чу-

[52]) Bleec, Comparative Grammar, § 257. Hahn, Herero Grammar, § 3.
[53]) Bleek, Compar. Gr. § 237—60.
[54]) Pott, Etym. F. II. 56.

жія слова, принятыя народомъ въ свой словарь, то легко увидимъ, что они попали на Прокрустово ложе. Въ Восточно-Африканскомъ языкѣ Ewe Англійское school произносится suku, а Нѣм. Fenster [illegible]).

to baptize	по Кафрски		baptizesha
gold	—	..	igolida
camel	—	..	inkamela
bear	—		ibera
priest	—	..	[illegible]
kirk	—	—	[illegible]
apostle	—		[illegible]
sugar	—	..	[illegible]
English	—	.	[illegible]

Въ Финскомъ и во всемъ Уральскомъ [illegible]

изведены такимъ же образомъ, и обыкно
производное понятіе. Корень jan, озна
производить, и встрѣчающійся въ Санс
génos, родъ, Англ. kin, усилилось въ
нія понятія «быть въ состояніи произво
собенъ производить музыку, то я знаю
ро я въ состояніи пахать, я знаю, как
умѣю пахать. Вотъ отъ чего происходи
деніе двухъ понятій: я могу и умѣю, зн
ich kenne [59]). Какъ изъ jan происхо
также man, думать (Санскр. manas,
mens, умъ) усиливается въ mnâ, учит
mémnēmai, помню, mimnēskō, Англ.
современномъ Англійскомъ m утрачено, и
monics. Далѣе въ Санскритѣ есть к
нуть; отъ него происходитъ mlâna, вял
ni, увяданіе. Тевтонскія націи, избѣгая
прикосновенія, требуемаго для m, удов
нымъ приближеніемъ, производящимъ w
зомъ ml произносили какъ wl; поэтому
усталый, wlacian быть усталымъ, осла
Въ Лат. слѣдовало бы ожидать blaccus,
ходимъ flaccus, вялый, слабый, Нѣм.
мы находимъ flau [60]), слабый, вялый,
вѣроятности, простое діалектическое нижн
неніе) тепловатая, простывшая вода. Отк
начальная двойная согласная, имѣюща
обыкновенную судьбу бо́льшей части нач
согласныхъ, и сокращающаяся изъ ml
рень mlai или mlâ произошелъ, подоби
болѣе простаго корня mal или mar, изн
Какъ изъ jan стало jnâ, такъ изъ m
корень mar весьма плодоносенъ, и
употребляется въ смыслѣ умиранія,

[59]) Ср. Leo, Zeitschrift für Vergl. Spr. II. 25
приводитъ flau къ flâuen, а это къ предполаг
flou или flouwe.
[60]) Quintil. I. 4, 16.

...Лит. mirti, умирать; о
...рѣчь.

...мѣровъ, чтобы показать, что
...въ Арійскихъ языкахъ вообще,
...обязаны своимъ существо-
...которое потомъ ведетъ къ
...экономія превратила шагá въ

...уже разъ существуютъ, то
...можетъ показаться весьма
...дѣйствительно такъ бы-
...мы видимъ въ Ан...
...также онъ встрѣчает...
...

основываются
тѣхъ, которыя
торое мы напр.
atvor.» Пере-
our справедли-
порчѣ, но qua-
ть только какъ
Сравнивая Лат.
isyres, Готское
зубнаго и губ-
е словѣ. Нечѣмъ
е прикосновені
итали губное при
мъ гортанное

ъ гортанная осла
эцкомъ губная в
ртанной. Гортан
читать за три ра
ого же общаго п
дѣленнаго первон
ъ какомъ либо яз
этомъ же языкѣ
убная тонкая, ра
во рту того же
ъ болѣе въ губн
алось, можетъ ро
что́ же разъ сдѣ
мъ, теряетъ свою
его перемѣны при
слѣдуетъ считать
сначается ростъ и
относительно жив
выхъ организмовъ.
ріемъ, по которому
чею, должны допус
онѣ должны быть
энергіи въ органахъ

говорятъ tila или kila; восточные
избѣгали этого же затрудненія, дѣл:
два, и говорятъ suku вм. school, ш
произношенія односложнаго слова С
ходится говорить четырехсложное К:
логію мы можемъ найти въ болѣе бл
Много латинскихъ словъ начинается
Нѣкоторыя изъ нихъ, въ Латинских
го столѣтія по Р. Хр. пишутся съ н:
istatuam (Orelli, 1, 120, A. Д.
Coll. Vat., t. v. p. 446, 8) [64]). К
ціи не могли произносить начальн:
или, по крайней мѣрѣ, онѣ дѣлали э
цы въ Перу, читая по-Латыни, г
studium, eschola вм. schola [6
дитъ постоянное прибавленіе нач
точной, или преимущественно Кел
семьи: Франц. escabeau вм. Л
(étaim) Лат. stamen; espérer
лѣе, какъ будто для вознагражд
чиняемый начальною двойною
языкъ сбрасываетъ букву s, за
началѣ e, но вмѣстѣ съ тѣмъ у
торая, послѣ потери согласной
вится лишнею. Такимъ образом
а потомъ épée; scala перешл
томъ échelle; stabilire — esf

[63]) См. Crecelius, въ Hoefer'овом
[64]) Richards, Antiquae Linguae B
цитированный Поттомъ въ E. F. II. 67
Вриттовъ не начинается съ s, если за
приставки y въ началѣ: мы не говори
ysnoden. И когда мы заимствуемъ как
съ согласною, изъ другихъ языковъ,
такъ напр. Лат. schola, yscol; spiritus
[65]) Tsicudi, Peru, I. 176. Colds
«какъ все это напоминаетъ Таммльскій
шій въ Южной Индіи и слышавшій бе
женіи англійской iskool.» Это isk
lishing вм. stabilire, или итальянскихъ
[66]) Diez, Grammatik. I, стр

ѧ лекція.

мовъ законъ.

мѣренъ посвятить разсмотрѣнію зву-
ловенно называемаго Гриммовымъ за-
а важенъ и имѣетъ чрезвычайно об-
. его дѣйствію подлежитъ почти все
ь въ Арійскихъ языкахъ. Этотъ за-
зить такъ:

къ языкахъ установилось три главныхъ
о прикосновенія: гортанный, зубной и
р.

въ этихъ трехъ прикосновеній допускаетъ
ошеніе: твердое и мягкое, или глухое и
ое изъ этихъ послѣднихъ можетъ сопровож-
аніемъ, хотя только въ извѣстныхъ языкахъ.
скритѣ эта система развита вполнѣ; тамъ мы
новенные глухіе звуки: k, t, p; мгно-
ные: g, d, b; глухіе придыхательные: kh, th,
придыхательные: gh, dh, bh. Придыхательные
нскритѣ встрѣчаются гораздо чаще и они важ-
придыхательные глухіе.
ческомъ, кромѣ обыкновенныхъ мгновенныхъ
новенныхъ глухихъ, есть еще рядъ придыха-
ϰ, ϑ, φ, глухихъ или твердыхъ, которые въ
ъ Греческомъ языкѣ утончаются въ соотвѣт-
идыха нія.
гинскомъ языкѣ настоящихъ придыхательныхъ
мѣнены соотвѣтственными придыханіями. Зуб-

чи. Не
чины, если
общи, и во
камъ фи

не бываетъ представителемъ пер-
придыхательной (th или dh).
также нѣтъ настоящихъ придыха-
исключеніемъ будетъ знакъ th, если
произносился какъ придыхатель-
омъ и губномъ рядахъ существу-
h и f. То же самое, кажется, можно
ерманскомъ языкѣ.
авянскомъ и Литовскомъ первона-
ыхательныхъ.
что придыхательныя буквы су-
въ Санскритскомъ и Греческомъ язы-
онѣ преимущественно мягки, въ
льно тверды.
къ Гриммову закону. Вотъ въ
Если въ Санскритскомъ, Греческомъ,
ломъ, Славянскомъ, Литовскомъ, Гот-
ерманскомъ языкахъ существуютъ одни
слова, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ у
стоитъ придыхательная, Готы и Нижне-
равно какъ и Саксы, Англо-Саксы
произносятъ соответствующую мгно-
Др.-В.-Германцы соответственную мгно-
Въ этомъ первомъ звуковомъ передвиже-
Славянское и Кельтское племена въ про-
находятся съ Готскимъ. Такимъ образомъ
первую формулу:

санскр.	kh,	th,	ph [1])
д.	g	d	b
	k	t	p

[1]) Нужно смотрѣть, лишь какъ на символы, а не какъ
, встрѣчающіяся въ названныхъ языкахъ. Если мы
символы на настоящія буквы, мы найдемъ въ пер-

	KH	TH	PH
санскр.	gh, h	dh, h	bh, h
	χ	ϑ	φ
	f (gv, g, v)	f (d, b)	f (b)

Во-вторыхъ, гдѣ въ Греческомъ, Латинскомъ, Санскритскомъ, Литовскомъ, Славянскомъ и Кельтскомъ языкахъ встрѣчается мгновенная ясная, тамъ въ Готскомъ находится соотвѣтственная мгновенная глухая, а въ Др.-В.-Германскомъ соотвѣтственное придыханіе. Это даетъ намъ вторую формулу:

IV.	Греч. и т. д.	g	d	b
V.	Готск.	k	t	p
VI.	Др.-В.-Герм.	ch	z	f (ph)

Въ-третьихъ, гдѣ въ шести первыхъ языкахъ находится мгновенная глухая, тамъ Готскій имѣетъ соотвѣтственное дыханіе, а Др.-В.-Германскій соотвѣтствующую мгновенную ясную. Въ Др.-В.-Германскомъ этотъ законъ относится только къ зубному ряду, между тѣмъ какъ въ гортанномъ и губномъ рядахъ Др.-В.-Германскіе памятники обыкновенно показываютъ h и f, вмѣсто соотвѣтственныхъ мгновенныхъ ясныхъ g и b. Мы получаемъ третью формулу:

VII.	Греч. и т. д.	k	t	p
VIII.	Готск.	h (g, f)	th (d)	f (b)
IX.	Д.-В.-Герм.	h (g, k)	d	f (b, v)

Не трудно понять, что эти звуковыя измѣненія нельзя считать за слѣдствіе звуковой порчи. Звуковая порча всегда идетъ по одному направленію, все внизъ, и уже не поднимается. Можетъ быть, Гриммъ правъ, когда онъ говоритъ, что измѣненіе Тевтонскими націями мягкаго звука въ твердый, а твердаго въ придыхательный [2]), свидѣтельствуетъ о нѣкотораго рода бодрости и удальствѣ этихъ націй. Но если это такъ, то въ другомъ стремленіи языка—ослабить придыхательные, т. е. самые сильные звуки, въ мгновенные ясные, т. е. самые нѣжные; мы можемъ видѣть совершенно противное. Не должно забывать, что этотъ звуковой законъ, весьма удачно уподобленный Гриммомъ колесу съ тремя спицами, дѣлаетъ полный оборотъ; что кажется на одной спицѣ движеніемъ

[2]) Ср. Curtius, Kuhn's Zeitschrift, II, 330.

[illegible] заданіе. Поэтому, мы немного вы-
[illegible] смотрѣть на звуковое пере-
[illegible] Lautverschiebung), какъ на про-
[illegible] разсматривать его, какъ
[illegible] [3]). Если бы можно было
[illegible] t за начало звуковой пор-
[illegible] повела къ смягченію t въ d,
[illegible] d въ t мы бы должны были
[illegible] звуковаго усиленія. Такимъ обра-
[illegible] заколдованномъ кругу, изъ котораго
[illegible] только тогда, когда на весь про-
[illegible] съ другой точки зрѣнія.
[illegible] что Греческое t когда-либо пе-
[illegible] Какую мысль мы связываемъ съ
[illegible] произносимою, что Греческое t со-
[illegible] Какимъ образомъ Греческая
[illegible] Готскою, или Греческое сло-
[illegible] даже Итальянское слово никогда
[illegible] Итальянское t, напр. въ amato,
[illegible] Испанскимъ d, напр. въ amado.
[illegible] изъ одного общаго источника—Ла-
[illegible] Готскій изъ другаго общаго ис-
[illegible] языка.. Вмѣсто объясненія
[illegible] и Готскимъ посредствомъ при-
[illegible] въ связь между собою, было бы
[illegible] языка до общаго ихъ источника,
[illegible] происходить каждый изъ нихъ съ
[illegible] строеніемъ согласныхъ. Изъ физіоло-
[illegible] намъ извѣстно, что для каж-
[illegible] прикосновеній существуютъ
[illegible] четыре рода произношенія. *П* можно
[illegible] звукъ, отрѣзывая круто дыха-
[illegible] произнести эту букву также какъ
[illegible] удерживающее, останавливаю-
[illegible] время прикосновенія; наконецъ
[illegible] какъ придыхательную такимъ

[illegible] XI, 204, Förstermann, ibid I, 170.

образомъ, что непосредственно за произношеніемъ мягкой или твердой буквы производимъ слышимое выталкиваніе дыханія. Итакъ, для каждаго пункта согласнаго прикосновенія получаются четыре видоизмѣненія:

k	kh	g	gh
t	th	d	dh
p	ph	b	bh

Такое богатое разнообразіе согласнаго прикосновенія встрѣчается однако только въ очень развитыхъ языкахъ. Даже между Арійскими языками одинъ Санскритскій обладаетъ имъ вполнѣ. Но переходя за предѣлы Арійской области и разсматривая нарѣчія, каково Гавайское, мы во-первыхъ замѣчаемъ, что въ нихъ нѣтъ даже самаго простаго различія между твердымъ и мягкимъ прикосновеніемъ. Гавайцу, какъ мы видѣли, не только весьма трудно отличать t отъ k, но онъ даже не въ состояніи замѣчать какое-нибудь различіе между k и g, t и d, p и b. То же самое относится и къ другимъ Полинезійскимъ языкамъ. Въ Финскомъ различіе между k, t, p и g, d, b принадлежитъ новѣйшему времени и есть слѣдствіе посторонняго вліянія. Финскій языкъ не признаетъ такого различія въ образованіи своихъ корней и словъ, между тѣмъ какъ въ сродныхъ нарѣчіяхъ, какъ напр. въ Венгерскомъ, это различіе развилось въ болѣе полномъ видѣ (Boller, Die Finnischen Sprachen, стр. 12).

Во-вторыхъ, нѣкоторые Полинезійскіе языки колеблются въ различеніи мгновенныхъ глухихъ и соотвѣтствующихъ имъ твердыхъ дыханій. Ново-Зеландское poe произносится въ Тонга [4]) какъ foe, точно такъ же, какъ Санскритское pati соотвѣтствуетъ Готскому fath-s.

Введеніе различій произношенія въ болѣе развитыхъ языкахъ имѣло свое значеніе. Когда новыя понятія требовали звуковаго выраженія, то звукообразовательные органы побуждаемы были къ новымъ изобрѣтеніямъ, которые постепенно принимали болѣе опредѣленную, традиціонную, типичную форму. Можно говорить безъ губныхъ

[4]) Hale, Pol. Gr. 232.

звуковъ; на языкѣ, имѣющемъ всего семь согласныхъ, можно очень многое выразить точно такъ же, какъ слизняки могутъ ѣсть безъ зубовъ и наслаждаться своей жизнію безъ легкихъ и безъ печени. Я полагаю, что было время, когда и Арійскія паціи (если можно ихъ такъ называть) не обладали придыхательными звуками. Для самаго низкаго уровня мысли и рѣчи достаточенъ весьма неполный алфавитъ; но съ духовнымъ прогрессомъ обнаруживается также и соотвѣтственное развитіе въ произношеніи звуковъ языка. Нѣкоторыя нарѣчія, какъ мы видѣли, никогда не имѣли болѣе одного ряда придыхательныхъ буквъ, другимъ онѣ совершенно оставались чужды, или же если онѣ однажды существовали, то съ теченіемъ времени опять пропадали. Но я думаю, можно доказать, что до раздѣленія Арійскихъ народовъ, нѣкоторые изъ нихъ во всякомъ случаѣ выработали троякій способъ произношенія мгновенныхъ согласныхъ звуковъ. Арійцы имѣли до своего раздѣленія напр. три корня tar, dar и dhar, отличавшіеся преимущественно начальными согласными, представляющими три различные рода зубнаго прикосновенія. Tar значило переправляться, dar рвать, а dhar держать. Хотя мы навѣрно не знаемъ, какъ Арійцы до своего раздѣленія произносили эти буквы, t, d, dh, однако можемъ быть увѣрены въ томъ, что они ихъ отличали одну отъ другой. Это различеніе въ Санскритскомъ происходило посредствомъ твердаго, мягкаго и придыхательнаго-мягкаго прикосновенія, но оно также хорошо могло быть достигнуто твердымъ, мягкимъ и придыхательно-твердымъ прикосновеніемъ t, d, th, или твердымъ и мягкимъ прикосновеніемъ въ соединеніи съ зубнымъ дыханіемъ. Существенная цѣль при этомъ состояла въ полученіи трехъ различныхъ произношеній для трехъ различныхъ, хотя, можетъ быть, и родственныхъ выраженій. Если въ Греческомъ языкѣ существовали всѣ эти три корня, то, по случаю отсутствія мягкихъ придыхательныхъ, они съ самаго начала должны были явиться въ видѣ tar (térma, terminus), dar (dérma шкура) и thar [5]). Но въ какомъ

[5]) См. Curtius, E. F. II, 17.

видѣ эти три корня должны были явиться у Римлянъ, въ языкѣ которыхъ никогда не развивались дѣйствительныя придыхательныя? Ясно, что различія, такъ заботливо выработанныя и потомъ такъ счастливо сохраненныя Санскритскимъ и Греческимъ языками, въ языкѣ Римлянъ должны были совершенно пропасть. Tar и dar еще можно было бы различать, но третье видоизмѣненіе dhar или thar, или совсѣмъ пропало бы, или приняло бы совершенно иной видъ.

Посмотримъ, что произошло съ этими формами tar, dar и dhar. Вмѣсто трехъ, существующихъ въ Санскритѣ, прочіе Арійскіе языки установили всего два корня tar и dar, замѣнивъ dhar формою bhar, или другимъ какимъ-либо корнемъ. Такъ, отъ tar въ Санскритѣ произошли: tarman, верхній острый конецъ употребляемаго при жертвованіи столба, tiras чрезъ, сквозь; въ Греческомъ térma конецъ; Лат. ter-minus, trans чрезъ, сквозь; Древн.-Сѣверн. thrō-m, край, остріе; Готское thairh чрезъ; Др.-В.-Герм. dru-m, конецъ, durh чрезъ. Dar трескаться, ломать, рвать, встрѣчается въ Санскр. dṛiṇâti, деретъ, въ Греч. deirō, сдирать, derma шкура; въ Готск. tairan рвать; Др. В.-Герм. zeran, Нѣм. zerren. Третій корень dhar въ большинствѣ Арійскихъ діалектовъ утраченъ, хотя слѣды его иногда находятся, напр. въ Персидскомъ Dârayavas Дарій, т. е. держатель или содержатель государства; въ Зендскомъ dere, и въ древнемъ Персидскомъ dar, держать. *Русскій глаголъ держать принадлежитъ сюда же, только онъ происходитъ не отъ простаго корня др, а отъ усиленнаго дрг.*

То же самое находимъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ приходилось различать всего только два корня. Глаголы dadâmi, даю, и dadhâmi ставлю, въ Санскр. отличались начальными буквами. Въ Греч. дѣлалось то же различіе между di-dō-mi, даю, и tithēmi, ставлю, и кромѣ того прибавилось другое различіе чрезъ ē и ō. Въ Зендѣ оба корня слились, такъ какъ dâ значитъ не только давать, но и ставить, дѣлать, творить, да кромѣ того dâ знать. Это, разумѣется, недостатокъ. И въ Латинскомъ нельзя

Верхнегерманскимъ племенамъ пришлось выпутываться изъ такого же затрудненія. Что Греки принимали за глухіе придыхательные, они считали за мгновенные глухіе. Издержавъ k, t, p, они были принуждены прибѣгнуть къ дыханіямъ ch, z и f для втораго ряда, между тѣмъ какъ потомъ, когда требовалось выразить третій рядъ, у нихъ, кромѣ мгновенныхъ ясныхъ, ничего не осталось; но эти послѣднія въ дошедшихъ до насъ памятникахъ въ гортанномъ и губномъ рядахъ послѣдовательно замѣнены Готскими h и f. Отъ этого произошло частное смѣшеніе, котораго можно было бы легко избѣжать.

Этотъ звуковой процессъ, заставившій Индусовъ, Грековъ, Готовъ и Нѣмцевъ установить свои относительныя согласныя системы, можно изобразить слѣдующимъ образомъ. Придыхательныя обозначены чрезъ I, мгновенныя ясныя чрезъ II, мгн. глухія чрезъ III, дыханія чрезъ IV.

	I	II	III
Санскр.	gh dh, bh	g, d, b	k, t, p
	II	III	IV
Готск.	g, d, b	k, t, p	h, th, f
	I	II	III
Греч.	χ, ϑ, φ	g, d, b	k, t, p
	III	IV	II
В.-Герм.	k, t, p	ch, z, f	(g) h, d, (b) f.

Теперь разберемъ еще нѣсколько такихъ тройственныхъ корней, каковы dhar, dar и tar, и посмотримъ, какъ они выросли на почвѣ Арійскихъ языковъ подъ различными климатическими условіями.

Есть три корня, начинающіеся всѣ гортанною и оканчивающіеся гласною r. Ихъ можно представить въ видѣ k a r, g a r, k h a r (или g h a r). Въ Санскритѣ прежде всего встрѣчается форма g h a r, скоро ослабѣвшая въ h a r.

Объ этомъ корнѣ придется еще много говорить потомъ, когда дойдемъ до разсмотрѣнія роста миѳологическихъ понятій; но пока только замѣтимъ, что корень этотъ значитъ смеркать, блестѣть, быть счастливымъ, горѣть, желать. Въ Греческомъ онъ является въ словѣ chaírein, радоваться и т. д.

Слѣдуя, на сколько возможно, Санскритскому, Готскій установилъ этотъ же корень въ видѣ gar, отъ чего происходитъ geiro, желаніе, Нѣм. Gier; *Русск. горе* gairan, gairnjan, желать. Эти производныя слова, по-видимому, получили значеніе почти противоположное Греч. chaírein, но имѣютъ важныя аналогіи въ Санскр. haryati, желать и т. д. [7]). Вр.-Германское нарѣчіе, по возможности, слѣдовало Греческому и образовало kiri, желаніе, kerni, требованіе и т. д. На счетъ исторіи этого корня въ четырехъ представительныхъ языкахъ, Санскритскомъ, Готскомъ, Греческомъ и Вр.-Германскомъ, удовлетворимся тѣмъ, что было до сихъ поръ сказано.

Теперь возьмемъ другой корень, являющійся въ Санскритскомъ въ видѣ gar, восклицать, хвалить, *Русское гаркать.* Греч. языкъ тутъ не представляетъ трудностей, онъ не издержалъ своихъ мгновенныхъ ясныхъ, и поэтому показываетъ этотъ корень съ тѣми же согласными, какъ Санскритъ, въ словахъ gērýs, голосъ, gērýō, гласить. Но какъ же пришлось поступить Готскому и языкамъ, слѣдующимъ Готскому, т. е. Н.-Германскому, А.-Саксонскому и Др.-Сѣверному? Эти языки, издержавъ свои мгновенные ясные звуки для dhar, должны были обратиться къ своимъ мгновеннымъ глухимъ, и вотъ образовалось Др.-Сѣв. kalla [8]), Англ. to call, звать, но не А.-Сакс. galan, звенѣть. Греческое названіе журавля geranos производится отъ того же корня, и буквально значитъ крикунъ, *горланъ*. Въ А.-Сакс. crân мы находимъ соотвѣтственную мгновенную глухую. Наконецъ Вр.-Германское, издержавъ свои мгновенныя глухія, принужде-

[7]) Ср. Curtius, Gr. E. I, 166. II, 313.

[8]) Lottner, въ Kuhn's Zeitschr. XI, 165.

но было прибѣгнуть къ своему гортанному дыханію, отсюда—Др.-В.Германское challôn, звать, и chrânoh, журавль: Нѣмецкое Kranich, Англ. crane, *Русск. журавль.*

Третій корень kar является въ Санскритскомъ, какъ и въ Греческомъ, съ гортанною мгновенною глухою. Въ Санскритѣ мы находимъ kar, дѣлать, kratu, сила и т. д.; въ Греч. krainō, совершаю, kratýs сильный, kártos сила. Такъ какъ Готскія мгновенныя звучныя и мгновенныя глухія уже нашли примѣненіе, то третій рядъ представляется гортаннымъ дыханіемъ, и образуется hardus, твердый, сильный, Нѣм. hart. Др.-Германскій, который естественно могъ бы прибѣгнуть къ непремѣненной еще мгновенной звучной, предпочитаетъ въ гортанномъ ряду готское дыханіе, такъ что находимъ harti вм. garti; чрезъ это, въ ограниченномъ кругу, происходитъ то же самое смѣщеніе, устраненіе котораго, кажется, составляетъ таинственную пружину всего процесса, такъ называемаго, передвиженія согласныхъ или Lautverschiebung.

Далѣе, въ Санскритѣ есть три корня съ конечною гласною u, отличающіеся между собою только трема начальными зубными dh, d и t. Dhû значитъ шевелить, du—горѣть, и tu—расти [9]).

Первый корень dhû производитъ Санскр. dhû-no-mi, шевелю, dhûma, дымъ (что шевелится или кружится), dhûli, пыль. Въ Греческомъ отъ того же корня происходитъ thýō, шумѣть, говоря о рѣкахъ, вѣтрахъ и страстяхъ человѣческихъ; thyella буря: thý-mós, духъ, гнѣвъ; Лат. fumus, *Русск. дымъ.*

Въ Готскомъ санскритская придыхательная dh замѣняется мгновенною звучною d; dauns, паръ, дымъ, Нѣм. Dunst. Въ Др.-В.-Германскомъ греческ. придыхательной th соотвѣтствуетъ t: tunst.

Отъ втораго корня du, имѣющаго значеніе «горѣть» въ матеріальномъ и духовномъ смыслѣ, въ Санскритскомъ происходитъ dava, пожаръ: davathû, воспаленіе, боль;

[9]) Cf. Curtius, Gr. E. II, 224, 196, 182.

въ Греческомъ daíō, dédaumai, горѣть, и dýē, бѣдствіе. Въ этой простой формѣ корень еще не отысканъ въ другихъ Арійскихъ нарѣчіяхъ, но во вторичной формѣ онъ находится въ Готскомъ tundnan, зажигать, Др.-В.-Германское zünden, Англ. tinder, трутъ, Нѣмецк. Zunder. Другой Санскритскій корень du, двигать, шевелить, до сихъ поръ только найденъ въ Санскритскихъ грамматикахъ, и, кромѣ упомянутаго ими причастія dûna, есть еще другое причастіе dûta, вѣстникъ, посолъ, т. е. тотъ, кто движется или посылается по дѣламъ; въ этомъ значеніи корень dû бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на происхожденіе Готскаго taujan, Нѣм. zauen, ревностно заниматься чѣмъ-нибудь.

Третій корень tu является въ Санскр. tavîti, онъ ростетъ, силенъ; tavás, сильный; tavistá, сильный; tuvi (въ сложныхъ словахъ) сильный; въ Греч. tayś, великій. Лат. tôtus, весь, производятъ отъ того же корня, но не безъ затрудненій. Напротивъ того, Умбрскія и Оскійскія слова для названія всего городскаго навѣрно происходятъ отъ того же корня tuta, tota, отъ котораго произошло слово tuticus въ выраженіи meddix tuticus, [10]) городская дума. По-латышски tauta значитъ народъ, по-др.-ирландски tuath [11]). По-готски народъ называется thiuda [12]); thiudisks, народный, theodiscus; thiudiskô, ethnicōs, языческій; въ А.-Сакс. theón, расти; theód и theódisk народъ; getheód языкъ (il volgare). Вр.-Герм., передающее Санскр. t и Готское th чрезъ d, имѣетъ это же слово въ видѣ diot, народъ, diutise, народный, отъ чего происходятъ Нѣм. deutsch и deuten, объяснять, буквально—германизировать, онѣмечивать.

Въ ходѣ всего этого процесса не происходило никакихъ переходовъ одной буквы въ другую, не происходило постепеннаго усиленія или упадка [13]), какъ полагаетъ Гриммъ. Это было только простое передвиженіе

[10]) Aufrecht und Kirchhoff, Die Umbrischen Sprachdenkmäler, I, 155.
[11]) Lottner, ibid. VII, 166.
[12]) Grimm, Deutsche Gr. I ч. 3 изд. Введеніе, стр. X.
[13]) Grimm, Geschichte d. Deutschen Spr. I. 437.

трехъ главныхъ пунктовъ общаго звуковаго горизонта Арійскихъ націй. Между тѣмъ какъ Индусы установили восточный пунктъ на gh, bh, dh, Тевтонцы приняли за него g, d, b. Все прочее составляло только вопросъ въ томъ, что́ Французы называютъ s'orienter. Для большей ясности моего мнѣнія прошу представить себѣ гербъ острова Мэнъ, представляющій тѣло съ тремя ногами, согнутыми одна въ направленіи къ Англіи, другая къ Шотландіи, третья къ Ирландіи. Пусть Англія, Шотландія и Ирландія представляютъ три рода согласнаго прикосновенія; въ такомъ случаѣ Санскритъ наклонилъ бы первое свое колѣно къ Англіи (dh), второе къ Ирландіи (d), третье къ Шотландіи (t); Готскій согнулъ бы первое колѣно къ Ирландіи (d), второе къ Шотландіи (t), третье къ Англіи (th); Др.-В.-Герм. первое къ Шотландіи (t), второе къ Англіи (th), третье къ Ирландіи (d). Такимъ образомъ эти три языка представляли бы три различныя положенія (aspect) трехъ пунктовъ, которыя слѣдуетъ имѣть въ виду по очереди, но отсюда мы еще не смѣемъ утверждать, что какой-либо изъ этихъ трехъ языковъ, взявши разъ опредѣленное положеніе, измѣнилъ свою точку зрѣнія; мы не имѣли бы права говорить, что t перешло въ th, th въ d и d въ t.

Прослѣдимъ теперь нѣкоторыя слова, общія Арійскимъ націямъ и существовавшія въ одной или другой формѣ уже раньше, чѣмъ Санскритскій языкъ сталъ Санскритскимъ, Греческій—Греческимъ, и Готскій—Готскимъ. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ не только тѣ же коренные элементы, но и тѣ же образовательные или производные элементы во всѣхъ Арійскихъ языкахъ. Безъ сомнѣнія, они самыя интересныя, потому что принадлежатъ къ самымъ раннимъ періодамъ арійской рѣчи не только по матеріалу, но и по образованію. Напр. слово м а т ь въ Санскритскомъ, Греческомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Славянскомъ и Кельтскомъ языкахъ не только происходитъ отъ одного корня mâ, но и кромѣ того имѣетъ одну и ту же производную приставку tar [14]), такъ что не можетъ подлежать

[14]) Санскр. matâ, греч. μήτηρ, лат. mater; Д.-В.-Нѣмецк. muotar Др.-Слав. м а т и; лит. moti; гаэльск. mathair.

[illegible], что въ словѣ мать (матер) мы имѣемъ то же самое слово, которое, для выраженія первоначальнаго понятія родительницы, образовалось въ тѣ времена, которыя обыкновенно называются доисторическими, но въ дѣйствительности столь же историческія, какъ времена Гомера, или еще болѣе отдаленныя времена Величественныхъ мудрецовъ. Другія слова хотя отличаются въ производныхъ элементахъ, однако относительно корней и значеній тождественны,—такъ—что хотя эти слова до раздѣленія Арійцевъ не существовали совершенно въ томъ видѣ, въ какомъ они являются въ Греческомъ или Санскритскомъ, однако едва ли можно сомнѣваться, что они тѣмъ не менѣе составляютъ только діалектическія видоизмѣненія или новѣйшія преобразованія прежнихъ словъ. Такъ напр. Англ. star, звѣзда, Нѣм. Stern, не совсѣмъ то же слово, что Лат. stella, а stella не то, что Санскр. [illegible] и между тѣмъ эти слова показываютъ, что до раздѣленія Арійской рѣчи корень star, [illegible] чему-то сыплющемуся или [illegible] свѣтъ. Въ [illegible] stri, множеств. [illegible] stern, [illegible]

чалѣ слова мгновенной глухой предшествуетъ s, h или f, то эти звуки прикрываютъ k, t, p и охраняютъ ихъ отъ дѣйствія закона. Такъ напр. корень stâ въ Готскомъ не переходитъ въ sthâ; также конечное t отъ noct(is) не переходитъ въ th, ибо ночь по-готски naht. По этой же причинѣ st въ словахъ stăr и stella въ Готскомъ не могло явиться какъ th, а осталось st въ формѣ stairnô.

При выборѣ словъ, для поясненія каждаго изъ девяти случаевъ, въ которыхъ совершалось передвиженіе согласныхъ, я, на сколько возможно, ограничусь словами, встрѣчающимися въ Англійскомъ языкѣ; при этомъ я долженъ сказать, что Англо-Саксонскій языкъ находится совершенно на одной степени съ Готскимъ. Согласныя въ срединѣ и въ концѣ словъ подвержены разнымъ вліяніямъ; поэтому я остановлюсь преимущественно на перемѣнахъ начальныхъ согласныхъ.

Начнемъ со словъ, начинающихся въ Англійскомъ и Англо-Саксонскомъ мгновенными ясными g, d и b. Если въ Санскритѣ существуютъ тѣ же слова, то, вмѣсто этихъ мгновенныхъ ясныхъ, тамъ, разумѣется, слѣдуетъ ожидать придыхательныхъ gh, dh и bh, но никакъ не g, d, b, или k, t, p. Въ Греческомъ мы ожидаемъ χ (x), φ (ф), ϑ (θ). Въ другихъ языкахъ не можетъ быть измѣненія, такъ какъ тамъ чуждо различіе между придыхательными и мгновенными ясными, исключая Латинскаго, колеблющагося между мгновенными ясными и гортаннымъ и губнымъ дыханіемъ.

1. kh, Греч. χ; Санскр. gh, h; Латинск. h, f.
2. Готск. g; Лат. gv, g, v; Кельт. g; Слав. г, з.
3. Др.-В.-Герм. к.

Англ. yesterday есть Готское gistra, А.-Сакс. [illegible] gystrandaeg, Нѣм. gestern. Тутъ ко[illegible]—gis, производный слогъ—tra, точно такъ [illegible] Латинскомъ hes-ternus, гдѣ hes есть [illegible], а ternus производное окончаніе. Въ словѣ [illegible] s превратилась въ r, находясь между двумя [illegible], такъ отъ genus образуется род. пад. gene-

ris вм. gene-s-is. Въ Санскритѣ мы ожидаемъ начальное gh или h, и дѣйствительно находимъ hyas, вчера. Въ Греческомъ мы ожидаемъ χ, и находимъ chthés; Др.-В.-Герм. kestre.

Соотвѣтственно Англ. формѣ gale, Нѣм. Galle, желчь, въ Греч. мы находимъ cholē, въ Лат. fel вм. hel [15]).

Такимъ же образомъ Англ. garden, садъ, Нѣм. Garten, Готск. gards, Греч. chórtos, Лат. hortus, и cohors, род. пад. cohortis; Слав. градъ [16]) и городъ, Др.-В.-Герм. karto.

А.-Сакс. gôs, Англ. goose, звучитъ на Др.-В.-Герм. kans, на Н.-В.-Герм. gans [17]), *Слав. gąsi, гусь.* Въ А.-Сакс. по общему правилу n выпадаетъ передъ f, s и д; такъ Готск. munths = А.-Сакс. muдh, ротъ; Лат. dens = А.-Сакс. toд, зубъ; Нѣм. ander, Санскр. antara = А.-Сакс. oдer, другой, *Руск. *в-второй* изъ ą-torŭ*. Въ Греч. находится chēn; Лат. anser вм. hanser; Санскр. hansa; Чешск. hus, слово, извѣстное какъ названіе великаго реформатора и мученика.

II. th, Греч. ϑ, φ; Санскр. dh; Лат. f.
d, Гот. d; Лат. d, b; Кельт. d; Слав. д.
t, Др.-В.-Герм. t.

Анг. deer, А.-Сакс. deor, Гот. dius соотвѣтствуютъ Греч. thḗr или phḗr; Лат. fera, звѣрь, Др.-В.-Герм. fior.

Англ. to dare, смѣть, есть Гот. gadaursan, Греч. tharseîn или tharreîn, Санскр. dhṛish, Др.-Слав. дрьзати, Д.-В.-Герм. tarran. Встрѣчающееся у Гомера имя Θерсита можетъ происходить отъ того же корня, означая дерзкаго, смѣлаго человѣка. Греч. thrasýs, смѣлый, звучитъ на Литовскомъ drasus, drystu.

Англ. doom первоначально значитъ судъ, потомъ получило значеніе страшнаго суда. Готское dom-s тоже

[15]) Lottner, Zeitschr. VII, 167.
[16]) Grimm, D. G. I, 244.
[17]) Curtius, Griech. Etym. I, 222.

разъ повторявшемся расплавленіи и погруженіи въ воду [30]). Открытіе желѣза составляетъ эпоху въ исторіи міра. Желѣзо не находится въ чистомъ состоянін, какъ золото, серебро и мѣдь; желѣзную руду нужно отъискивать и процессъ добыванія изъ нея чистаго металла вовсе не легокъ [31]). Въ Новой Зеландіи, богатой желѣзомъ, до прихода Европейцевъ не знали его употребленія [32]).

Неизвѣстность желѣза до раздѣленія Арійскихъ народовъ дѣлается вѣроятной еще потому, что названія этого металла особенныя въ каждомъ отдѣльномъ Арійскомъ языкѣ. Chalkós въ значеніи красной мѣди находится только въ Греческомъ, ибо въ звуковомъ отношеніи его нельзя отнесть къ Санскритскому krîku, которому придаютъ значеніе олова. Но есть еще другое слово для мѣди, общее Латинскому и Тевтонскимъ языкамъ, это—aes родит. aeris, Готск. aiz, Др.-В.-Герм. êr, А.-Сакс. êr, Англ. ore, Нѣм. Erz. Какъ chalkós первоначально означало красную мѣдь, а потомъ приняло общее значеніе металла, бронзы или латуни, такъ и Латинск. aes перемѣнило первое значеніе въ послѣднее, общее; тотъ же переходъ мы замѣчаемъ въ соотвѣтственныхъ словахъ Тевтонскихъ языковъ. Какъ Готское aiz, такъ и aes дѣйствительно означали тотъ металлъ, который, за исключеніемъ золота и серебра, употреблялся древними для практическихъ цѣлей въ большомъ количествѣ. Слово это означало мѣдь, какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ позднѣйшее время смѣшанную съ оловомъ (бронза) или цинкомъ (латунь). Но ни Латинское aes, ни Готское aiz никогда не принимали значенія золота, серебра или желѣза. Поэтому тѣмъ болѣе поразительно, что Санскритское ayas, находящееся въ связи съ aes и aiz, въ Санскритскомъ приняло почти исключительное значеніе желѣза. Однако я полагаю, что и въ Санскритѣ ayas первоначально означало металлъ, т. е. мѣдь, и что это значеніе слова ayas измѣнилось и

[30]) См. J. P. Rossignol, Les Métaux dans l' Antiquité, Paris, 1863. стр. 215, 237.

[31]) Ibid. стр. 216. Buffon, Hist. Nat. статья о желѣзѣ и о мѣди.

[32]) Tyler, History of Mankind, 167.

специфировалось, когда желѣзо заступило мѣсто мѣди. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Atharva Veda (XI, 3, 1, 7) и Vâjasaneyi-sanhitâ (XVIII, 13) дѣлается различіе между śyâmam ayas, темнокоричневымъ металломъ, т. е. мѣдью, и lohaṁ или lohitaṁ ayas, блестящимъ металломъ, т. е. желѣзомъ. Мясо животнаго сравнивается съ мѣдью, кровь его съ желѣзомъ. Изъ этого видно, что исключительное значеніе желѣза для ayas болѣе поздняго происхожденія, и болѣе чѣмъ вѣроятно, что Индусы, равно какъ и Римляне и Нѣмцы, первоначально придавали слову ayas (aes и aiz) значеніе металла по преимуществу, т. е. мѣди. Въ Греческомъ слово ayas исказилось въ ēs, и замѣнилось словомъ chalkós, между тѣмъ какъ желѣзо, для отличія новаго металла отъ старыхъ, Гомеромъ называлось sidēros. Въ Латинскомъ различные роды aes различались посредствомъ прилагательныхъ; самое лучшее было aes Cyprium, привозимое изъ Кипра. Кипръ былъ занятъ Римлянами въ 57 г. до Р. Хр. Августъ довѣрилъ Герoду управленіе кипрскихъ мѣдныхъ рудниковъ и давалъ ему половину доходовъ. Плиній употреблялъ выраженія aes Cyprium и просто Cyprium для мѣди. Народная употребительная форма cuprum, мѣдь, которая впервые находится у Спартіана въ третьемъ столѣтіи, въ четвертомъ вѣкѣ уже болѣе вошла въ общее употребленіе [33]). Желѣзо въ Латинскомъ получило названіе ferrum. Въ Готск. aiz стоитъ вмѣсто Греческаго chalkós, но въ болѣе спеціальныхъ названіяхъ является Др.-В.-Герм. chuphar, а êr принимаетъ значеніе бронзы. Это êr утрачено въ современномъ Нѣмецкомъ [34]), и сохранилось въ одномъ только прилагательномъ chern, мѣдный, металлическій, а для металла вообще образовалось новое слово, Др.-В.-Герм. aruzi, на нынѣшнемъ Нѣм. Erz. Какъ въ Санскритскомъ ayas приняло спеціальное значеніе желѣза, такъ и въ Нѣмецкомъ названіе желѣза произошло отъ болѣе древняго слова для мѣди. Готское eisarn, желѣзо, Гриммомъ

[33]) Rossignol, стр. 268—9.

[34]) Встрѣчается еще въ 15 ст. см. Гримма D. Wörterb. подъ erin и Erz.

того сходны со словами древнихъ языковъ, что относительно ихъ происхожденія и производства положительно не остается никакого сомнѣнія. Гдѣ только представлялось какое-нибудь сходство въ звукѣ и значеніи между французскимъ словомъ съ одной стороны, и словомъ латинскимъ, нѣмецкимъ и даже еврейскимъ съ другой, тамъ самъ Вольтеръ не пропустилъ бы указать на этимологическую связь. Никому, по крайней мѣрѣ, не пришло бы ужъ въ голову сомнѣваться въ томъ, что франц. Dieu, Богъ, тоже что лат. Deus,—что франц. homme, и даже on, тоже что лат. homo, а франц. femme = лат. femina. Въ этихъ примѣрахъ никакое измѣненіе въ значеніи не имѣло еще мѣста, и если процессъ измѣненія формы оставался необъясненнымъ, то это потому, что самое-то измѣненіе было не такого рода, чтобы остановить на себѣ вниманіе даже ученѣйшаго языкоизслѣдователя. Была въ самомъ дѣлѣ область этимологическихъ изслѣдованій, которая въ вольтеровское время и даже гораздо раньше воздѣлывалась довольно успѣшно, это именно исторія ново-Латинскихъ или, такъ называемыхъ, Романскихъ нарѣчій. Мы имѣемъ въ словарѣ Du Cange'a замѣчательное собраніе выдержекъ изъ средневѣковыхъ латинскихъ авторовъ, которое даетъ намъ возможность шагъ за шагомъ слѣдить за постепеннымъ измѣненіемъ формы и значенія словъ, отъ древне-Латинскаго до ново-Латинскаго, а часто подвергавшійся насмѣшкамъ и остротамъ словарь Menage'a служитъ во многихъ случаяхъ отличнымъ пособіемъ при изслѣдованіи средневѣковыхъ латинскихъ формъ въ древнѣйшихъ памятникахъ Французской литературы, начиная со времени Крестовыхъ походовъ и до вѣка Людовика XIV. Такъ, напр. достаточно простой ссылки на Монтеня, который писалъ въ XVI столѣтіи, для того чтобы показать, что ново-французское gêner (стѣснять) первоначально существовало въ формѣ gehenner. Montaine пишетъ: «Je me suis contraint et gehenné,» т. е. я принуждалъ себя и мучилъ. Легко прослѣдить исторію этого глагола gehenner: мы приходимъ къ латинскому gehenna [1]), которое

[1]) Мольеръ говоритъ: «Je sens de son courroux des gênes trop cruelles.»

въ греческомъ текстѣ Новаго Завѣта и у средневѣковыхъ церковныхъ писателей употребляется не только въ значеніи ада, но и въ болѣе обширномъ смыслѣ мученія, сильной боли. Извѣстно, что геенной первоначально называлась долина Гиннома, близъ Іерусалима, Тофедъ, гдѣ Евреи сожигали своихъ сыновей и дочерей; къ ней-то относится пророчество Іереміи, что она будетъ названа долиной погибели, потому что «они будутъ жечь тамъ (своихъ дѣтей), пока совсѣмъ не будетъ мѣста» [2]). Думаетъ ли теперь кто-нибудь о жертвоприношеніяхъ, совершавшихся въ честь Молоха въ долинѣ Гиннома, прося, напр. друзей своихъ расположиться поудобнѣе и говоря: «Ne vous genêz pas?»

Было очень хорошо извѣстно не только Вольтеру, но еще писавшему въ XVI вѣкѣ Henri Estienne'у [3]), что въ Латинскомъ языкѣ мы можемъ найти первоначальную форму и значеніе огромнаго большинства словъ, наполняющихъ лексиконы Французскаго, Итальянскаго

---

[2]) Іереміи гл. VII, ст. 31—32.

[3]) Henri Estienne, Traicté de la Conformité du Language Français avec le Grec, 1566. То, что Estienne разумѣетъ подъ словомъ conformité, касается главнымъ образомъ синтаксическихъ особенностей, общихъ обоимъ языкамъ. «En une epistre Latine, que je mi l'an passé audevant de quelques miens dialogues Grecs, ce propos m'eschappa, Quia multo majorem Gallica lingua cum Graecâ habet affinitatem quam Latina; et quidam tantum (absit invidia dicto) ut Gallos eo ipso quod nati sint Galli, maximum ad linguae Graecae cognitionem προτέρημα seu πλεονέκτημα afferre putem.» Этимологіи Estienne'а отличаются основательностью и обдуманностью; въ сомнительныхъ случаяхъ онъ самъ дѣлаетъ оговорки. Несправедливо ставить такого замѣчательнаго ученаго, какъ Estienne, въ уровень съ Perion'омъ и корить его незнаніемъ латинскаго происхожденія Французскаго языка. (См. A. Fuchs, Die Romanischen Sprachen, 1849, стр. 9.) Что Estienne думалъ о Perion'ѣ, можно видѣть изъ слѣдующаго мѣста (Traicté de la Conformité, стр. 139): Il trouvera assez bō nombre de telles en un livre de nostre maistre Perion: je ne di pas seulmēt de phantastiques, mais de sottes et ineptes, et si lourdes et asnieres que n'estoyent les autres temoignages que ce poure moine nous a laissez de sa lourderie et asnerie, on pourroit penser son oeuvre estre supposé.» Напрасно также упрекали Estienne'а въ производствѣ слова admiral, ср. amiral, отъ ἀλμυρός. Онъ говоритъ, что это—арабское слово, и онъ правъ. Это—арабское Emir, князь, предводитель, съ арабскимъ членомъ, по всей вѣроятности, ср. amiral, исп. almirante; ит. almiraglio, какъ-бы отъ лат. admirabilis. Hammer'ово производство отъ a m i r al h a h r, командовать на морѣ, несостоятельно.

того сходны со словами древнихъ язык этимоло-
тельно ихъ происхожденія и производ по кото-
не остается никакого сомнѣнія. Гдѣ производство
лось какое-нибудь сходство въ зву и значеніи; а
французскимъ словомъ съ одной сто этого сходства,
тинскимъ, нѣмецкимъ и даже евре Dialogi de Linguae
самъ Вольтеръ не пропустилъ бы Guichard'овой «Har-
ческую связь. Никому, по край hébraique, Chaldaique,
ужъ въ голову сомнѣваться въ Espagnole, Allemande,
Богъ, тоже что лат. Deus,—ч » Perion производитъ
on, тоже что лат. homo, а ф rbice) отъ греч. próbaton,
Въ этихъ примѣрахъ ника того какъ berger отъ ber-
имѣло еще мѣста, и если водитъ отъ греч. pémpēin, а
вался необъясненнымъ, то онъ производитъ отъ греч.
неніе было не такого род
маніе даже ученѣйшаго
момъ дѣлѣ область эти
рая въ вольтеровское
дѣлывалась довольно
Латинскихъ или, так
Мы имѣемъ въ слова
ніе выдержекъ изъ
которое даетъ нам
дить за постепенны
отъ древне-Латин
вергавшійся на
служитъ во м
изслѣдованіи
нѣйшихъ на
со времени
Такъ, нап
торый пи
что нов
щество:
suis c
мучил
ner:

слѣдній примѣръ: нельзя не при-
сходства въ формѣ и значеніи
французскимъ словами; и такъ какъ
сомнѣнія въ томъ, что нѣкото-
произошли отъ греческихъ, како-
стѣпе, то было бы очень трудно убѣ-
этимологія слова heureux не такая же
со этимологія другая. Есть еще одна этимологія
по которой оно производится отъ лат.
bonheur видѣли bona hora, въ malheur
и на этомъ основаніи heureux производили
венной латинской формы horosus, въ смыслѣ
Однако эта этимологія ничѣмъ не лучше Ре-
Это не больше какъ предположеніе, которое
въ ничто, какъ скоро подпадетъ болѣе стро-
этимологической науки. Въ нашемъ примѣ-
ра очень проста. Во-первыхъ, malheur и bonheur
го рода, вмѣсто женскаго. Во-вторыхъ, оказывает-
въ древне-Французскомъ языкѣ malheur произноси-
mal aür, т. е. malum augurium. (См. Дица «Etymo-
ches Wörterbuch der Romanischen Spr.,» 1858, подъ
malheur). Въ-третьихъ, мы встрѣчаемъ въ Прован-
скомъ говорѣ agur, augur, откуда Испанское aguëro,

е, знакъ. Самое-то augu-
ница, и gur, сказаніе, гдѣ
us, и Санскритскимъ gar или

хъ пріемахъ прежнихъ временъ
себѣ понятіе по слѣдующему мѣсту
d-a [4]). «Что касается производства
вки буквъ, отбрасыванія, переста-
хъ съ конца (inversion), то, очевидно,
ться всѣми этими средствами, если мы
этимологію слова. Въ этомъ легко убѣ-
ь только вспомнить, что Евреи пишутъ отъ
къ лѣвой, между тѣмъ какъ Греки и другіе
дящіе свои языки отъ Еврейскаго, пишутъ
къ правой. И такъ, заключаетъ онъ, ровно
значитъ, будутъ ли буквы въ словѣ перестав-
ли перемѣнены по усмотрѣнію. Пока этимологія
лась такихъ принциповъ, она не могла претендо-
на имя науки. Она была забавой, въ которой болѣе
менѣе могли сказываться начитанность и остроуміе,
она не была достойна того имени, которое носила,
мени «Науки объ истинѣ» [5]).

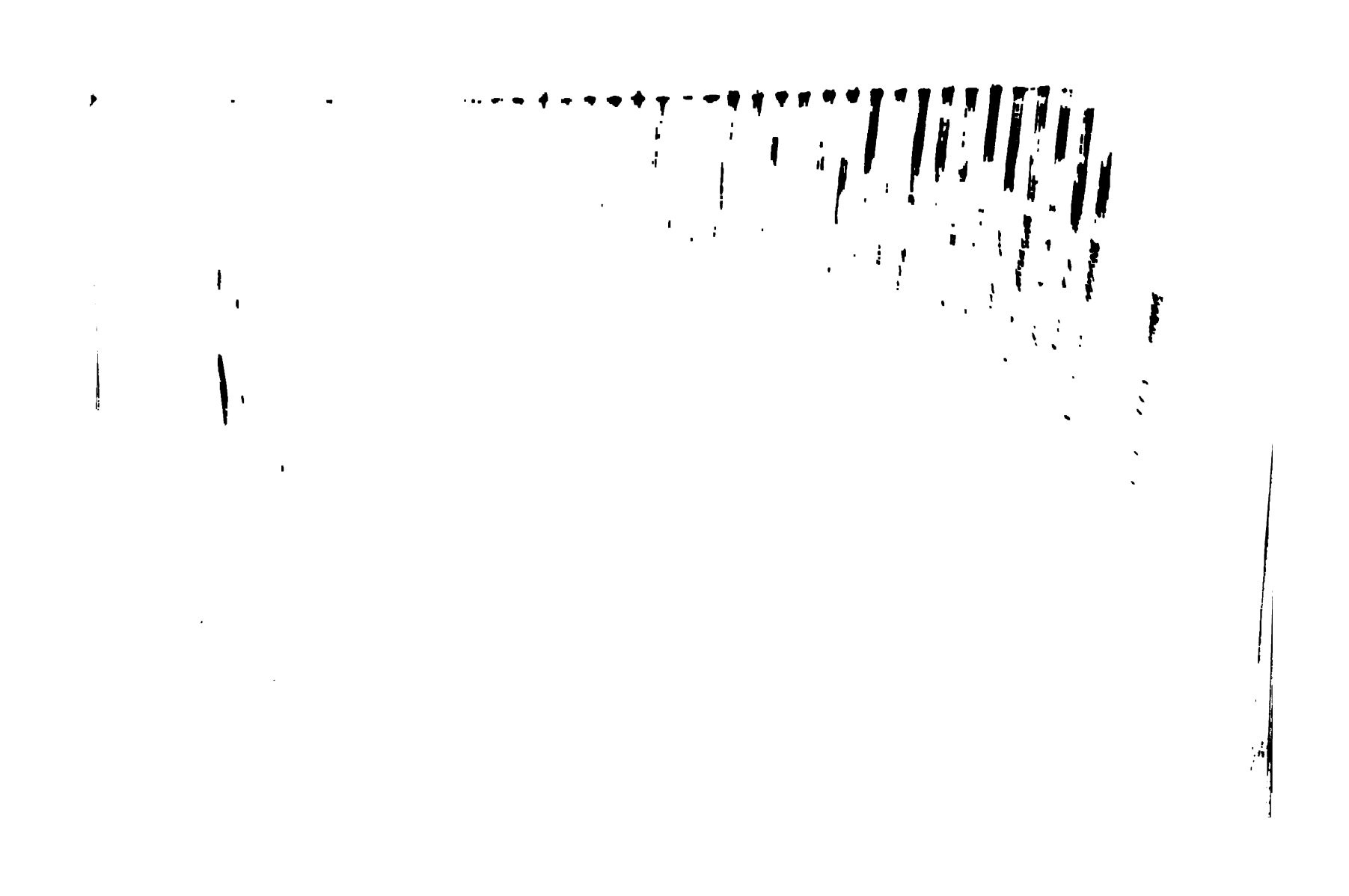
Только въ настоящемъ столѣтіи этимологія стала наукой, и замѣчательно, что саркастическое опредѣленіе Вольтера оказалось однимъ изъ основныхъ ея принциповъ. Этимологія, дѣйствительно, такая наука, въ которой тожество, или даже сходство, въ звукѣ ли, или въ значеніи, ровно ничего не значитъ. Настоящей этимологіи нѣтъ никакого дѣла до звуковъ. Есть слова одного происхожденія, не имѣющія ни одного общаго звука и притомъ расходящіяся въ значеніи, какъ черное и бѣлое. Простыя

[4]) «Harmonie Étymologique:» «Quant à la derivaison des mots par addition, substraction, transposition, et inversion des lettres, il est certain, que cela se peut et doit ainsi faire, si on veut trouver les étymologies. Ce qui n'est point difficile à croire, si nous considerons que les Hebreux escrivent de la droite à la senetre, et les Grecs et autres de la senestre à la droite.»

[5]) Отъ étymos, истинный, настоящій, откуда—étymon, настоящее значеніе и объясненіе слова его происхожденіемъ.

предположенія, какъ-бы они ни были забавны, совершенно изгнаны изъ области научной этимологіи. Задача этимологіи не состоитъ ужъ больше въ томъ лишь, чтобы [illegible] казать, что одно слово происходитъ отъ другаго; она [illegible] дается теперь изслѣдованіемъ этого перехода одного сло[illegible] въ другое, раскрывая его правильность и необходимос[illegible]. Какъ въ геометріи не особенно важно знать, что [illegible] ратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ катет[illegible] такъ и въ этимологіи мало проку, напр. въ томъ [illegible] мы будемъ знать, что Французское слово [illegible] что Англійское Year (Rhein Zähre). Геометрія [illegible] въ виду прежде всего указать процессъ, посредс[illegible] которого доказывается то, что съ перваго разу [illegible] этимологія дѣлаетъ то-же самое. [illegible] [illegible]

[illegible]



[illegible] является въ видѣ apà; equa—épà; qua- [illegible] Гораздо легче доказать, что французск. même [illegible] форма латинск. semet ipsissimus, чѣмъ [illegible] что Лат. sed было когда-то воз- [illegible] и значило самимъ собою.

[illegible] исключеніемъ новѣйшихъ языковъ, можно [illegible] слѣдить за скрытымъ ростомъ новыхъ формъ и [illegible] освоиться съ тѣми источниками, которые [illegible] всѣмъ вообще грамматическимъ формамъ? [illegible] находимъ теперь чисто-формальнаго, слу- [illegible] въ грамматикѣ Французскаго языка, легко [illegible] сведено къ своимъ знаменательнымъ [illegible] освоившись же съ этимъ фактомъ, мы го- [illegible] станемъ искать того же принципа въ грам- [illegible] системѣ болѣе древнихъ языковъ. Если намъ [illegible] фактъ, что франц. будущее j'aimerai [illegible] время, составленное изъ неопредѣленнаго [illegible] aimer, любить, и вспомогательнаго глагола [illegible] avoir), мы съ большей увѣренностью до- [illegible] толкованіе и для латинскаго показателя [illegible] bo, и для греческаго, sō. Новѣйшія [illegible] такъ сказать, тайны языка. Они за- [illegible] поражаютъ насъ удивительною простотою тѣхъ [illegible] воздвигнуто все зданіе языка; часто [illegible] новѣйшихъ образованіяхъ, они повто- [illegible] тѣ процессы, которымъ обязаны сво- [illegible] болѣе древнія формы. Относитель- [illegible] напр. нѣмецкаго слова entzwei не [illegible] никакого сомнѣнія. Entzweireissen обо- [illegible] разрывать на двѣ части, но при- [illegible] болѣе обширное значеніе,—разрывать [illegible] вообще. Въ Англійскомъ языкѣ тоже самое: [illegible] напр., что тарелка came a-two (на-двое). [illegible] разлетѣлась у него въ дребезги. Entzwei [illegible] случаяхъ совершенно ту же роль, что [illegible] dis въ словахъ dissolvo, disturbo, dis- [illegible] Но какое же первоначальное значеніе этого dis? [illegible] совершенно то же, что и нѣмецкое entzwei,

нижне-нѣм. twei. На Нижне-Нѣмецкомъ нарѣчіи mine Schau' sint twei значитъ — мои башмаки порвались. Числительное duo, съ показателемъ нарѣчія -is, подвержено слѣдующимъ измѣненіямъ: Du-is можетъ перейти въ dvis, а dvis въ dbis. Въ dvis d или b могутъ ускользнуть въ произношеніи, тогда останется dis или bis. Bis употребляется въ Латинскомъ языкѣ въ смыслѣ дважды, а dis въ смыслѣ на-двое. entzwei. Тотъ же самый процессъ приводитъ насъ отъ duellum (Zweikampf, дуэль) къ dvellum, dbellum и bellum; отъ Греч. dyis къ dϝis и dis (дважды); отъ duiginti къ dviginti и viginti, Франц. vint, двадцать; отъ dyikosi къ dϝi-kosi, ϝi-kosi и eĭ-kosi (ϝ обозначаетъ дигамму).

Что́ примѣнимо къ формѣ, вполнѣ примѣнимо и къ значенію словъ. Что́ бы мы сказали, если-бъ намъ сообщили, что слово, значащее въ Санскритѣ хорошій, въ греческомъ языкѣ означаетъ дурной? Но намъ стоитъ только прослѣдить теперешнее нѣмецкое слово schlecht, означающее дурной, назадъ, черезъ нѣсколько столѣтій, и мы встрѣтимъ его съ противоположнымъ значеніемъ, съ значеніемъ хорошій [6]; посредствующіе же писатели убѣдятъ насъ въ томъ, что въ этомъ переходѣ значенія не было даже никакихъ скачковъ, ничего насильственнаго, какъ могло бы казаться съ перваго раза. Schlecht первоначально обозначало ровный и прямой; но оно значило также простой; простой стало значить глуповатый, глуповатый — безполезный, безполезный — дурной. Ekelhaft у Лейбница еще значитъ разборчивый, прихотливый [7]); теперь это слово значитъ омерзительный. Ingenium, обозначавшее высшую врожденную способность, сильно унижено въ Итальянскомъ ingannare, что значитъ обманывать. Saelig, въ Англо-Саксонскомъ языкѣ употреблявшееся въ значеніи бла-

[6]) «Er (Got) enwil niht tuon wan slehtes,» Богъ не дѣлаетъ ничего, кромѣ хорошаго. Fridank's Bescheidenheit, въ German Classics М. Мюллера, стр. 121.

[7]) Пропущено въ Словарѣ Гримма.

женнаго, благословеннаго, въ Англійскомъ языкѣ является въ видѣ silly, съ значеніемъ безпечнаго, слабаго, глуповатаго.* То же самое извращеніе понятія мы находимъ въ Греческомъ словѣ euēthēs, добродушный, невинный, глуповатый, и въ Нѣмецк. albern глупый, въ Верхне-Герм. alawâr, правдивый, alawâri добрый.

Слово, означавшее первоначально жизнь или время въ Санскритѣ, сдѣлалось впослѣдствіи родоначальникомъ цѣлаго ряда словъ, обозначающихъ вѣчность, т. е. понятіе, совершенно противоположное времени и жизни. Ever (всегда) и never (никогда) въ Англійскомъ языкѣ одного происхожденія съ Англ. age (вѣкъ). Что Англ. age, что Франц. âge,—это одно и то же. Это âge въ старо-Французскомъ языкѣ существовало въ формѣ edage, которая сократилась въ eage и âge. Edage, въ свою очередь, представляетъ собою латинскую форму aetaticum, къ которой прибѣгли, послѣ того какъ первоначальная форма aetas улетучилась, оставшись въ видѣ простой гласной, старо-франц. aé (Diez, подъ этимъ словомъ). Латинская же форма aetas есть сокращеніе формы aevitas, какъ aeternus—сокращеніе формы aeviternus (ср. sempiternus). Aevum, въ свою очередь, соотвѣтствуетъ, если не формальными своими элементами, то корнемъ, Греческому aiϝōn, Готскому aiv-s, время, а также вѣчность. Въ Санскритѣ мы встрѣчаемся съ формой âyus, средняго рода; въ Греческомъ языкѣ та же самая форма могла существовать, если ее буквально перевести, въ видѣ aïos, прил. aiēs, сред. рода aiés. Теперь, хотя мы и не находимъ въ Греческомъ языкѣ aïos, производныя формы, тѣмъ не менѣе, существуютъ, и именно въ видѣ нарѣчій aiés и aieí. Это aieí есть правильно образованный дательный (или вѣрнѣе — мѣстный) падежъ отъ aiés, которое дало бы aiesi, aiei, какъ gé-

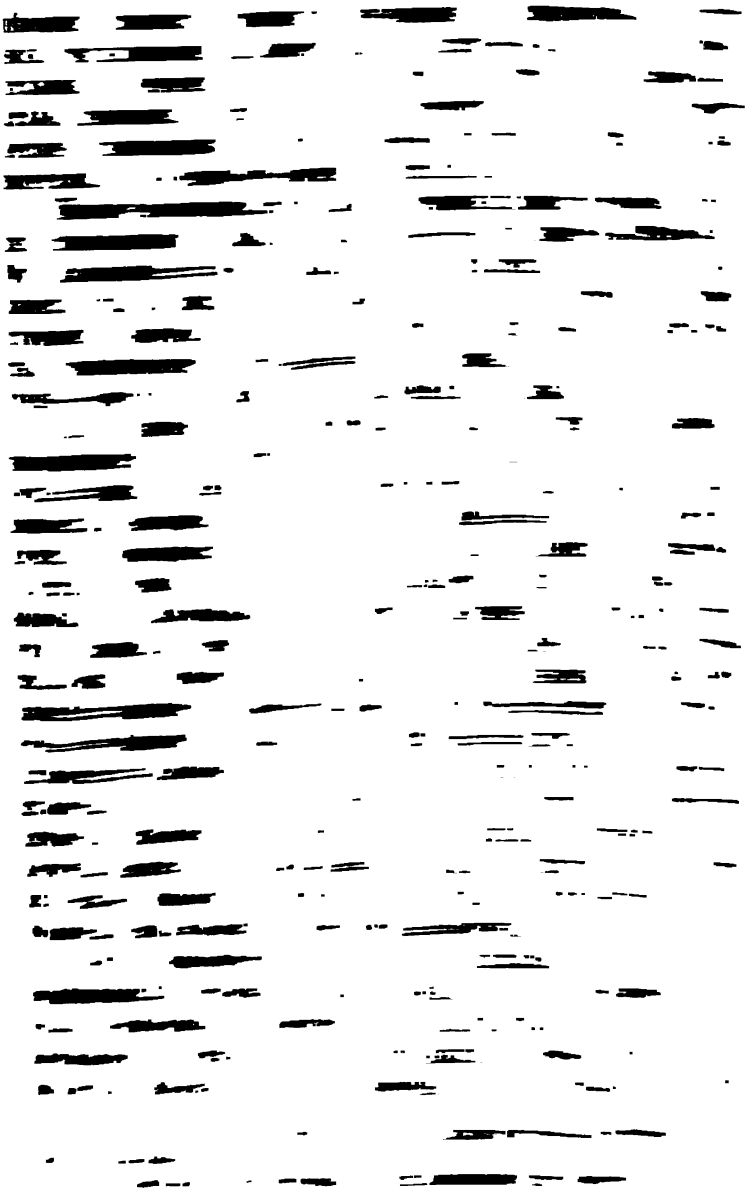
(*) Обращаемъ вниманіе читателя также на русскія формы: благой, благость, съ одной стороны, и — блажь (дурь), малор. благій глуповатый) съ другой.

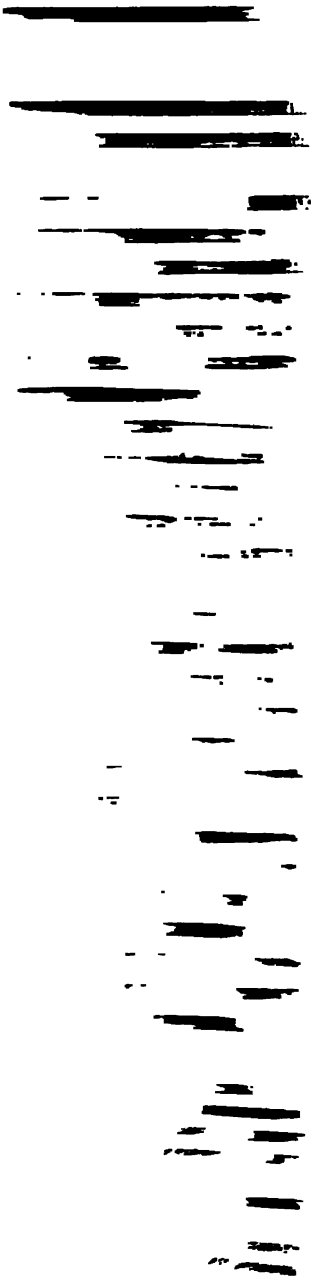
Разсмотримъ теперь второе положеніе.

2. *Одно и тоже слово принимаетъ различныя формы въ одномъ и томъ же языкѣ.*

Есть, какъ извѣстно, много тевтонскихъ словъ въ Англійскомъ языкѣ, попавшихъ туда двумя различными путями. Впервые они были занесены въ Англію саксонскими пиратами, которые мало-по-малу вытѣснили римскихъ завоевателей и колонистовъ изъ ихъ лагерей и фермъ, Василійскихъ поселянъ изъ ихъ деревень; языкъ ихъ залегъ первымъ крѣпкимъ слоемъ тевтонской рѣчи на этихъ островахъ. Ими введены слова въ родѣ: weardian, to ward, охранять, wile, хитрость, wise, родъ, видъ. Это были нѣмецкія слова, принадлежавшія тому мягкому нарѣчію, которое извѣстно подъ именемъ Нижне-Нѣмецкаго и жило въ устахъ сѣверныхъ поморянъ, Ютовъ, Англовъ и Саксовъ, пускавшихся въ далекое море искать добычи.

Другою вѣтвью той же германской семьи былъ Верхне-Нѣмецкій языкъ, языкъ Франковъ и другихъ Тевтонскихъ племенъ, которыя сдѣлались завоевателями Галліи, и хотя съ теченіемъ времени усвоили себѣ языкъ своихъ подданныхъ—Романцевъ, тѣмъ не менѣе удержали въ своемъ разговорномъ жаргонѣ множество словъ роднаго языка. Французскій или Франкскій языкъ есть, собственно говоря, Романское нарѣчіе; его грамматика есть нѣсколько искаженная копія грамматики Цицерона, но его словарь полонъ германскихъ словъ болѣе или менѣе романизированныхъ, сообразно съ произношеніемъ римскихъ обитателей Галліи. Между военными терминами Германскаго происхожденія мы находимъ во Французскомъ языкѣ: guerre тоже, что Англійское war; massacre отъ metzeln, рубить или отъ metzgen, бить скотъ; maçon, Metze, Steinmetz, каменьщикъ; auberge, по-итальянски albergo, по нѣмецки Herberge, баракъ для войска, по-верхне-Нѣмецки heriberga (отъ Heer—войско, и bergen—укрывать); bivouac, по-нѣмецки Beiwacht; boulevard по-нѣмецки Bollwerk, бастіонъ, bourg, по-нѣмецки Burg; bréche, англ. breach, отъ brechen, проламывать, havresac, по-нѣмецки Hafersack; haveron, по-древне-верхне-





G.
Mar
Форм.

E

[21]) Dic.

нимаемое обыкновенно латинскими словами. Совершенно въ чуждомъ видѣ эта форма существуетъ въ выраженіи fresco—paiutings (живопись альфреско),—названіе, данное, какъ извѣстно, живописи на свѣжихъ, еще не засохшихъ, стѣнахъ.

Этотъ-же процессъ объясняетъ существованіе такихъ двойственныхъ формъ, какъ ship и skiff, во фр. esquif, откуда образовалось древне-француз. esquiper, ново-франц. équiper, англ. to equip; или sloop и shallop, фр. shaloupe.

Bank и bensh—германскія формы; banquet—романизированная.

Bar германская форма (др.-вер.-нѣм. para); barrier, barriére—романизированы. Ср. испан. barras, перила, фр. embarras и Англ. embarrassed.

Ball—германская форма, balloon романизировано.

To pack— германская форма; bagage, англ. baggage, романизировано.

Ring германская форма и произносилась она въ Др.-В.-Нѣм. hring. To harangue, (держать рѣчь къ кругу слушателей, быть коноводомъ) романизировано; по-итал. aringa по-фр. la harangue.

Случается также, что безсознательное этимологическое чутье народа воздѣйствуетъ на эти романизированныя, германскія слова и, срывая съ нихъ чуждую имъ оболочку, сообщаетъ имъ снова родную форму. Такъ, нѣмец. Krebs, др.-верх.-нѣм. krebiz, тожественно съ англ. crab (морской ракъ). Это Krebiz въ Фр. языкѣ является въ видѣ écrevisse; въ этой чужеземной формѣ оно возвратилось въ Англію и народная этимологія преобразила его въ crayfish или crawfish (ракъ).

Равнымъ образомъ flibustier произошло, по-видимому, отъ исп. filibote или flibote, фр. flibot, но самое-то испанское слово есть искаженіе англ. формы fly—boat.

И латинскіе элементы точно также, какъ и германскіе, вошли въ Англійскій языкъ въ разное время и въ различныхъ формахъ. Вплывъ латинскихъ элементовъ въ Англію совершился въ четыре различные періода четырьмя различными каналами.

Guêpe (оспа) обыкновенно производится
vespa, но оно на самомъ дѣлѣ происходит
Wespe [23]).

Часто указывали на этотъ фактъ, т.
форму одного и того же слова (warden и
какъ на одинъ изъ признаковъ силы
скаго языка. Тончайшіе оттѣнки мы
ражены отчетливо, между тѣмъ
кахъ они обыкновенно смѣшивае
ныя brisk, frisky и fresh—вид
же слова; [24]) но большая
horse, a frisky horse, или a
рую трудно передать на
шадь, живая, всегда свѣ
въ языкѣ, когда однимъ
выражать нѣсколько р
frisky служатъ больш
не менѣе оно обни
группу представле
жій вѣтерокъ), и
вода), и a fresh
жія новости),
(свѣжій чело
mind (свѣ
какъ a br
споръ),
резъ
перем
изъ
око

—

ные,
правила.

[24]) Grimm,
др.-В.-Пѣн. friscing, victima

[25]) Суффиксъ ment найденъ
скаго происхожденія: shipment, easement,

[illegible] обыкновен[illegible] [illegible]ственно было Французскому
[illegible] въ чуж[illegible] [illegible]rump card (козырь) занесено
[illegible] fres[illegible] — [illegible]вомъ въ Англію [27]). Тотъ
[illegible], [illegible] съ большей полнотою можно
[illegible] засохших[illegible] [illegible]нцузскаго языка. Этотъ языкъ
Этот[illegible] [illegible]нскими словами, которыя, буду-
двойств[illegible] [illegible]ымъ образомъ, получили неод-
откуда [illegible]го словарь. Впервые они занесе-
équi[illegible] [illegible]оевавшими Галлію, болѣе или ме-
[illegible]оторыхъ скоро вытѣснилъ родное
[illegible] [illegible]атѣмъ ихъ принесли христіанскіе
[illegible]ь, въ третій пріемъ, эта контра-
[illegible] ученными классиками позднѣйшихъ
[illegible]ramentum въ произношеніи солдатъ
[illegible]rment; въ устахъ-же духовной особы
[illegible]nt. Redemptio, какъ военный терминъ,
[illegible]ançon, англ. ransom (выкупъ), въ сво-
[illegible]омъ значеніи оно удержало почти пер-
[illegible]рму redemption (искупленіе). Къ этому-
[illegible]въ принадлежитъ acheter [28]) (покупать)
[illegible]ринимать) оба отъ лат. acceptare. Chétif
[illegible] captif (плѣнный), оба отъ лат. captivus.
[illegible]se (вещь и причина) оба отъ Лат. causa.
[illegible]tion, отъ factio, съ первоначальнымъ значе-
[illegible]оба дѣйствія, за тѣмъ покроя, во множ. чи-
[illegible]ченіемъ обстоятельствъ, faction стало означать
[illegible] партію. Fraile и fragile, происходятъ отъ fra-
[illegible] и homme, отъ homo. Noël (вечеръ на Рожде-
[illegible] natal, отъ natalis. Naif и natif, отъ nativus.
[illegible] и parabole отъ parabola. Penser (взвѣшивать,
[illegible] to ponder in one's mind) и peser (вѣсить на
[illegible]) оба отъ Лат. pensare. Pension, также образо-
[illegible]ь отъ pensum. Въ Латинскомъ языкѣ также expendo
[illegible]ребляется въ вдухъ значеніяхъ: выдавать деньги и
[illegible]шивать, соображать.

---

[27]) French on words, стр. 156.
[28]) Fuchs. стр. 125.

Латинское мѣстоименіе ille является во Французскомъ языкѣ въ двухъ различныхъ формахъ. Это во-первыхъ, мѣстоименіе третьяго лица il, и затѣмъ, опредѣленный членъ le. Очевидно, было бы очень странно предполагать, что люди согласились раздѣлить ille на двѣ части и первую il рѣшились считать личнымъ мѣстоименіемъ, а вторую le членомъ. Мѣстоименія il и elle во Французскомъ языкѣ, egli и ella въ Итальянскомъ, el и ello въ Испанскомъ,—все это только мѣстныя разновидности формы ille и illa. Эти слова ille и illa, употребленныя какъ членъ, и слѣдовательно произнесенныя быстрѣе и безъ ударенія, сократились въ il, встрѣчающееся въ Итальянскомъ языкѣ, затѣмъ въ el (въ Испанскомъ), далѣе въ lo, (illum), встрѣчающееся въ Провансальскомъ и Итальянскомъ языкахъ (lo spirito),—и наконецъ въ le въ Провансальскихъ нарѣчіяхъ и во Французскомъ языкѣ. [29]) Такъ какъ существуютъ извѣстные законы, по которымъ совершался переходъ латинскихъ словъ во французскія и итальянскія, то намъ не трудно опредѣлить, возникла ли форма, въ родѣ opéra, на Французской почвѣ, или же она занесена изъ Италіи. Во Французкомъ языкѣ конечное a всегда сокращается въ e и латинскіе p, въ серединѣ словъ, переходитъ обыкновенно въ b или v. Этого не бываетъ въ Итальянскомъ языкѣ. Такъ лат. apis (пчела) по-ит. ape, по-фр. abeille [30]) Лат. capillus, по-ит. capello, по-фр. cheveu. Такъ и opéra во Француз. языкѣ явилось въ видѣ oeuvre, между тѣмъ какъ въ Итальянскомъ осталось opera, въ Испанскомъ obra [31]).

[29]) Diez, Romanische Grammatik II. 35.

[30]) Diez, Rom. Gram. I. 177. Тамъ перечислены исключенія изъ [illegible] правила, напр. ит. riva, вмѣсто ripa, savio вм. sapio; и во фр. слова [illegible] capitaine, др.—фр. chevetain.

[31]) Diez, [illegible] Opera не есть лат. opus, употребленное въ жен- [illegible] отъ opus. Подобныя формы сред. р. множ. ч. [illegible] въ Романскихъ языкахъ жен. родъ, и употреблялись [illegible] (множ. сред.) по-фр. joie (ед. жен. р.) по-ит. [illegible] форма фр. joie есть др.—фр. joel (маленькое удоволь- [illegible] по-фр. joyou (драгоцѣнность).

[illegible] сред. множ., Ит. и Исп. arma, Фр. t'arme.
[illegible] » Ит. foglia, Фр. feuille.
[illegible] » Ит. и Исп. vela, Фр
[illegible] » Ит. battaglia. Ф

Есть во Французскомъ языкѣ небольшой разрядъ словъ, стоющихъ того, чтобы упомянуть объ нихъ, съ цѣлью показать, сколько разъ и въ какихъ различныхъ формахъ одно и то же слово можетъ попадать въ языкъ. Это ни германскія, ни романскія слова, но они стоятъ какъ бы на рубежѣ между тѣми и другими. Съ виду это латинскія слова, но было бы въ высшей степени трудно прослѣдить ихъ исторію до Латинскаго языка, если бы намъ не было извѣстно, что народъ, говорившій этой латынью, былъ германскій народъ и думалъ на Германскомъ языкѣ. Когда Германецъ говоритъ на чужомъ языкѣ, онъ дѣлаетъ такія ошибки, которыхъ Французъ никогда не сдѣлаетъ, и на оборотъ. Нѣмецъ, говоря по-англійски, ошибкою можетъ сказать: to bring a sacrifice; Французъ подобной ошибки не сдѣлаетъ. Французъ, напротивъ того, способенъ сказать, что онъ не можетъ attend any longer, желая сказать, что онъ не можетъ wait any longer. Разсказываютъ про англійскихъ путешественниковъ, что они прислугу зовутъ Wächter (по-англ. waiter), блюдо называютъ platte (по Англ. plate); вспыливши они говорятъ: Ich habe einen grossen Geist Sie nieder zu klopfen (I have a great mind to knock you down); или, изъяснясь по Французски говорятъ: J'ai changé mon esprit autour de cette tasse de café (I have changed my mind about this cup of coffee [32]). Есть много подобныхъ же ошибокъ, которыя въ грамматикахъ называются германизмами, галлицизмами, англицизмами, и за которыя достается школьникамъ отъ учителей.

Германцы, наводнившіе Италію и Галлію, естественно, старались выражаться по-латыни tant bien que mal, но надъ ними не было учителей, которые рѣшились бы исправлять ихъ ошибки. Напротивъ, ихъ романскіе подданные отъ души желали понимать тараборщину своихъ побѣдителей, и если они хотѣли быть учтивыми, они должны были повторять ошибки своихъ повелителей. Этимъ путемъ, наименѣе грамматическія, наименѣе свой-

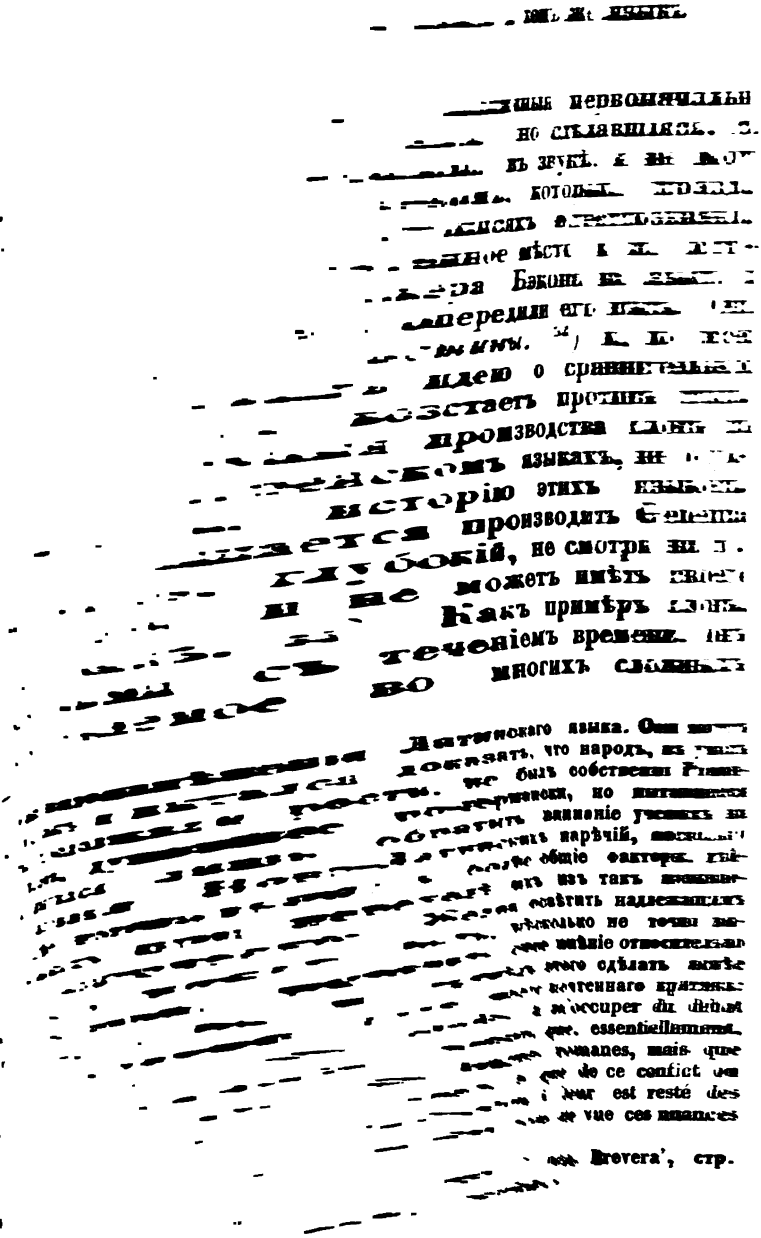
[32]) Въ первомъ случаѣ mind значитъ желаніе, во второмъ мнѣніе.

ія формы въ о

выраженія
общее употр
Римлянинъ
понятіе о п
ntertenere.
понятно Цез
ы были съ
и когда они
и переводи
tenere и
ово, не пр
Германцамъ.
нѣнія, очень
учаѣ рѣшить.
думающими
intertenere;
она была какъ
рваго раза
ло варварским
также понятіе
=Ит=об...).
й литературой.
торыя едва л
каго языка, ф
въ дѣла; отъ
что этимъ
кѣ греч. περίστ
итъ никакому
классическими
зоначально был
Германцевъ в
Романцевъ.
выражается
kommende (т
ы не встрѣчаем
требили тотъ
ажаться на Ла
ie: l'avenir, т.

[illegible]

...ныя первоначальн
но сдѣлавшіяся.
въ звукѣ.
котоп
...ное мѣсто
...ера Бэкона
...передили его
...ины.
идею о сравнительн
возстаетъ против
производства
...ескомъ языкахъ,
исторію этихъ
...ается производить
глубокій, не смотря
и не можетъ имѣть
Какъ примѣръ
съ теченіемъ времени
во многихъ



...Латинскаго языка. Они
доказать, что народъ,
не былъ собственно
...германски, но
обратить вниманіе
...нарѣчій,
...общіе факторы
...изъ такъ
...освѣтить надлежащ
...нѣсколько не точно
...мнѣніе относительно
...этого сдѣлать
...почтеннаго
...s'occuper du débat
...que, essentiellement
...romanes, mais que
...de ce conflict
...leur est resté des
...de vue ces nuances

...Brevera', стр.

ъедневѣковой латыни. Въ cenotaph, памят-
ьно—пустая могила), cено=греч. κενός,
cenobite, инокъ, cено=греч. κοινός, общій.
храмовой праздникъ, сепіа=греч. καινός
Это, конечно, дѣлаетъ честь тринадцатому

въ родѣ выше разобранныхъ, встрѣчаются,
я, гораздо чаще въ новѣйшей исторіи язы-
къ, благодаря переселеніямъ народовъ и по-
переворотамъ, наръчія сосѣднихъ и отдален-
все болѣе и болѣе перемѣшивались между
и въ древности были и переселенія, и войны,
поведшія за собою перемѣщеніе и смѣшеніе
пластовъ человѣческой рѣчи, и литературные
ціи и Рима, при всей ихъ кажущейся однооб-
въ особенности въ произведеніяхъ классиче-
ателей, выросли, подобно языкамъ Француз-
Англійскому, путемъ усвоенія и поглощенія, на
зличныхъ наръчій Греціи и Италіи. Случаи,
ле во Французскомъ языкѣ, имѣли мѣсто и въ
ъ языкѣ. Какъ Французъ теперь забылъ, что
поселянинъ, и paien, язычникъ, были первона-
шь слабыя діалектическія видоизмѣненія одного
е латинскаго слова paganus, деревенскій жи-
кже точно римскій гражданинъ употреблялъ два
на, луна, и Lucina, богиня, не сознавая больше,
слова произошли отъ одного и того же корня.
ряло свое c, принадлежащее корню lucere (свѣ-
е въ слѣдствіе каприза, или случайности, но
общаго правила, по которому, гортанный звукъ
передъ плавнымъ. Lumen, поэтому, стоитъ
umen; examen вм. exagmen; flamma (пламя)
а, отъ flagrare (горѣть); flamen, вм. flagmen
lanio (мясникъ), если производить его отъ кор-
ого съ lacerare (разсѣкать), стоитъ вмѣсто
Contaminare, осквернять, происходитъ, по всей

Ibid., cap. 7, стр. 457.

загрязненность, отъ того же глагола tango (касаюсь) что и contagio, зараза, и integer, не тронутый, чистый. Contaminare (опять, поэтому, вмѣсто contagminare. Это тотъ же самый звуковой законъ, который, въ примѣненіи къ Германскимъ нарѣчіямъ, объясняетъ намъ переходъ слова Nagel въ англ. nail (ноготь), Zagel въ tail (хвостъ), Tagel въ hail (градъ), Rigel въ rail (задвижка), Regen въ rain (дождь), Pflegel въ flail (бичъ), Segel въ sail (парусъ); тотъ же законъ, въ приложеніи къ классическимъ языкамъ, помогаетъ намъ открыть тожественность формъ: лат. lâna шерсть, волна и лат lâna; греч. ἀγκών (рука) и лат. ancus. Хотя такому знатоку языка, какъ Цицерону, могло быть извѣстно, что ala, крыло, есть лишь сокращеніе формы axilla (подмышка), то для современнаго Римлянина это были такія же два различныя слова, какъ paien и paysan для современнаго Француза. Teia, ткань, потому же закону, нужно производить отъ texela, а это отъ глагола tegere, ткать. Maia, щека, произошло отъ maxilla, челюсть и velum, парусъ или занавѣсъ отъ vexillum, движимое вѣтромъ, знамя, флагъ. Владѣя этимъ правиломъ, мы въ состояніи даже въ такихъ испорченныхъ современныхъ формахъ, какъ англ. subtle, фр. subtile, открыть латинскій корень texere, ткать,—корень здѣсь тотъ же, что и въ tela. Отъ texere образовалось лат. прилагательное subtilis, съ тою же метафорой, которая лежитъ и въ русскомъ выраженіи: «хитросплетеніе;» въ Англійскомъ языкѣ оно сократилось въ subtle (sutl), тонкій, утончный.

Есть также въ Латинскомъ языкѣ слова, двойственность формъ которыхъ должна быть приписана вліянію чуждаго произношенія. Сюда принадлежатъ: cohors и [illegible] nihil и nil, mi и mihi, prendo и prehendo, prudens [illegible]udens, bruma (зимній солнцеповоротъ) и brevissima, [illegible] самый короткій день). [38]) Susum тоже стоитъ [illegible] sursum, т. е. sub + versum, и противоположно

[illegible] Jrnl. 45, §. 153
[illegible] Forsch. I, r

deorsum. Хотя sub значитъ вообще—подъ, внизу, но какъ и греч. hypó, оно употребляется также въ смыслѣ—снизу, *изъ-подъ*, и можетъ такимъ образомъ выражать два совершенно различныя понятія—*внизу* и *вверхъ*. Submittere значитъ — подкладывать, sublevare — поднимать. Summus, превосходная степень, отъ sub, греч. hýpatos, превосх. ст. отъ hypò, но значитъ—не *самый низкій*, но—*самый высокій* [39]). Какъ sub-versum сливается въ sursum и susum, такъ и retroversum сокращается въ retrorsum, retrosum и rursum. Изъ proversum становится prorsum, первоначально—*впередъ*, *въ прямомъ направленіи;* отсюда—oratio prorsa, прямо направленная рѣчь, въ противоположность рѣчи, связанной размѣромъ, oratio vincta [40]).

Такъ вотъ, какъ на Эолическое и Дорическое, Іоническое и Аттическое нарѣчія мы смотримъ, какъ на побѣги одного ствола—Греческаго языка; какъ въ Романскихъ языкахъ мы видимъ лишь видоизмѣненія языка Латинскаго, и въ нарѣчіяхъ Сѣверномъ, Верхне-Нѣмецкомъ и Нижне-Нѣмецкомъ—три вѣтви одного ствола: также точно и въ языкахъ Греческомъ и Латинскомъ, Германскомъ и Кельтскомъ, Славянскомъ, Древне-Индійскомъ и Древне-Персидскомъ мы должны видѣть лишь разновидности одного, первичнаго типа рѣчи, которыя выработались, съ теченіемъ времени, въ классическіе органы литературъ міра. Съ этой точки зрѣнія намъ легко будетъ понять, какимъ образомъ то, что случается въ новѣйшихъ языкахъ, могло имѣть мѣсто и въ отдаленнѣйшіе періоды исторіи языка. Одно и тоже слово, съ незначительными діалектическими видоизмѣненіями, существуетъ въ Греческомъ, Латинскомъ, Готскомъ и Санскритскомъ языкахъ, и реченія, не имѣющія между собою, на первый взглядъ, ничего общаго, отличаются одно отъ другаго особенностями не рѣзче тѣхъ, которыми отличается французское слово отъ итальянскаго или испан-

[39]) Санскр. upa и uparі соотвѣтствуетъ греческому ὑπό и ὑπέρ, лат. sub, и super, гот. uf и ufar.

[40]) Quint. 9, 4, «oratio alia vincta atque contecta, alia soluta.»

вѣрояти
и cont
tamin
тотъ
вiи
ходъ
(хв
Re
sa
че
н
г

т. е.
вмѣсто

37) Ci
38) Pott

го смѣшенія языковъ, и мы говорили бы по
время языкомъ нашихъ прародителей. Но въ
остоитъ природа языка, чтобы расти и измѣ-
пока мы не откроемъ законовъ его роста и
, до тѣхъ поръ намъ не удастся прослѣдить до
истоковъ многоразличныя образованія человѣче-
..., разлившейся изъ деревень по городамъ, по
странамъ и континентамъ земнаго шара. Число
ь элементовъ языка такъ ничтожно, словъ же,
ъ въ составъ языковъ такое несчетное множе-
только эта возможность—тончайшіе оттѣнки
ражать едва замѣтными оттѣнками произноше-
звуковыми переходами—дѣлаетъ для насъ понят-
, какимъ образомъ изъ такого ничтожнаго мате-
оздвигнуто было такое грамадное зданіе. Этимо-
сть наука объ измѣненіяхъ словъ, и мы, далекіе отъ
чтобы отъискивать тожество, или даже только сход-
ъ звукахъ между словами, употребляющимися теперь
нглійскомъ языкѣ съ одной стороны, а—словами
ихъ Ведъ—съ другой, мы, напротивъ того, должны
ый разъ быть насторожѣ, когда какая-нибудь эти-
гія соблазняетъ насъ тожественностью нѣкоторыхъ
овыхъ формъ въ такихъ языкахъ, какъ Латинскій и
ческій, или Санскритъ. Если только вѣрны законы,
авляющіе ростомъ языка, то мы можемъ смѣло вы-
зать положеніе, что слова, тожественныя по звуку въ
нскритѣ и Англійскомъ языкѣ, навѣрное—не одни и
же слова. А это приводитъ насъ къ нашему третьему
ложенію. Случается иногда, что два языка, сродные
жду собою, или не сродные, имѣютъ оба одинаковое
ъ звуковомъ отношеніи слово и съ нѣкоторымъ сход-
твомъ въ значеніи. Подобныя слова, для прежнихъ эти-
логовъ казавшіяся наиболѣе подходящими къ ихъ цѣ-
лямъ, теперь третируются съ весьма основательной не-
довѣрчивостью. Часто, напримѣръ, дѣлались попытки срав-
нивать еврейскія слова съ словами Арійскихъ языковъ.
Пока при этомъ не упускается изъ виду громадная раз-
ница, раздѣляющая Арійское и Семитическое семей

Náchos, извѣстный островъ. нѣм. Nachen обнаруживаетъ то же стремленіе къ замѣщенію v гортанною.

Третій корень въ Санскритѣ—nas, приходить, nasati въ Ведахъ. Здѣсь намъ приходится лишь примѣнить греческій звуковой законъ, по которому s должно выпасть между гласными; и какъ предъидущее правило, касательно дигаммы, изъ né*F*ō сдѣлано nēō, такъ и это вмѣсто первоначальнаго nésō даетъ néō. Притомъ, какъ въ первомъ примѣрѣ устраненіе причины устраняетъ и слѣдствія—дигамма снова являлась, какъ только очутится передъ согласною,—такъ и въ настоящемъ примѣрѣ s появляется снова, какъ скоро за нимъ слѣдуетъ согласная, напр. въ nostos, возвращеніе, отъ néesthai.

Итакъ, если настоящей этимологіи нѣтъ никакого дѣла до звука, то какого другаго метода держаться намъ, если мы хотимъ придать прочность нашему словопроизводству? Отвѣтъ на это—найти законы, управляющіе измѣненіями звуковъ. Еслибы это была чистая случайность, что первоначальное слово, означавшее *слезы*, въ Санскритѣ приняло форму aśru, въ Греческомъ языкѣ dákry, lacruma въ Латинскомъ, tagr въ Готскомъ, то научная обработка этимологіи была бы невозможна. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Не смотря на видимое несходство словъ, обозначающихъ слезы, въ Англійскомъ и Французскомъ языкахъ, въ пропасти, раздѣляющей tear и larm, нѣтъ и одного вершка, черезъ который не могла бы перекинуть моста сравнительная Филологія. Мы вѣримъ поэтому—по крайней мѣрѣ, пока намъ не докажутъ противнаго—что развитіемъ языка, какъ и всякаго другаго произведенія природы, управляетъ законъ и порядокъ, и что измѣненія, замѣчаемыя нами въ исторіи человѣческой рѣчи, вызываются общими, подлежащими опредѣленію, законами.

Nácl
то я.

въ I.
ческ
меж
дига
вона
при
дига
согл
сно
въ

дѣла
если
вôдс
измѣ
нос
Сан
dák
учн
сам
ство
Фра
и l
бы
рим
жу
каг
и п
ріи
опр

[illegible] будетъ соединить, при пе-
[illegible] въ одинъ, переводчикъ
[illegible] такъ заглавный листъ и
[illegible] выпуска замѣнить вновь
[illegible] выпускѣ.

НАУКА О ЯЗЫКѢ.

НОВЫЙ РЯДЪ ЧТЕНІЙ

МАКСА МЮЛЛЕРА

въ Великобританскомъ Королевскомъ Институтѣ
въ 1863 году.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Германа Кайзера.

(Lectures on the science of Language. Second Series 1846.)

ВЫПУСКЪ II.

Изданіе Редакціи «Филологическихъ Записокъ».

ВОРОНЕЖЪ.
Въ типографіи В. А. Гольдштейна
1870.

Седьмая лекція.

О силѣ корней.

Выдѣливши изъ слова все, что есть въ немъ формальнаго, искусственнаго, понятнаго, мы получимъ въ остаткѣ нѣчто не чисто формальное, не составляющее результата грамматическаго искусства, не понятное,— что́ мы и называемъ *корнемъ*, или *основнымъ элементомъ*. Взявши напр. латинское слово historicus, историческій, мы прежде всего отбросимъ приставку латинскаго прилагательнаго cus, которая произвела historicus отъ hístōr, или historia. Но historia производится посредствомъ приставки ia, образующей отвлеченныя имена женскаго рода, отъ греч. hístōr, искаженнаго 'istor. Встрѣчаются однако обѣ формы; сильное предыханіе вмѣсто слабаго въ началѣ слова можно приписать діалектическимъ вліяніямъ. 'Istōr, въ свою очередь, разлагается на is и tor; tōr есть имен. пад. производной приставки tar, являющейся въ Лат. da-tor, Санскр. dâ-tar, Греч. do-tḗr, въ Русск. *тель: датель*. Is—коренной элементъ, коего s произошло отъ l, такъ какъ въ Греч. d непосредственно передъ t переходитъ въ s. Такимъ образомъ мы наконецъ получаемъ корень 'id, содержащійся въ Греч. oἶdō, знаю, Санскр. veda—неудвоенное прошедшее совершенное время отъ корня vid *вид-ѣть*, *вѣд-ать*, нѣм. wissen, англ. to wit

тельныя трудности въ происхожденіи языка не ускользнули отъ ихъ вниманія. Переводя загадочныя и поэтическія изреченія Гераклита на нашу современную сухую и опредѣленную фразеологію, мы едвали можемъ отдать имъ полную справедливость. Они совершенны, если на нихъ смотрѣть въ ихъ темныхъ гробницахъ, но распадаютъ въ прахъ, коль скоро до нихъ коснутся свѣтлые лучи нашей современной философіи. Если бы мы въ состояніи были вникнуть въ темныя катакомбы древней мысли, то явились бы среди мужей, которыхъ считали бы за великановъ, если бъ они жили съ нами и могли бы говорить нашимъ языкомъ. Они, безъ сомнѣнія, имѣли то преимущество передъ нами, что взоры ихъ не были помрачены пылью, поднявшеюся въ войнахъ за слова, продолжающихся вотъ уже болѣе двухъ тысячелѣтій. Если намъ говорятъ, что главное различіе во мнѣніяхъ древнихъ философовъ, относительно природы и происхожденія языка, выражается двумя словами phýsei и thései, «естественно» и «искусственно», то мы мало узнаемъ изъ такихъ общихъ терминовъ. Мы должны знать исторію тѣхъ словъ, которыя были лозунгомъ каждой философской школы, прежде чѣмъ они стали простыми техническими терминами. У позднѣйшихъ софистовъ thései, *искусственно* или болѣе древнее nómō, *по соглашенію*, уже не имѣло того значенія, какъ у отцовъ Греческой философіи; иногда оно принимало даже противоположное значеніе. Чтобы доказать, что языкъ существуетъ по соглашенію, софистъ Гермогенъ утверждалъ, что яблоко могло быть названо сливою, а слива яблокомъ, если бы только въ этомъ согласились. [4]) Дру-

[4]) Lersch, Spachphilosophie der Alten, I, 28. Ammonius Hermias ad Aristot. de Interpret. 25 A. Οἱ μὲν οὕτω τό θὲσει λέγουσιν ὡς ἴδιόν ὀτφοῦν τῶν ἀνθρώπων ἕκαστον τῶν πραγμάτων ὀνομάζειν ὅτῳ ἂν ἐθέλῃ ὀνόματι, καθάπερ Ἑρμογένης ἠξίου.... Οἱ δὲ οὐχ οὕτως, ἀλλά τίθεσθαι μὲν τὰ ὀνόματα ὑπό μόνου τοῦ ἀνθρώπου, τοῦτον δὲ εἶναι τὸν ἐπιστήμονα τῆς φύσεως τῶν πραγμάτων, οἰκεῖον τῇ ἑκάστου τῶνὄντων φύσει ἐπιφημίζοντα ὄνομα ἢ τὸν ὑπηρετούμενον τῷ ἐπιστήμονι.

гой [5]) съ торжествомъ указывалъ на своего раба, которому онъ далъ совершенно новое имя, назвавъ его «Однако», чтобы показать, что всякое слово можетъ быть знаменательнымъ. Если указывали на дѣйствіе проклятій, съ тѣмъ чтобы показать, что одаренныя такою силою слова не могутъ быть произведеніемъ человѣка, основаннымъ на соглашеніи, то эти аргументы въ пользу естественнаго происхожденія языка были не лучше другихъ. [6])

Не такъ разсуждалъ Гераклитъ или Демокритъ. Языкъ, которымъ они говорили, весь міръ мыслей, въ которомъ они жили, не позволяли имъ разсуждать о природѣ и происхожденіи языка, какъ разсуждали софисты, или какъ можемъ разсуждать мы. Они должны были говорить притчами, языкомъ полновѣсной, богатой мыслями, поэзіи, которую нельзя переводить безъ анахронизмовъ. Ихъ слова слѣдуетъ принимать такими, какъ они есть, во всей ихъ неопредѣленности и глубинѣ, но мы не должны судить о нихъ по этимъ словамъ такъ, какъ если бы они сказаны нами самими. Изреченіе, приписываемое Гераклиту, касательно языка, навѣрное принадлежитъ ему. Толкователи могли его исказить, но не изобрѣсти. Гераклитъ утверждалъ, что слова существуютъ phýsei (по естеству), но онъ не ограничивался такимъ техническимъ опредѣленіемъ. Онъ говоритъ, [7]) что слова подобны тѣнямъ вещей, отраженіямъ деревьевъ и горъ въ рѣкѣ, нашему собственному отраженію въ зеркалѣ. Это совершенно въ духѣ Гераклита; его изреченія—употреб-

[5]) I. c. 1, 42. Ammon. Herm. ad Aristot. de Interpret, 103. Εἰ δε ταῦτα ὀρθῶς λέγεται, δῆλον ὡς οὐκ ἀποδεξόμεθα τὸν διαλεκτικὸν Διόδωρον πᾶσαν οἰόμενον φωνὴν σημαντικὴν εἶναι, καὶ πρὸς πίστιν τούτου καλέσαντα τῶν ἑαυτοῦ τινὰ οἰκετῶν τῷ συλλογιστικῷ συνδέσμῳ Ἀλλὰμην καὶ ἄλλον ἄλλῳ συνδέσμῳ ποίαν γὰρ ἔξουσιν αἱ τοιαῦται φωναὶ σημασίαν φύσεώς τινος ἢ ἐνεργείας ἢ πάθους, καθάπερ, τὰ ῥήματα χαλεπὸν καὶ πλάσαι.

[6]) Lersch, 44.

[7]) Lersch, I, XI. Ammon. ad Arist. de Int. 24 B. ed. Ald.

этимъ вовсе не желаетъ унизить языкъ до простаг
бора звуковъ. Напротивъ, если бы онъ, съ своею т
нологіею, приписалъ языкъ природѣ, которая, п
представленію, была просто соединеніемъ атомов
онъ показалъ бы этимъ менѣе глубокое пониманіе
роды языка, меньшее вниманіе къ закону и пор
проникающимъ языкъ. Языкъ, говоритъ онъ, сущест
по постановленію; но какъ онъ долженъ былъ охр
свои слова отъ возможныхъ недоразумѣній, и прот
вать противъ смѣшенія двухъ понятій «условно» и «п
вольно», можно заключить изъ выраженія, припис
маго ему позднѣйшимъ схоліастомъ, т. е. что слова
звуковые образы, но они созданы не человѣческими
ками, а самими богами. [10]) Смѣлость и точность та
выраженій служатъ самымъ лучшимъ ручательство
ихъ неподдѣльность, и оставить ихъ безъ вниманія
изобрѣтенія позднѣйшихъ писателей—значило бы к
пренебрегать мѣриломъ, посредствомъ котораго мы
чаемъ древнюю мысль отъ новѣйшей.

Однако наша задача состоитъ не въ изслѣдо
взглядовъ древнихъ философовъ на природу языка
намъ, я опасаюсь, никогда не удастся,—мы желаемъ
ко охранить ихъ память отъ оскорбленій, и имена
отъ злоупотребленія для санкціи поверхностныхъ мудр
ваній позднѣйшихъ вѣковъ. Достаточно уже того, есл
ясно поймемъ, что Греки не считали языкъ прост
onomatopoeia, хотя это слово буквально значитъ состав
именъ. Я не берусь объяснить слѣдующія слова
гора, «самое мудрое на свѣтѣ—число, и послѣ нег
что даетъ имена;» [11]) но я увѣренъ въ томъ, что
вторымъ, представляя его даже какъ человѣческое
ство, какъ самаго древняго и мудраго человѣка, [12])

---

[10]) Olympiodorus ad Plat. Philebum, 242, ὅτι ἀγάλματα
νηέντα καὶ ταῦτα ἐστὶ τῶν θεῶν, ὡς Δημόκριτος. Стран
Лершъ, приводя это мѣсто (III. 19), тѣмъ не менѣе приписываетъ Дем
мнѣніе чисто-человѣческаго происхожденія языка (I. 13).

[11]) Lersch, I. c. 25.

[12]) Тамъ же I. c. 27.

ѳагоръ понималъ не того человѣка, который услыхалъ мычаніе коровы, съумѣлъ повторить этотъ звукъ и установить его какъ имя этого животнаго. Что касается до Платона и Аристотеля, то ихъ едва ли нужно защищать противъ обвиненія, будто они приводили языкъ къ onomatopoeia. Даже *Эпикуръ*, которому приписываютъ мнѣніе, что при первомъ образованіи языка человѣкъ дѣйствовалъ безсознательно, по побужденію природы, какъ напр. при кашлѣ, чиханіи, блеяніи, лаѣ или вздохѣ,— даже онъ допустилъ, что этимъ объяснялась бы только одна половина языка, и что въ нѣкоторой степени, должно быть, было соглашеніе прежде чѣмъ языкъ дѣйствительно начался, прежде чѣмъ одинъ человѣкъ понималъ, что другой хотѣлъ выразить этими неуклюжими средствами. [13]) Въ этомъ Эпикуръ обнаруживаетъ болѣе вѣрное пониманіе природы языка, чѣмъ многіе, теперь увѣряющіе, что принимаютъ его теоріи. На то возраженіе, что если слова доставлены природою, то они должны бы быть однѣ и тѣже во всѣхъ странахъ, онъ отвѣтилъ замѣчаніемъ, которымъ онъ упредилъ Гумбольдта, т. е. что человѣческая природа въ различныхъ странахъ находится подъ различными вліяніями, что о вещахъ образуются различные взгляды, и что эти различные взгляды и влія-

[13]) Diogenes Laërtius, Epicurus, §. 75. Ὅθεν καὶ τὰ ὀνόματα ἐξ ἀρχῆς μὴ θέσει γενέσθαι, ἀλλ αὐτὰς τὰς φύσεις τῶν ἀνθρώπων καθ' ἕκαστα ἔθνη ἴδια πασχούσας πάθη, καὶ ἴδια λαμβάνουσας φαντάσματα, ἰδίως τὸν ἀέρα ἐκπεμπειν, στελλόμενον ὑφ' ἑκάστων τῶν πάθων καὶ τῶν φαντασμάτων ὡς ἄν ποτε καὶ ἡ παρὰ τοὺς τόπους τῶν ἐθνῶν διαφορὰ ἔιη. Ὑστερον δέ κοινῶς καθ' ἕκαστα ἔθνη τὰ ἴδια τεθῆναι, πρὸς τὸ τὰς δηλώσεις ἧττον ἀμφιβόλους γενέσθαι ἀλλήλοις, καὶ συντομοτέρως δηλουμένας τινὰ δὲ καὶ οὐ συνορώμενα πράγματα εἰσφέροντας, τοὺς συνειδότας παρεγγυῆσαί τινάς φθόγγους ὧν τοὺς μὲν ἀναγκασθέντας ἀναφωνῆσαι, τοὺς δέ τῷ λογισμῷ ἑλομένους κατὰ τὴν πλείστην αἰτίαν οὕτως ἑρμηνεῦσαι.— Lersch, I, 39.

жаются этими словами, и они же дали имъ названія или заняли ихъ у другихъ; подъ словомъ cohobation напр. они тотчасъ понимаютъ всѣ простыя понятія дистиллировки и обратнаго поливанія очищенной жидкости на остающееся вещество, и вторичной дистиллировки. Итакъ мы замѣчаемъ, что существуетъ большое множество простыхъ представленій напр. изъ области вкуса и обонянія, вовсе не получившихъ названій; и еще болѣе разнообразія въ видахъ, которые не получили названія и оттого не составили рода, [16]) потому что или не были наблюдаемы въ достаточно общихъ чертахъ, или же не оказались достойными вниманія въ человѣческихъ дѣлахъ и интересахъ.

Вообще, если возникаютъ новыя сочетанія и все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ самостоятельность, то они наконецъ въ самомъ дѣлѣ получаютъ доступъ въ республику мысли и слова. Это относится еще болѣе къ древнимъ временамъ, чѣмъ къ новѣйшимъ, болѣе къ раннимъ періодамъ языка, чѣмъ къ настоящему его состоянію. Когда понятія объ отцѣ, матери, братѣ, сестрѣ, супругѣ впервые были составлены и произнесены, то это было событіемъ въ исторіи человѣчества; новая эра наступила, когда образовались числительныя отъ единицы до десяти, и когда въ человѣческомъ словарѣ прибавились слова: законъ, право, долгъ, добродѣтель, великодушіе, любовь и др., это было откровеніе величайшее изъ откровеній, когда впервые въ этомъ мірѣ выразилось въ звукѣ понятіе о Творцѣ, Правителѣ, Отцѣ человѣчества, о Богѣ. Таковы были общія понятія, въ которыхъ нуждались и которыя были составлены для умственнаго обихода. Возникали и другія понятія, существовали извѣстное время,—и исчезали коль скоро оказывались ненужными. Пока наша умственная жизнь еще не попадетъ въ застой, будутъ и будутъ возникать новыя понятія и получать крещеніе языка. Кто думалъ напримѣръ, о переворотахъ, произведенныхъ усиліями отдѣльныхъ личностей, для проведенія которыхъ, впрочемъ

[16]) Locke, тамъ же. II. 18, 5.

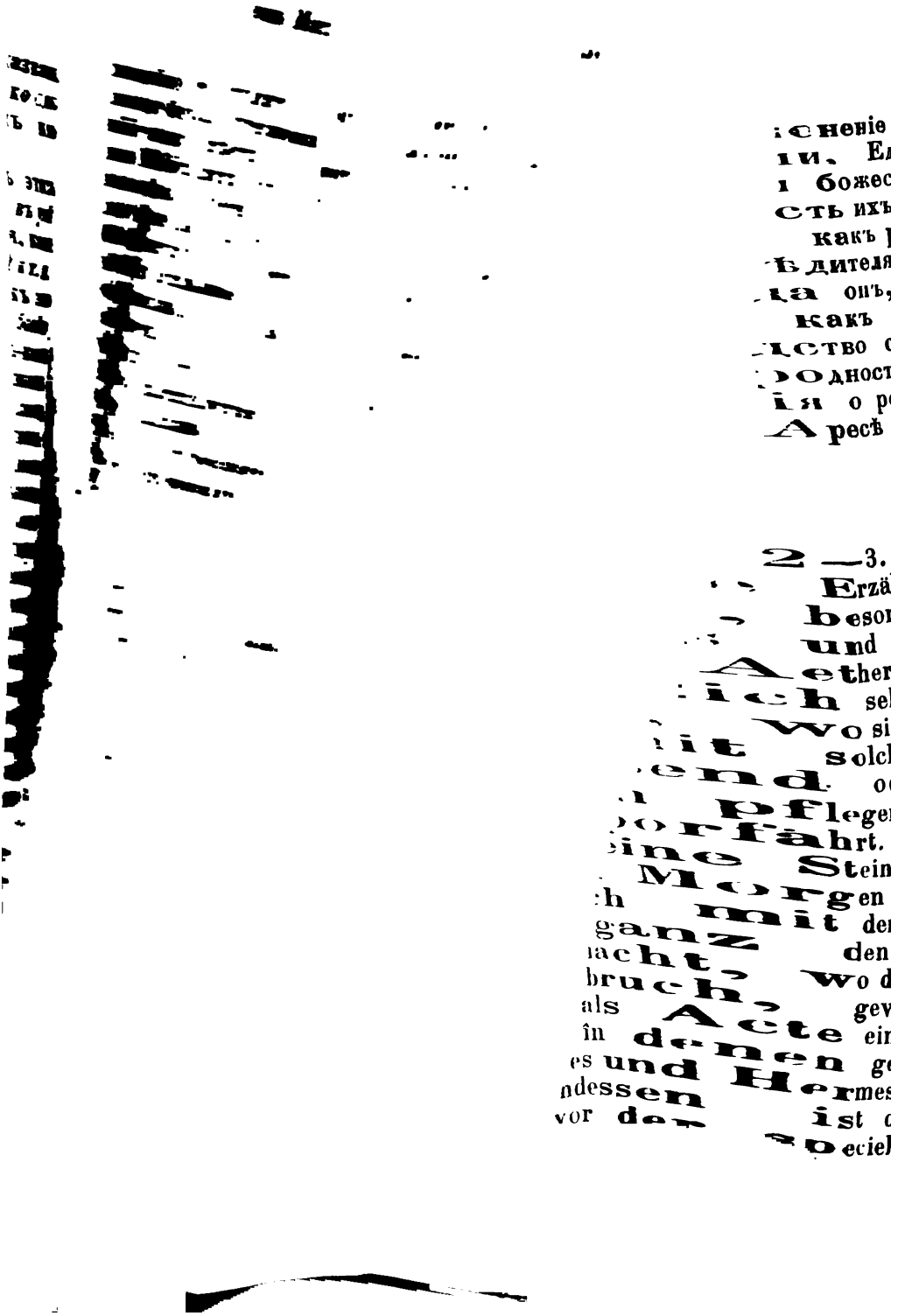
я въ жи-
ь. Назва-
а близкое
значитъ:
, можно
leuron и
кія слова
учія, что
многими
по начи-
гу букву.
по-види-
й необ-
аго m не
гласной.
гіями мы
, нѣжный
oschē, мо-
у Гомера
а, у Гел-
ая Грече-
имъ слово
ая крупа,
жертву;
и пола-
ь [35]). Въ
возмож-
словахъ,
къ корню
Moliones
я, нечего
въ, также
ритскомъ
ръ, бук-

xt, рубецъ.

естественный выборъ сократилъ бы число этихъ оставивъ только нѣкоторыя изъ нихъ, или даже то которое, какъ напр. canis, стало бы настоящ немъ собаки.

Но чтобы можно было дать какое-либо наваній, надобно было, чтобы сперва образовали и получили выраженіе въ языкѣ такія общія пон. напр. слѣдованіе, храненіе, воровство, бѣганіе, по Эти общія понятія выражаются корнями. Такъ простыя и первичныя понятія, то они и выражаю простыми и первообразными корнями, между сложныя понятія получили выраженіе въ про корняхъ. Такъ напр. sar значитъ итти, а s nad восклицать, nand радоваться; yu соединять, ко соединять, склеивать. Такимъ образомъ мы въ Санскритскомъ и во всѣхъ вообще Арійских группы корней, выражающихъ одно общее пон личающихся между собою только одною или бавочными буквами въ концѣ или въ нача естественнымъ предположеніемъ въ этомъ сл то, что я сей часъ привелъ, т. е., когда понятія и размножались, то и простые корни возраст измѣнялись. Но и противоположный взглядъ щать, т. е. что языкъ начался разнообразіемъ спеціальныхъ корней было утрачено, и изъ бованы болѣе общіе корни, выпуская тѣ бу составляли свойственныя отличія каждаго корня.

Много можно сказать въ пользу того и д да, и очень возможно, что оба процесса, ка ва, такъ и выборъ, дѣйствовали одновремен самый древній изъ Арійскихъ языковъ, Сан вѣстенъ намъ только съ тѣхъ поръ, когда он прошелъ чрезъ корневую и спайную фазы, и никогда не узнаемъ, какъ медленно и скол нами онъ миновалъ обѣ фазы и установил санный языкъ. Поставленный хронологич о томъ, что существовало раньше — sarp и



вально—раздробитель или
рактерѣ Marut-овъ, спутни
ной борьбѣ съ *Вритрою*
начала воинственныхъ бож
нѣ объясняетъ латинское М
во вниманіе колебаніе нач
ское A'rēs, Areōs; древ
Marmar и Marmor—удво
Mâmers удвоенный слогъ
легко объясняется Mâvors,
ни одного примѣра, чтоб
нялось въ v. Этимологичес
затрудненія въ производс
корня [40]) индійскаго назва
и греч. Ares; однако въ
Аресѣ нѣтъ никакихъ ясн
представителями бури. Ри
Ѳракійскій Аресъ приняли

[37]) Проф. Кунъ принимаетъ
значеніе умиранія или умершаго. Он
считались за души усопшихъ, и та
духи или вѣтры, то Маруты впослѣ
Такой взглядъ не находитъ однако
Названіе Pilumnus'a, брата Picum
похожее значеніе, т. е. раздробите
былъ богъ, поражающій громовою
173). Molae Martis основываются,
о природѣ Марса.

[38]) Приставка слова Mars,
Marut есть Mar—vat; Mars, Martis
чайно соотвѣтствуетъ Санскр. par-
вано греческое Ares, но эолійская
Marut.—Kuhn, Zeitschrift, I. 376.

[39]) Corssen, Kuhn's Zeitschr.

[40]) На коренную связь Maru
Haupt's Zeitschrift, 491. Онъ произ
нія. Другія производства приводятся
приводитъ Цицерона (Nat. Deor II.
Cedrenus (Corp. Byz. Niebuhr. I.
μόρτεμ ἐκάλουν οἰονὲι θά
ἢ τὸν παρ' ἀρρένων καὶ
§. 73., ed O Müller). «Mars ab
quod ab Sabinis acceptus, ibi est Ma

...венные
...разныя
... Это
... тѣхъ онъ
... Въ
... Индійскіе
...ительъ
...ь к рней въ
...ненными.
...ми—произ-
...ходится vij.
...вступать въ
...щія буквы,
...ніе. За діа-
...дуетъ также
...ь.
...ю Mar. Какъ
...азуетъ корень
...ритѣ въ смы-
... происходитъ

...акъ отъ mar—
...или mrij; онъ
...зрушенія, какъ
... обыкновенное
...скритское наз-
...е, которое по-
...скомъ, въ томъ
...Это общее зна-
...значеніе въ Гре-
...вянскомъ язы-
...орень malg, те-
...ō и amelgō зна-

...ἴσος — IX.4.
...,
...ον.
...аговъ.

ить Лат. mulgēre имѣетъ то же значеніе. Въ Др. і. мы находимъ существительное milchu, и отъ вныя отглагольныя производства въ смыслѣ доенія. ilzti значитъ доить и тереть, гладить. Эти два ные значенія въ Латинскомъ языкѣ различаются и mulgēre, доить, и mulcēre, тереть. Тутъ мы от- мъ третью модификацію корня mar съ конечнымъ ымъ или нѣбнымъ мгновеннымъ глухимъ, именно подобно тому какъ Санскр. yâch, спрашивать, , ходить (ambire или adire). Подобнымъ процессомъ, я другой цѣли, образовано Лат. marcus, большой ь или пѣстъ; это названіе въ Римѣ употреблялось имя собственное Marcus, Marcius, Marcianus, Mar- , и снова встрѣчается въ позднѣйшее время въ исто- комъ имени *Карла Мартеля*. Санскр. глаголъ , съ конечнымъ небнымъ ś, напротивъ, выражаетъ ie нѣжнаго глаженія, и съ извѣстными предлогами итъ обдумывать, размышлять. Какъ Лат. morī, уми- , первоначально значило увядать, такъ marcēre вы- етъ то же самое понятіе во вторичной формѣ; оно итъ увядать, изнемогать, слабѣть, и поддерживается агательнымъ marcidus. Сюда же относится греч. лагательное malakós, гладкій, нѣжный, первоначально женный, тертый, и наконецъ слабый, больной, изнѣ- ный [44]).

Одно изъ самыхъ правильныхъ измѣненій корня mar ь mrâ, и этотъ корень въ видѣ mlâ значитъ увядать, *ть*. Такъ какъ въ Греческомъ ml часто передается зъ bl, то къ этому же началу можно отнести blâx, лбый, вялый тѣломъ и духомъ, и Гот. malsk-s, глу- ій. [45]) Мягкій, слабый и глупый во многихъ языкахъ -синонимны, и очень вѣроятно, что Греч. môros, глупый, роисходитъ отъ mar, и означало первоначально: мягкій, ѣжный, слабый.

---

44) Ср. лат. levis; ἀμαλός, если оно стоитъ вм. μαμαλος, и можетъ относиться сюда же. Слѣдуетъ, однако, обратить вниманіе на χμαλός.

45) Curtius, Gritch. Etym. I. 303.

До сихъ поръ мы разсматривали непосредствег
отпрыски корня mar, не обращая вниманія на ра
измѣненія, которымъ подлежитъ самъ этотъ корень
предметъ большой важности, но вмѣстѣ съ тѣм
представитъ много труднаго, и мало положительнаг
одной изъ прежнихъ лекцій я говорилъ, что Ин
грамматики привели всѣ слова своего языка прибли
но къ 1700 корнямъ. Послѣ установленія этихъ ко
Санскритѣ ни одно слово не оставалось необъясн
Но многіе изъ этихъ корней, фактически, сами
водные; такъ напр. кромѣ yu, соединять, наход
соединять, и yudh, сходиться въ борьбѣ, вст
рукопашный бой. Здѣсь j и dh—видоизмѣняю
непремѣнно имѣвшія первоначально свое значен
лектическое видоизмѣненіе корня yuj слѣду
считать yaut, соединять, спаивать, склеивать.

Примѣнимъ сказанное нами къ корню
отъ yu происходитъ yudh, такъ mar образ
mardh или mṛidh, существующій въ Санскр
слѣ разрушенія, умерщвленія; отъ него
mṛidh, врагъ [43]).

Далѣе, какъ отъ yu происходитъ yuj, та
очень часто встрѣчающійся корень—marj
имѣетъ значеніе тренія, но не въ смыслѣ раз
mṛidh, а въ смыслѣ очищенія. Это его
значеніе въ Санскритѣ, объясняющее сам
ваніе кошки, mârjâra, буквально—животн
стоянно третъ или чиститъ себя. Въ Греч
же смыслѣ, мы находимъ omórg-ny-mi,
ченіе получило еще болѣе опредѣленное
ческомъ, Латинскомъ, Германскомъ и С
кахъ, образуя чрезъ измѣненіе r въ l
реть вымя коровъ, т. е. доить. Греч. m

Kriegsgottes zurückgetreten.»

См. также Иліад. XX. 51.

Αὖε δ᾽ Ἄρης ἐτέρωθεν, ἐρεμνῇ λαί
Ὡς δ᾽ ἄνεμοι δύο πόντον ὀρίνετον ἰχθύ
Βορέης καὶ Ζέφυρος, τώ τε Θρήκηθεν

43) Rv. VI. 53, 4. «vi mṛidhah jahi», у

ъ
ке-
гали
аемъ
. Эти
уковые
е подле-
ецифиче-
зыкѣ была

ихъ примѣ-
го странство-
, который зна-
вать. Не скажу,
въ этомъ корнѣ
дыхъ тѣлъ, тру-
инкрасіи на счетъ
мнѣнія, очень зна-
тымъ вліяніемъ язы-
ли съ которыми мы
также и то, что скри-
ахъ передается весьма
рень mar съ значеніемъ
естественно воображать,
въ родѣ шума двухъ жер-
кой металлъ. [24]) Замѣтимъ

постепенномъ ростѣ корней, см. нѣко-
Kurze Sanscrit. Grammatik, § 60 слѣд.
opp, Vergl. Grammatik. § 109 a, 3.

слѣдующія замѣтки Св.
предметѣ: «Donec per-
sono verbi aliqua similitudine

тутъ же различіе между простымъ подражаніем членоннаго стонущаго и кряхтящаго шума, щаго отъ тренія твердыхъ тѣлъ, и членораз звукомъ mar. Всякое возможное сочетаніе с съ конечнымъ *р* или *л* предлагалось для *кр*, *тр*, *чр*, *глр*; всѣ они соотвѣтствовали могли быть примѣняемы, такъ какъ они всѣ на уже прежде перваго начала членораздѣльн какъ скоро mr получило преимущество, сочетанія были оставлены; сочетаніе mr п кимъ образомъ стало предкомъ огромной Но чтобы прослѣдить исторію этого корн дящемъ и развѣтвляющемся направленіи. дить его побѣги назадъ въ нисходящей

---

concinat, ut cum dicimus aeris tinnitum tum, ovium balatum, tubarum clangore narum (perspicis enim haec verba ita quae his verbis significantur). Sed q non sonant, in his similitudinem ta leniter vel aspere sensum tangunt, literarum ut tangit auditum sic eis ipsum l e n e cum dicimus leniter so r i t a t e m non et ipso nomine aspe auribus cum dicimus voluptas, asper Ita res ipsae adfciunt, ut verba suaviter gustum res ipsa, tam le tum, a c r e in utroque asperum ut audiuntur verba, sic illa tangu verborum esse crediderunt, ubi sensu concordarent. Hinc ad ipsar nem processisse licentiam nom c r u x propterea dicta sit, quod doloris quem crux efficit as tamen non propter asperitate dine atque duritia inter mem sic appellata sint.» — Augusti Crecelius'омъ въ Hoefer's *Z*

для океана. Греки, будучи изъ всѣхъ
наиболѣе знакомы съ моремъ, называл
водою, а thálassa (tarássô), движеніе,
(plázō), ударяющее, póntos, большая

Возвратимся къ первоначальному
mar и mal, который, какъ мы видѣл
вать, растирать, преимущественно
молотью хлѣба и къ ударамъ кулачн
произвели отъ него одинъ изъ сво
характеровъ, именно Moliōn; это сл
начаетъ бойца вообще, въ Греческ
извѣстно изъ имени двухъ сказ
liónes, имѣвшихъ одно тѣло, но
и четыре руки. Даже Геркулес
когда они сражались съ нимъ
Авгея, съ помощью его ста
Потомъ онъ ихъ умертвилъ
Эти герои, первоначально
Molionidae, т, е. раздробите
за сыновей Моліоны (Molio
бопашца). Нѣкоторые миѳ
близнецовъ съ громомъ и
ваніе громовой стрѣлы *То*
корня; потому что молот
раздробитель. У Славян
Въ Сербскихъ пѣсняхъ
и стала миѳологическ

Кромѣ этихъ ге
есть еще другая дв
немъ Aloadae, Oto
взгромоздили *Осс*

---

31) Curtius, Kul
32) Friedrich, B
chische Mythologie, I
33) Grimm, D
maillet, malleus) Г
which they fancy
was seaventie, the
effete and of no

...мыслѣ заботы о стрѣлахъ,
...ὑστορες θεοί, Ἀγραυλος,
... Mythol. 205.

ра.

сно поняли важность и зна-
ніяхъ человѣческаго ума, ни-
азывали необходимость изслѣ-
мысль, какъ Локкъ въ своемъ
ъ Разумѣ. Изъ четырехъ книгъ,
это сочиненіе, третья исключи-
овамъ или Языку вообще. Въ то
Локкъ, на философію языка обраща-
манія, и авторъ, опасаясь, что онъ,
ться, придаетъ предмету слишкомъ
, считалъ необходимымъ защищать себя
обвиненія слѣдующими словами: «По мнѣ-
ъ, здѣсь, въ третьей книгѣ, относительно
лъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ требовалъ тр-
оважный предметъ. Положимъ, могъ я его
въ болѣе тѣсныя рамки, но я желалъ остано-
аніе читателя на предметѣ, который мнѣ ка-
новымъ и выходящимъ изъ круга обыденныхъ
правда, я не имѣлъ въ виду, когда принимался
стоящій трудъ); при этомъ, благодаря всесторон-

же говорится о человѣкѣ, который заботится, чтитъ, уважаетъ кого или что (55).

Разбирая эту группу словъ, я главнымъ образомъ старался слѣдить за постепеннымъ ростомъ понятій, за медленнымъ поступающимъ движеніемъ нашей мысли отъ частнаго къ общему, отъ матеріальнаго къ духовному, отъ конкретнаго къ отвлеченному. Стирать или гладить ведетъ къ понятію примиренія; выраженія: изнашиваться или увядать — примѣняются къ изнурительному чувству обманутой надежды и страждущаго сердца, и понятія, въ родѣ памяти и страдальчества, облекаются словами, происходящими изъ того же источника.

Судьбы одного этого корня mar составляютъ только незначительную главу въ исторіи развитія Арійскихъ языковъ; но и по этому незначительному отрывку можно составить себѣ понятіе о силѣ и гибкости корней, и о безпредѣльномъ вліяніи метафоры на составленіе новыхъ понятій.

---

(55) Ср. ἤμωρος, ἐγχείμωρος, въ смыслѣ заботы о стрѣлахъ, копьяхъ и т. д., Benary Kuhn's Zeitschr. IV. 53; ἵστορες θεοί, Ἄγραυλος, Ἐνυάλιος, Ἄρης, Ζεύς, Preller, Griech. Mythol. 205.

[redacted]

понимать, постигать, принимать, познавать, внушать отвращеніе, смущеніе, спокойствіе и т. д., все это слова, заимствованныя отъ впечатлѣній чувственныхъ предметовъ и примѣненныя къ извѣстному образу мышленія. *Духъ*, spiritus, имѣетъ первоначальное значеніе дыханія, *ангелъ* есть посланникъ. Я не сомнѣваюсь, что если бы мы могли прослѣдить каждое слово до его источника, то мы нашли бы во всѣхъ языкахъ, что имена предметовъ, употребляемыя для не подлежащихъ нашимъ чувствамъ, происходятъ отъ чувственныхъ идей. Поэтому мы могли бы, въ извѣстной степени, предположить, откуда произошли и какого рода были понятія у первыхъ образователей языка, и какъ природа при самомъ наименованіи вещей незамѣтно представляла человѣческому уму первообразы и начала всякаго его знанія; между тѣмъ при выборѣ такихъ именъ, которыя должны были сдѣлать понятнымъ для другихъ какія либо умственныя операціи, происходившія въ душѣ человѣка, или какія либо другія идеи, не подлежащія чувствамъ, человѣкъ охотно заимствовалъ слова у общеизвѣстныхъ чувственныхъ идей, чтобы такимъ образомъ тѣмъ понятнѣе для другихъ сдѣлать тѣ операціи, которыя онъ испыталъ въ себѣ и которыя не имѣютъ внѣшнихъ проявленій. Когда люди пріобрѣли извѣстныя и употребительныя имена для обозначенія этихъ внутреннихъ операцій своего собственнаго ума, то они уже были въ состояніи выражать словами всѣ прочія свои идеи, которыя состояли или изъ однихъ внѣшнихъ ощущаемыхъ впечатлѣній, или изъ внутреннихъ операцій ихъ ума касательно этихъ же впечатлѣній, ибо у насъ нѣтъ никакихъ идей, какъ было доказано, за исключеніемъ только того, что первоначально было получено нами или отъ чувственныхъ предметовъ извнѣ, или что мы чувствуемъ въ себѣ вслѣдствіе внутренняго дѣйствія нашего собственнаго духа, сознаваемаго въ насъ нами самими.»

Хотя это мѣсто нѣсколько запутано и темно, однако оно тѣмъ не менѣе классическое и послужило предметомъ многихъ, какъ благопріятныхъ, такъ и превратъ-

[redacted]

понятія. Возьмите Франц. je, я. Этого сл
номъ изъ извѣстныхъ мнѣ языковъ нельзя
привести къ его первообразу; оно само
не выражаетъ чувственнаго понятія, а и
значеніе, которое ему назначено умомъ
вѣрный знакъ, безъ всякаго отношенія
чувственному понятію. Точно также и
оно первобытное и вполнѣ умственное. Я
го языка, въ которомъ франц. глагол
бы соотвѣтственнымъ словомъ, выраж
ное понятіе. Поэтому несправедливо,
ка, въ послѣднемъ своемъ анализѣ,
ныхъ идей.»

Нельзя не допустить, что Фран
я, есть слово сомнительной этимо
жить къ древнѣйшимъ формаціямъ
удивительно, что даже въ Санскр
изъ которыхъ образовалось это мѣ
снить слова, подобныя Англ.
но нельзя при помощи одного а
J, я, thou, ты, he онъ. То
относительно Санскр. aham,—к
потокомъ рѣчи изъ столь отда
сравненіи съ нимъ даже Ведъ
Хотя происхожденіе слова
еще ни одинъ ученый не сом
подобно всѣмъ прочимъ с
этимологію, что оно проис
или отъ мѣстоименнаго корн

Тѣ, которые производят
имѣютъ въ виду корень ah, д
водитъ это слово отъ мѣсто
къ ведическому gha, позд

*) Въ поемъ сочиненіи Hi
талъ возможнымъ сказать ah—a
Лат. aja и дego, Готск ahma (
производства отказываюсь. Так
Gramm. §. 773) относительно
gha съ приставочнымъ a. Эти
сомнительною.

...ъ
...ю
...итъ
себѣ,
...ѣдуетъ
...ъ сро
...ю зарю,
... Съ дру-
...енняя заря
...происходитъ
... что она уми-
...своему блестя-
...а она должна
...тафоры ни бы-
...нимъ поэтамъ,
... онѣ часто со-
...ія восхожденія
..., что заря, при-
...слѣднее дыханіе,
... разъ. Толкователи
...этому выраженію, не
...рая такъ естественна

...сы, дѣйствительно, не-
... всѣ мысли, переходив-
...ни, должны были полу-
...тафоръ, которыя тогда еще
...основанными на преданіи
...чувствовались и понимались
...мъ, частью же въ ихъ ви-
...ясняли себѣ это, мы пой-
...и рѣчи рѣзкими чертами
...нѣйшихъ временъ.

...ung der Brahmanen, XI.

дствій было бы то, что
предметы и первоначаль-
умомъ въ ихъ различіи,
но и то же названіе. Корень,
оживлять, развеселять, могъ
ней зарѣ, какъ къ наступленію
ни, и къ роднику, вытекающему
сердце странника, и къ веснѣ,
лѣ зимняго сна. Такимъ образомъ
имѣть нѣсколько значеній, и такія
ываетъ *гомонимными* или *одноимен-*
ороны тотъ же предметъ можетъ по-
умъ различнымъ образомъ. Солнце
ться грѣющимъ, производящимъ теплоту
но съ тѣмъ вмѣстѣ и палящимъ и уничто-
можетъ называться какъ преградою, такъ
большою торговою дорогою; облака могутъ
свѣтлыми вымистыми коровами, и мрачными,
дими демонами. Каждый день, утромъ раз-
можно было бы назвать близнецомъ ночи,
за днемъ, или всѣ дни года можно было бы
братьями, или стадомъ, выгоняемымъ каждое
небесное пастбище и запирающимся на ночь въ
хлѣвъ Авгея. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же
ъ получаетъ нѣсколько названій, или дѣлается,
говорили Стоики, многоименнымъ, polyonymos. От-
ельнымъ свойствомъ такъ называемыхъ древнихъ
ковъ считаютъ то, что въ нихъ одинъ предметъ имѣ-
ъ нѣсколько выраженій, называемыхъ иногда *синоним-*
ыми, соименными, а также и то, что ихъ слова часто
имѣютъ много значеній. Но что мы называемъ древними
языками, каковы Санскритъ Ведъ или Греческій языкъ
Гомера, на самомъ дѣлѣ весьма молодые языки, п. ч. они
показываютъ ясные слѣды того, что прошли очень много
послѣдовательныхъ періодовъ роста и упадка, пока
до того, чѣмъ мы ихъ знаемъ въ древнѣйшихъ
ныхъ памятникахъ Индіи и Греціи. Каково же
было быть состояніе этихъ языковъ въ ихъ

періодахъ, прежде чѣмъ многія имена, примѣняемы
различнымъ предметамъ, установились для одного
мета, и прежде чѣмъ каждый предметъ, назы
различными именами, удержалъ для себя одно и
названіе! Даже въ настоящее время мы созн
многое содержится въ названіи; но тѣмъ болѣ
жно было имѣть мѣсто впродолженіе первобытны
дѣтства человѣчества.

Періодъ въ исторіи рѣчи и мысли, к
я старался объяснить, характеризуется дв
вленіемъ, *одноименнымъ* и *многоименным*
бубу называть *миѳическимъ* или *миѳолог*
домъ; я постараюсь показать, какъ мно
сительно происхожденія и распростра
сихъ поръ остававшіеся загадкою, дѣл
если ихъ разсматривать въ связи съ у
чрезъ которые необходимо должны про

Прежде чѣмъ приступлю къ бо
нію моего убѣжденія, я считаю
два недоразумѣнія, могущія произо
ѳическій Періодъ. Слово періодъ
номъ его значеніи, ибо нѣтъ о
которыя можно было бы провес
точностью. Было время въ древ
довъ, въ которомъ миѳологиче
далъ въ такой степени, что
логическимъ періодомъ, точн
называютъ вѣкомъ изобрѣтені
рактеризующее миѳологическ
шую часть того вліянія, кот
каждомъ нравственномъ д
жаетъ дѣйствовать въ ра
даже въ наше время, кот
расположено къ метафора

[16]) Augustinus, Die Civ.
res plures, aliquando unam rem

…существитель-
…который
…аченіе

…о новое
…ть свѣтъ
…бственное,
…весьма есте-
…многихъ наз-
…тафоры, объя-
…дареніемъ и въ
…смыслѣ хвалеб-
…ръ корневой ме-
…káh, въ смыслѣ
…енія получило новое
…ке и не на оборотъ.
…самой формѣ, совер-
…выраженіемъ для двухъ
…а забыта причина само-
…е корня къ этимъ двумъ
…ду и гимну, то настала
…ологіи, и мы дѣйствительно
…разовался миѳъ, будто хвалеб-
…солнца или первоначально въ

показываетъ намъ другой при-
афоръ, нѣсколько однако отличаю-
…наго выше примѣра. Отъ ịich, въ
…о было образовать производное ṛíkta,
…, блестящій. Эта форма не встрѣ-
…лтѣ, но такъ какъ kt въ Санскр. мо-
…въ ks, [18]) то въ словѣ ṛiksha мы узна-

Zeitschr. f. d. Wissensch. d. Spr., I, 155, первый ука-
Санскр. ṛiksha и Греч. ἄρκτος въ ихъ миѳологиче-
…л. Онъ доказалъ, что Санскр. ksh представляетъ перво-
…въ takshan, плотникъ, Греч. τέκτων; kshi, жить, греч·
…ις, Лат. pectus. Курціусъ (Grundzüge) прибавилъ kshan,

періодахъ, прежде чѣмъ многія имена, примѣняемыя къ различнымъ предметамъ, установились для одного предмета, и прежде чѣмъ каждый предметъ, называемый различными именами, удержалъ для себя одно извѣстное названіе! Даже въ настоящее время мы сознаемъ, что многое содержится въ названіи; но тѣмъ болѣе это должно было имѣть мѣсто впродолженіе первобытныхъ временъ дѣтства человѣчества.

Періодъ въ исторіи рѣчи и мысли, который, какъ я старался объяснить, характеризуется двоякимъ направленіемъ, *одноименнымъ* и *многоименнымъ*, [16]) я впредь буду называть *миѳическимъ* или *миѳологическимъ* періодомъ; я постараюсь показать, какъ многіе вопросы относительно происхожденія и распространенія миѳовъ, до сихъ поръ остававшіеся загадкою, дѣлаются понятными, если ихъ разсматривать въ связи съ ранними фазисами, чрезъ которые необходимо должны пройти языкъ и мысль.

Прежде чѣмъ приступлю къ болѣе полному изложенію моего убѣжденія, я считаю нелишнимъ отвратить два недоразумѣнія, могущія произойти отъ названія *Миѳическій Періодъ*. Слово періодъ я не понимаю въ точномъ его значеніи, ибо нѣтъ опредѣленныхъ границъ, которыя можно было бы провести съ хронологическою точностью. Было время въ древней исторіи всѣхъ народовъ, въ которомъ миѳологическій характеръ преобладалъ въ такой степени, что его можно назвать миѳологическимъ періодомъ, точно также, какъ нашъ вѣкъ называютъ вѣкомъ изобрѣтеній. Но хотя направленіе, характеризующее миѳологическій періодъ, утратило большую часть того вліянія, которое однажды отзывалось на каждомъ нравственномъ движеніи, однако оно продолжаетъ дѣйствовать въ различномъ видѣ и во всѣ вѣка, даже въ наше время, которое, можетъ быть, наименѣе расположено къ метафорамъ, поэзіи и миѳологіи.

[16]) Augustinus, Die Civ. Dei, VII, 16. «Et aliquando unum deu plures, aliquando unam rem deos plures faciunt.»

Во-вторыхъ, я называю этотъ періодъ *миѳическимъ* не въ ограниченномъ смыслѣ слова, какъ оно обыкновенно употребляется, т. е. какъ будто этотъ періодъ необходимо связанъ съ разсказами о богахъ, геройхъ и героиняхъ. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ я понимаю слово *миѳологическій*, оно примѣнимо ко всякой сферѣ мысли и къ каждому классу словъ, хотя религіозныя идеи, какъ будетъ показано дальше, легче всѣхъ принимаютъ миѳологическое выраженіе. Какъ скоро слово, имѣвшее сперва метафорическое значеніе, употребляется безъ яснаго пониманія перехода отъ его первоначальнаго значенія къ метафорическому, то угрожаетъ опасность со стороны миѳологіи; какъ скоро ступени такого перехода забыты или замѣнены искусственными ступенями, мы имѣемъ дѣло съ миѳологіей или, такъ сказать, съ больнымъ языкомъ, относится ли онъ къ духовнымъ, или къ мірскимъ интересамъ. Почему я придаю этому выраженію—*миѳологическій*—столь обширное значеніе, какого оно не имѣло у Грековъ и Римлянъ, будетъ ясно, когда мы дальше увидимъ, что миѳологія, въ обыкновенномъ смыслѣ слова, есть только часть гораздо болѣе общаго фазиса, чрезъ который долженъ пройти каждый языкъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній я приступаю къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ случаевъ *корневой* и *поэтической* метафоръ.

Корневая метафора весьма часто встрѣчается въ корневыхъ и приставочныхъ языкахъ, но гораздо рѣже въ флективныхъ, какъ на пр. въ Санскритѣ, Греческомъ или Латинскомъ. Это, впрочемъ, не труд[illegible]ать себѣ. Первый толчекъ къ новому фазису в[illegible]ка, называемому *флективны*[illegible]ало имен[illegible]о, что не всегда можно [illegible]ѣ опр[illegible] словами то, что жел[illegible]говор[illegible] чувствовалась важнос[illegible] *блес*[illegible] и *блескъ* дня, и *бл*[illegible]а,

блистать, былъ видоизмѣ
Vi—vas—vat, солнце, va
ство. Въ корневыхъ и нѣк
простой корень vas могъ
выраженія, по свойству
ченій. Но и флективные
мѣры корневой метафоры
мы увидимъ, уже въ все
недоразумѣніямъ, и, въ

Въ Санскритѣ се
блистать; но какъ б
ловъ имѣетъ значеніе
этотъ глаголъ значит
стящимъ; это послѣд
чило больше, чѣмъ
услаждать, веселить.
этотъ глаголъ посте
Ведъ. Значеніе же
нымъ процессомъ
сяцу или звѣздамъ
rich, безъ всякой
Слово rích, какъ
имѣть всѣ эти зна
ріода Арійскихъ я
развившіяся вѣтви
что rich, въ этой
своихъ значеній,
хвалебной пѣсни,
го лице боговъ, и
щаго ихъ силу. [17])
выражены корнемъ
ны; они получили то
новыя и ясныя грам
ня. Такъ на пр. для
валась форма archí

[17]) Въ словахъ «rich
или содержится отдѣльный ос
нившійся въ поговоркѣ, или

деніе миѳологіи. Названіе rikṣha дано медвѣдю въ смы-
раго, блестящаго животнаго, и въ этомъ смыслѣ оно
общеупотребительно въ позднѣйшемъ Санскритѣ,
реческомъ и Латинскомъ. Это же названіе, въ зна-
блестящихъ, ведическими поэтами было примѣнено
звѣздамъ вообще и въ особенности къ тому созвѣз-
которое въ сѣверныхъ частяхъ Индіи было наибо-
замѣтно. Этимологическое значеніе слова rikṣha, т. е.
ченіе просто блестящихъ звѣздъ, было забыто, а об-
употребительное его значеніе медвѣдя всякому было
вѣстно. Такимъ образомъ случилось, что Греки, поки-
въ свою центральную родину и поселившись въ Евро-
удержали названіе Arktoṣ для тѣхъ же неподвижныхъ
вѣздъ; но не зная, почему имъ первоначально было
но такое названіе, они перестали говорить о нихъ,
къ о медвѣдяхъ во множественномъ числѣ, и называли
хъ просто Медвѣдемъ, Большою Медвѣдицею, приба-
авивъ еще медвѣжьяго пастуха, Arcturus (oûros пастухъ),
со временемъ даже Малую Медвѣдицу. Такимъ обра-
омъ названіе арктическихъ странъ основано на невѣр-
омъ пониманіи имени, образовавшагося нѣсколько ты-
сячелѣтій назадъ въ средней Азіи, и удивленіе, съ ко-
торымъ многіе глубокомысленные наблюдатели смотрѣли
на эти семь звѣздъ, не понимая, почему онѣ названы
медвѣдемъ, исчезаетъ передъ свѣдѣніями, которыя намъ
доставляютъ древніе анналы человѣческой рѣчи.

Съ другой стороны Индусы забыли также первоначальное значеніе слова rikṣha. Оно стало простымъ именемъ, по-видимому, съ двоякимъ значеніемъ, звѣздъ и медвѣдя. Въ Индіи, однако, преобладало значеніе медвѣдя, и такъ по мѣрѣ того, какъ rikṣha все болѣе стало устанавливаться, какъ имя этого животнаго, оно теряло свою связь съ звѣздами. Поэтому, когда въ позднѣйшія времена Семь Мудрецовъ стали общеизвѣстны подъ названіемъ Семи Риши, то потерявшіе связь семь rikṣha совпали съ Семью Риши, и много миѳовъ произошло относительно пребыванія семи мудрецовъ въ семи звѣздахъ. Таково происхожденіе миѳа.

есть то же производное отъ rich [illegible]
блестящій, стало названіемъ медвѣдя [illegible]
его глазамъ, или по его блестящей [illegible]
Это же названіе въ Санскр. [illegible]
стящимъ. Въ позднѣйшемъ Санскр. [illegible]
ляется какъ въ значеніи мужеск. [illegible]
въ Ведахъ же только въ мужеск. [illegible]
24, 10. есть слѣдующее мѣсто: «Эти [illegible]
женныя звѣзды, видимыя ночью, [illegible]
Замѣчательно, что комментаторъ [illegible]
реводомъ слова riksha въ значеніи [illegible]
указываетъ на преданіе Vâjasan[illegible]
что звѣзды, названныя здѣсь riksha[illegible]
которое въ позднѣйшемъ Санскр. [illegible]
Риши или Мудрецовъ.» Это [illegible]
продолженіе всей ночи, [illegible]
тому вопросъ, куда онѣ уходятъ [illegible]
мущественно къ нимъ. Какъ [illegible]
такое преданіе, и вопросъ [illegible]
можно ли его объяснить. За[illegible]
ванное здѣсь rikshas, въ значеніи [illegible]
скритѣ одноименно съ медвѣдями [illegible]
по-видимому, безъ всякаго основ[illegible]
Греками и Римлянами называ[illegible]
ч., árktos и ursa. Это созвѣ[illegible]
телѣгу, но нѣтъ ни малѣйш[illegible]
Тутъ замѣтно вліяніе словъ [illegible]

умерщвлять, Греч. κτάν; Ауорект[illegible]
щвлять, κτί; Лео Мейеръ (374) [illegible]
прибавить ksh, владѣть κτάομαι [illegible]
если это послѣднее стоитъ вм. [illegible]

[22]) Гриммъ (Deutsches [illegible]
ваетъ r.iksha, медвѣдь, не только [illegible]
Иранск. art (вм. arct), но и съ [illegible]
описываемый Цесаремъ alces ([illegible]
дило бы въ r.iśa или .risya [illegible]
4. 10., съ которымъ Веберъ [illegible]
r.cus, первоначальная [illegible]

:ясненіе Вар-
.а-то эти семь
въ. Но дѣло въ
·логической цѣ-
рѣчается, и что
ится какъ о семи
.ѣ,» boves et temo,
названіе. Если со-
.ыше, Arcturus, по-
рь или пастухъ, то
заключеніе, что бы-
·наха) тянули два или
, семи звѣздахъ гово-
.обныхъ вопросахъ не-
.ьно, однако можно по-
происходящее отъ terra,
звѣздъ. Мы видѣли, что
.ваются star—as, сыплю-
олько сокращенное sterula.
:одятъ Англ. Star и Нѣм.
:скритѣ есть еще другое наз-
іенным началнымъ s. Та-
.ма нерѣдко, [22]) такъ что Лат.
первоначальное strio, звѣзда.
.рѣло, какъ riksha, то Septem-
ціоннымъ именемъ; и если, по
тинскомъ для быка было просто-
производимое въ такомъ случаѣ
тер—етъ, Греч. Τείρω,*то земле-
n triones, семи звѣздахъ, естествен-
.ъ себѣ семь быковъ.

.олько въ томъ, что бы семь звѣздъ мо-
.влять собою картину семи животныхъ,
ровъ; точно также мнѣ кажется, что
ворили, какъ о *ярмѣ*, temo. По сло-
:ѣ назывались «boves et temo,» быками
собо какъ тѣмъ, такъ и другимъ. Можно

Zeitschr. VI, 4 и слѣд.

Единственный сомнительный пунктъ въ исто
ва о Большой Медвѣдицѣ, это—неизвѣстность
этимологическаго значенія слова riksha. Непоня
чему изъ всѣхъ животныхъ именно медвѣдя назы
стящимъ. [20]) Правда, что причина многихъ наз
насъ необъяснима, и что часто нужно довольс
тѣмъ, что такое-то имя происходитъ отъ такого
и потому первоначально имѣло такое-то значен
гихъ сѣверныхъ народовъ, не знавшихъ льва, м
царь звѣрей; также было бы трудно сказать,
вніе Германцы называли его Goldfusz, златс
если бы даже отказаться отъ производства
корня arch, то позднѣйшіе слѣды въ и
слова все-таки остались бы тѣ же самые. R
отъ корня arch, сіять, смѣшалось бы съ rik
произведеннымъ отъ какого нибудь другаго
отъ arś или riś, терзать, рвать; но это н
причины, почему впослѣдствіи извѣстны
понимаемы какъ медвѣди. Нужно такжс
въ Ведахъ медвѣдя еще очень мало зн
мѣстахъ, гдѣ riksha встрѣчается въ Риг
сняется Сайаною въ смыслѣ портящаго г
значеніи медвѣдя. Въ позднѣйшей ли
часто встрѣчается съ значеніемъ медвѣд

Другое названіе Большой Медвѣд
начально семи медвѣдей или собственно
звѣздъ, есть Septemtriones. Оба слова
названіе, встрѣчаются также отдѣльно
tri septem soliti vocitare triones. [21]) Г
не совсѣмъ ясномъ мѣстѣ (L. L. VII.
что triones было названіе, которымъ
земледѣльцы означали быковъ, пах
Если бы можно было положиться

---

[20]) См. замѣчанія Вельккера о волкѣ въ ег
[21]) Arat. in N. D. II. 41, 501.
[22]) Triones enim boves appella
quom arant terram; e quis ut dict
glebas, sic omnis qui terram
dicerentur e detrito.

ъ
ж-
am
ать

дора-
зденіе
ыкахъ
ѣмъ не
ранцуз-
зыкахъ.
Vallnuss,
амое, что
ѣдѣ. Wal-
м. wälsche
цкое wälsch
Германцами
мъ; въ Гер-
аютъ Welsch-
іе дали Кельт-
, которые по-
wealas. Итакъ
ный орѣхъ; Ли-
рѣхомъ, [28]) Рус-
перь же, говоря
летъ о ихъ проис-

Палестинскимъ. Онъ
ковъ, которые, вслѣд-
лимскими. Артишо-
)-итальянски названы
sol, солнце. Вотъ ка-
віе внѣшняго сходства,

rẽssutys, грецкій орѣхъ. Нѣм-
сто Англ. walnut встрѣчается
и walshnut въ Herbal Gerard'
съ двумя l и [redacted]

представить себѣ четыре звѣзды быками, а
или четыре звѣзды телѣгою, одну—ярмом
быками; но едвали когда либо называли всѣ
вмѣстѣ ярмомъ. Можно было бы на это воз
Лат. temo не только означаетъ ярмо, дышло,
и что оно потому равнозначуще съ hâmaxa
быть, но не смотря на показаніе Варрона, [24]
доказано, чтобы Лат. temo дѣйствительно из
телѣги. Если Ювеналъ (Sat. IV, 126.) гово
mone Britanno exeidet Arviragus,» то здѣсь te
ярмо, дышло, потому что Бриты сражались
лѣ своей колесницы [25]). Въ другихъ мѣс
слову temo приписываютъ значеніе телѣги
означаетъ только наше созвѣздіе; но вѣ
сколько не доказывается, чтобы temo когда
значеніе телѣги.

Temo стоитъ вмѣсто tegmo и произво
ня taksh, отъ котораго происходитъ также ti
но. Также Франц. le timon никогда не зна
но дышло, то же что Нѣм. Deichsel, Англ
или thisl [27]); всѣ эти слова, въ полномъ согла
мовымъ закономъ, происходятъ отъ того же
или taksh, какъ и temo. Англ. team, цугъ,
не имѣетъ никакой связи съ temo или tir
сходитъ отъ Англо-Саксонскаго глагола
Нѣм. ziehen, Готск. tiuhan, Лат. duco. Э
teon, какъ и Нѣм. ziehen, имѣлъ однако та

[24]) Varro L. L. VII. 75. Temo dictus a tenendo, jugum. Et plaustrum appellatum, a parte totum, ut multa
[25]) Caesar, de Bell. Gall. VI. 33, v. 16.
[26]) Stat. Theb. I. 692. Sed jam temone supino Lan
glacialis portitor Ursae.
Slat. Theb. I. 370. Hyberno deprensus navita ponto
piger, neque amico sidere monstrat Luna vias.
Cic. Nat. D. II. 42 (vertens Arati carmina) Arctop
dicitur esse Bootes, Quod quasi temone adjunctam prae se
Ovid. Met. X. 447. Interque triones Flexerat obliq
mone Bootes.
Lucan. lib. IV. V. 523. Flexoque Ursae temone pa
Propert. III. 5, 35. Cur serus versare boves et pla
[27]) Англо-С. thisl употребляется какъ названіе co
Медвѣдицы, какъ temo.

...ziehen, Zucht и züchten, такъ ...требляются въ смыслѣ происхож... (по-англ. для различія отъ team ... смыслъ: производить, раждать ...

...языку языка, миѳологическія недора... то, которое дало происхожденіе ...ѣдицѣ, въ древнихъ языкахъ ...чаще, чѣмъ въ нашихъ. Тѣмъ не ...ія мы находимъ даже во Француз... и другихъ современныхъ языкахъ. ...ть Англ. walnut, Нѣм. Wallnuss, ...wall, валомъ, было бы тоже самое, что ...ikshas, rikshas, какъ о медвѣдѣ. Wel... Англ. Сакс. wealh-hnut, Нѣм. welsche ... italiänskiй орѣхъ. Нѣмецкое welsch ...чужой, иностранный и Германцами ...нялось къ Итальянцамъ; въ Гер... время Италію называютъ Welsch... Германцы это же названіе дали Кельт... британскихъ острововъ, которые по... wealh. множ. ч. wealas. Итакъ ...ъ вообще иностранный орѣхъ; Ан... ...итальянскимъ орѣхомъ, [20]) Рус... ...греческимъ. Теперь же, говоря ...ите уже не думаетъ о ихъ проис...

...называется Цавестійскимъ. Отъ ...изъ вышеписъ. которые, вслѣд... ...Indra славянскимъ. Артимо... ...въ итальянскіе названы ...Sūra, и Sūla солнце. Вотъ ка... ...ихъ весьма небольшого сходства,

[20]) ... Вышеприведенное греческое орѣхъ. Нам... ...Этимологія Англ. walnut потрѣчается ... у Gerarde'a. Herbal и Herbal Gerarde'a. ... и произошло изъ ра...

...въ Ве... ...нь болѣе ...ень зна... ...е блестя... Отъ него ...е масло, ...почвы и ..., и пото... ...ло-ясно... ...ріtánikoij ...ествящими ...ся ghr.i... ...атыя жи... ...ленные и ...ht.ha, съ ...нные въ ...щія отъ ...; въ позд... ...ми состра... ...е значитъ ...ще жаръ, ...аго, жар... ..., молокѣ; ...т. formus,

...го видоиз... ...водныхъ въ ...значитъ бли... ...мъ имѣемъ въ *по* получило ...къ какъ бы ...представленію ...относятся: *го... жолчь*, *желк...* ...корень послу... ...нія и през...

представит
или четы
быками;
вмѣстѣ яр.
Лат. temo
и что оно
быть, но
доказано,
телѣги. Ec
mone Brita
ярмо, дыш
лѣ своей
слову tem
означаетъ
сколько н
значеніе т
Tem
ня taksh,
но. Такж
но дышло
или thisl
мовымъ з
или taksh
не имѣет
сходитъ
Нѣм. zi
teon, ка

24)
jugum. Et
25)
26)
glacialis po
Slat
piger, neq
Cic.
dicitur ess
Ovi
mone Boo
Lu
Pr
27)
Медвѣдиц

по всѣмъ на-
ыносятъ сол-
есницу воина.
Блестящіе Га-
бывшіе сперт-
призываются
олесницу Ут-
рится: «Ви-
ъ къ намъ

ахъ свѣта
ственнымъ
ыраженіе,
томъ язы-
нѣйшихъ
етафори-
де, есть
менъ, и
ѣйшими
ка, ко-
о наз-
шади,
—у,*
ъ лу-
огда
ружъ-
емъ
и
ка.
и,
о

дало происхожденіе названіямъ іерусалимскихъ ар
ковъ и палестинскаго супа!

Одно изъ семи чудесъ Дофинеи во Франціи,
la Tour sans venin, башня безъ яда, близъ Грено
Говорятъ, что ядовитыя животныя, приближаясь
башнѣ, тотчасъ умираютъ. Хотя этотъ опытъ бы
водимъ, и каждый разъ неудачно, однако въ
родьи по прежнему продолжаютъ вѣрить въ чу
силу того мѣста. Основываются на названіи
sans venin, и болѣе просвѣщенные люди с
ся развѣ только съ тѣмъ, что башня въ новѣ
могла потерять свой чудотворный характеръ,
въ прежнія времена навѣрное не была его
стоящее же названіе этой башни и близле
вни есть San Verena или Saint Vrain, а
въ san veneno и наконецъ въ san venin.

*Звуковое сходство имени древне-Славя
ства Волоса съ именемъ Св. Власія, и нѣко
общія имъ обоимъ, послужили поводомъ
смѣшенію древняго языческаго бога съ
святымъ.

Примѣромъ тому, какъ иногда, вслѣдс
перемѣны слова, забывается и первонача
ченіе и какъ, вслѣдъ за тѣмъ, для новой
скивается и новая этимологія, можетъ по
названіе секты, извѣстной подъ именемъ
Она первоначально называлась Христов
чила свое названіе отъ Христа, а не о
стать, т. е. отъ бичеванія своего тѣ
плоти.*

Ограничимся однако этими примѣр
шей миѳологіи еще впереди, и потому
къ древней миѳологіи. Въ Санскритѣ
означающій, какъ и ark, блистать,
щать; [30]) онъ употреблялся первоначалы

[29]) Brosses, Formation Mécanique des Langu
[30]) Kuhn's Zeitschr. I. 154, 566; III, 34
(Pictet).

Этотъ первоначальный смыслъ сохранился въ Ве-
гдѣ говорится, что крецъ дѣлаетъ огонь болѣе
ъ, окропляя его масломъ. Но этотъ корень зна-
просто окропленіе, а всегда окропленіе блеста-
рнымъ веществомъ (beglitzern). [21]) Отъ него
ъ ghṛita, новѣйшее ghi, растопленное масло,
топленый жиръ (Schmalz), жирность почвы и
Но жирный значитъ также блестящій, и пото-
заря называется ghṛitápratikâ, свѣтло-ясно-
принимаетъ это же названіе; ghṛitánirṇij
замасляными платьями и съ блестящими
и Агни или огня также называются ghṛi-
собственно имѣющіе спины, покрытыя жи-
сно съ коментаторомъ, откормленные и
же кони называются vítapṛishṭha, съ
синами, и ghṛitasnáḥ, выкупанные въ
увлажненные. Другія производныя отъ
ghar—ghṛiṇá, солнечный жаръ; въ позд-
ѣ ghṛiṇâ, сердечная теплота или состра-
аръ или презрѣніе; ghṇi тоже значитъ
жаръ. Gharmá есть вообще жаръ,
еже въ смыслѣ всего горячаго, жар-
о солнцѣ, огнѣ, горячемъ молокѣ;
Греческимъ thermós и Лат. formus,

ъ отъ корня ghar, или его видоиз-
е имѣемъ много производныхъ въ
жара. Лат. zerêti значитъ бли-
ченіе свѣта, блеска мы имѣемъ въ
ница, зарево; золото получило
цвѣта, его блескъ какъ бы
ніе. Далѣе къ представленію
жара, огня, относятся: ло-
рькій, горчица; жалчь, жол-
ъ Санскр. этотъ корень посму-
ѣ теплоты, состраданія и през-

[illegible]

а-
р-
гся
Уг-
Ви-
гамъ

свѣта
нымъ
женіе,
ъ язы-
ѣйшихъ
этафори-
де, есть
именъ, и
внѣйшими
зыка, ко-
, что наз-
ніе лошади,
, *вез—у,*
общихъ лу-
разъ, когда
ъ умѣ возбуж-
опять имѣемъ
нцѣ, Helios, и
того источника.
какъ мы видѣли,
а первоначально
ложалуй сама Ут-
утренняя заря про-
ственно быстро иду-
риты не всегда пред-
да, какъ и Утренняя
скій видъ. Такъ (VII.
грами, или (IX. 86, 73)

рѣнія, такъ въ Русскомъ съ словами, какъ *сожалѣніе*, *жаль*, *жалкій*, *горе*, *горевать*, мы связываемъ представленіе пожирающаго внутренняго огня. Наконецъ корень ghar далъ происхожденіе еще одной группѣ словъ въ значеніи зрѣнія: *зрѣть*, *зрѣніе*, *зоркій*, *взоръ* и пр.*

Вмѣсто ghar мы находимъ другой, незначительно видоизмѣненный корень har, съ тѣмъ же значеніемъ. Отъ него есть много производныхъ словъ, изъ которыхъ два часто встрѣчающіяся—hári и harit, оба съ первоначальнымъ значеніемъ блестящаго. Теперь примемъ къ свѣдѣнію, что хотя иногда ведическіе поэты представляютъ себѣ солнце и утреннюю зарю конями [32]) или какъ бы рысаками, однако болѣе обыкновенно у нихъ было то представленіе, что солнце и утренняя заря были влекомы конями. Весьма естественно, что этихъ коней называли hári или harit, блестящими; къ нимъ прилагается много подобныхъ именъ, какъ на пр. aruná, arushà, rohit и пр. [33]), и всѣ они выражаютъ блескъ цвѣта въ различныхъ оттѣнкахъ. Впослѣдствіи эти прилагательныя стали существительными. Какъ harinâ, означавши первоначально блестящій, бурый, получило значеніе антилопы, или какъ мы гнѣдыхъ или вороныхъ лошадей называемъ просто гнѣдыми и воронымі, точно также ведическіе поэты коней Солнца и Утренней Зари называли Harit'ами, оба Hari у нихъ были кони Индры, а Rohit'ы—кони Агни или огня. Со временемъ этимологическое значеніе этихъ словъ было забыто, hari и harit стали традиціонными названіями коней, представлявшихъ Утреннюю Зарю и Солнце, или же впряженныхъ, какъ воображали, въ ихъ колесницу. Если ведическій пѣвецъ говоритъ, что «Солнце запрягло Гаритовъ для своего шествія», то какой тутъ первоначальный смыслъ? Это означало не болѣе того, что представлялось каждому глазу, именно, что блестящіе лучи свѣта, видимые во время утренней зари передъ восхожденіемъ солнца, собираясь на Востокѣ,

32) М. Миллера, Essay on Comprative Mythology, стр. 82. Ср. Sanscr. Wörterb. von Bothl. und Röth, подъ слов. as va.
33) M. M. Essay on C. M., 81—83.

подымаются къ небу, и, отражаясь по всѣмъ направленіямъ съ быстротою молніи, выносятъ солнечный свѣтъ, какъ кони везутъ колесницу воина. Но кто можетъ остановить движеніе языка? Блестящіе Гариты мчатся какъ кони, но вскорѣ они же, бывшіе сперва сами утреннею зарею или ея лучами, призываются назадъ, и запрягаются, подобно конямъ, въ колесницу Утренней Зари. Такъ въ Ригведѣ VII. 6 говорится: «Видно, какъ свѣтлые, блестящіе кони влекутъ къ намъ свѣтлую Утреннюю Зарю.»

Если спросить, какимъ образомъ о лучахъ свѣта могли говорить какъ о коняхъ, то самымъ естественнымъ отвѣтомъ будетъ то, что это было поэтическое выраженіе, какое всякій могъ употреблять. Но слѣдя за ростомъ языка и поэзіи, мы находимъ, что многія изъ позднѣйшихъ поэтическихъ выраженій покоятся на томъ же метафорическомъ началѣ, которое, какъ мы видѣли прежде, есть сильный дѣятель въ первобытномъ образованіи именъ, и что они позднѣйшимъ поэтамъ передавались древнѣйшими поэтами, т. е. образователями того самаго языка, которымъ они говорили. Такъ напр. мы видимъ, что названіе огненнаго пламени vahni, есть также названіе лошади, такъ какъ vahni производится отъ корня vah, *[illegible]* уношу. Есть еще много другихъ названій, общихъ лучамъ свѣта и лошадямъ, такъ что каждый разъ, когда произносились эти названія лучей свѣта, въ умѣ возбуждалось и представленіе о лошади. Тутъ мы опять имѣемъ дѣло съ миѳологіей, ибо всѣ миѳы о солнцѣ, Helios, и его коняхъ непремѣнно истекаютъ изъ этого источника.

Одно изъ названій коней солнца, какъ мы видѣли, было Harit, и подъ этими конями солнца первоначально понимались лучи утренней зари, или пожалуй сама Утренняя Заря. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утренняя заря просто называется кобылицею, asva, собственно быстро идущій свѣтъ. Однако даже въ Ведѣ Гариты не всегда представляются просто конями, но иногда, какъ и Утренняя Заря, принимаютъ болѣе человѣческій видъ. Такъ VII. 66, 15) они называются Семью сестрами, или [illegible] 73

имѣетъ ничего общаго съ первоначальнымъ названіемъ звѣздъ. Напротивъ, полагали, что Каллиста превратилась въ Arktos или Большую Медвѣдицу, потому что она была мать Аркада, т. е. Аркадскаго медвѣжьяго племени, и ея имя, или имя ея сына напоминало Грекамъ о давно установившемся у нихъ названіи сѣвернаго созвѣздія. Тутъ мы видимъ миѳологію безъ всякой связи съ религіей; это миѳологическое недоразумѣніе весьма похоже на то, какое намъ представляется въ «Палестинскомъ [illegible]» или въ «La Tour sans venin.»

Теперь разсмотримъ другой классъ метафорическихъ [illegible]женій. Къ первому классу принадлежатъ тѣ случаи, [illegible] два существенно различныя понятія получаютъ наз[illegible] отъ одного и того же корня. Метафора въ этомъ [illegible] происходила одновременно съ образованіемъ словъ; [illegible] корень и его значеніе видоизмѣнились, когда бы[illegible] приспособлены къ различнымъ понятіямъ, требовав[illegible] названія. Это—*корневая метафора*. Если же наз[illegible] какой нибудь цвѣтокъ звѣздою, или паруса крыль[illegible] [illegible] конемъ, луну коровою, или примѣнить гла[illegible] *[illegible]мирать* къ заходящему солнцу; или сказать, что [illegible] обнимаетъ землю, или солнечные лучи цѣ[illegible] [illegible] море, то это—*поэтическія метафоры*; онѣ [illegible] часто встрѣчаются въ исторіи древняго языка и [illegible] мысли. Такъ напр. видя, что золотистые солнеч[illegible] [illegible] какъ будто играютъ съ листьями деревьевъ, [illegible] естественно назвали эти распростертые лучи ру[illegible] [illegible] Ведахъ [illegible] Savitar, одно изъ названій солнца, [illegible] *златорукаго*. Кто могъ бы подумать, что [illegible] стая метафора могла произвести какое либо ми[illegible] [illegible] недоразумѣніе? Тѣмъ не менѣе комментато[illegible] [illegible] названіи [illegible], примѣняемомъ къ [illegible] не золотой блескъ его лучей, а золото, [illegible] въ [illegible] рукахъ и готово излить [illegible] Изъ этого древняго есте-

[illegible] Savitaram upa hvaye.
[illegible] ubho dyâ vapr ithivi antar iyate.

Эти значенія д-ръ Зонне объясняетъ указаніемъ на Русскія слова *краска*, *красный*, *краса*, *краснѣть*, *красоваться*. Онъ совершенно справедливо сомнѣвается въ тожествѣ Греч. chairō и Санскр. hrish, Лат. horreo, считая chairo за Греч. форму корня ghar, блистать, радоваться, спрягаемаго по четвертому классу. Тожество Санскр. haryati, онъ желаетъ, съ Греч. thélei, мнѣ кажется сомнительнымъ.

Д-ръ Зонне не говоритъ, почему онъ предпочитаетъ отожествленіе chāris съ Санскр. hāri болѣе, чѣмъ съ harit. Можетъ быть по случаю ударенія? Я положительно думаю, что была форма chāris, соотвѣтствующая формѣ hāri, и отъ нея я произвелъ бы винит. пад. chāri[illegible] [illegible] chārita, а также прилагательное charieis (harivat). Но во всякомъ случаѣ для объясненія формъ, подобныхъ chāris, chārites, я удержалъ бы то основаніе, которое мы имѣемъ въ harit. Нѣтъ никакого свидѣтельства, чтобы Греч. chārit когда-либо испытало такое же превращеніе, какъ Санскр. harit, и чтобы оно у Грековъ имѣло значеніе коня. Греческіе и Санскритскіе миѳы, какъ и слова, должно разсматривать не какъ подчиненные, но какъ равносильные между собою; [illegible] [illegible], чтобы Греческіе миѳы или слова относилъ я къ Санскритскимъ, какъ къ ихъ прототипамъ. О *Харитахъ* я сказалъ очень мало. На стр. 81 моего «Essay on Co[illegible] [illegible] mythologie,» сказано:

«Въ другихъ мѣстахъ Гариты принимаютъ одни [illegible] человѣческій образъ; и какъ утренняя заря, [illegible] [illegible] просто asvā, [illegible] была, хорошо извѣст[illegible] [illegible] названіемъ сестры, то и эти Гариты называют[illegible] Семью Сестрами (VII. 66, 1[illegible]); въ IX. 86, 37 онѣ [illegible] [illegible] прекраснокрылатыми Гаритами. Послѣ этого ед[illegible] [illegible] нужно повторять, что у насъ тутъ прототипъ Греч[illegible] [illegible] Харитъ.»

Если я въ другомъ какомъ либо случаѣ произве[illegible] Греческій миѳъ отъ Санскритскаго, или, по выраженію д-ра Зонне, языческій миѳъ отъ языческаго, вмѣсто того, чтобы произвести оба изъ общаго Арійскаго исто[illegible]

ника, то мои слова могли быть иначе поняты. [10]) Но *какъ* они высказаны въ моей статьѣ, они должны показать, что, прослѣдивъ *Гаритовъ* до ихъ самаго первичнаго *источника* и показавъ, какъ, происходя оттуда, они вступили на свое миѳологическое поприще въ Индіи, гдѣ можно отыскать ту форму въ древнѣйшемъ ея видѣ, изъ которой образовался миѳъ о Греческихъ Харитахъ, между тѣмъ какъ такіе эпитеты, какъ «сестры,» или «прекраснокрылатыя,» могли показывать, какъ представленія, развившіяся дальше въ Индійской миѳологіи, подъ [illegible]ческимъ небомъ выросли въ тѣ прелестныя человѣ[illegible]скія формы, какимъ мы удивляемся въ граціяхъ Эллады. [illegible] я призналъ, такъ сказать, личное тожество Греческой Хариты, Афродиты, утренней зари, съ Санскритскою Ушасою, утреннею зарею, видно изъ краткаго [illegible] въ концѣ моей статьи на стр. 36:

»Онъ (Эрота) младшій изъ боговъ, сынъ Зевса, [illegible] Харитъ, также сынъ первой Хариты, Афродиты, [illegible] нельзя не узнать женскаго Эрота (Ushâ, [illegible] заря, вмѣсто Agni aushasya).»

[illegible] д-ръ Зонне увидитъ, что даже тамъ, гдѣ [illegible] и не сходятся, онѣ все-таки параллельны, [illegible] дѣйствуемъ въ томъ же духѣ и стремимся къ [illegible].

[illegible]ся
[illegible], са-
[illegible]зывать
исторіи

когда не
[illegible], и ни-
[illegible] быть, и
[illegible] бы го-
[illegible]

[illegible]

[illegible] доводахъ, его все-таки раздѣл[illegible] [illegible] Далѣе мы увидимъ, что А[illegible] [illegible] глубокое основаніе религіи, [illegible] склоненъ, считать миѳоло[illegible] [illegible] религіи изобрѣтенною съ цѣл[illegible] [illegible] законъ и порядокъ. Разби[illegible] [illegible] полнымъ правомъ могъ воскл[illegible] [illegible] во всемъ своемъ основа[illegible] [illegible] что понятіе о безсмертн[illegible] [illegible] для государства съ [illegible] [illegible] призывать къ долгу тѣ[illegible] [illegible]) Если бы полез[illegible] [illegible] умными людьми, [illegible] разсказы о богах[illegible] [illegible] пустымъ поэтамъ; та[illegible] [illegible] совершенно ясно б[illegible] [illegible]

[illegible] можно назвать *физ*[illegible] [illegible] въ самомъ общемъ [illegible] [illegible] даже то, что обы[illegible] [illegible] объясненіемъ. [illegible] составители миѳол[illegible] [illegible] извѣстными явле[illegible] [illegible] которое понятіе о естеств[illegible] [illegible] пользовались язы[illegible] [illegible] или времени, въ кото[illegible] [illegible] языкомъ которы[illegible] [illegible] ихъ священной му[illegible] [illegible] этого класса, какъ [illegible] [illegible] на точное первона[illegible] [illegible] миѳа, все-таки [illegible] [illegible] не слѣдуетъ поним[illegible] [illegible] ковaній наиболѣе [illegible] [illegible] такъ какъ это [illegible]

—самое общее названіе въ языкѣ, коимъ [illegible]
понимается другое. **)

Столь древній философъ, [illegible] **)
ченикъ Пиѳагора, [illegible]
къ Ѳетеръ, воздухъ, [illegible]
послѣ него [illegible]
шихъ имѣнемъ [illegible]
менно четырехъ [illegible]
ты бы не считались [illegible]
ли были и имена [illegible]
ныя [illegible]
[illegible]
Ша [illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible] лъ
[illegible] акъ
[illegible] Але-
[illegible] едонія,
[illegible] лицію для
[illegible] лсное море
[illegible] е извѣстно.
[illegible] онъ въ одной
[illegible] говоритъ, что
[illegible] о, пока достигъ
[illegible] о его словамъ,
[illegible] ді), отъ чего и книга
[illegible] γραφή, которыя со-
[illegible] шихъ Греческихъ бо-
[illegible] хъ какъ боговъ, а какъ

...и мудрецовъ, получившихъ по сме...
...почести у своихъ ближнихъ. 27)
...самаго Эвгемера, равно какъ и ...
...енный Энніемъ, затеряны, и намъ оче...
...о ея общемъ духѣ, такъ и о тол...
...ихъ божествъ, однако эта книга въ св...
...ское впечатлѣніе, что слово Эвгем...
...ніемъ такой системы миѳологическа...
...трицаетъ существованіе божествен...
...дитъ боговъ на уровень человѣка...
...матическое отрицаніе боговъ, приписы...
...лѣдуетъ однако отличать отъ частнаго...
...ципиовъ, что мы находимъ у многихъ...
...й. Такъ напр. Гекатей, самый пра...
...говоритъ, что Геріонъ Эриѳейскій...
...ъ богатый стадами царь Эпирскій;
...исподней, была извѣстная змѣя, жи...
...а мысѣ Тенарскомъ. 29) Эфоръ пре...
...збойника и змѣя Пиѳона въ безпо...
...30) по имени Пиѳонъ или Драконъ,
...умертвилъ своими стрѣлами. По мнѣ...
...овѣрнаго писателя Геродота, оба
...нита, полетѣвшіе въ Либію и Додону
...мѣста для пребыванія оракула Зевса,
...нечто иное, какъ женщины, пришедшія
...ую въ Додону, говоритъ онъ, назвали
...о она говорила чужимъ языкомъ, по...
...зуки, а назвали ее именно чернымъ
...нѣ смуглаго египетскаго цвѣта ея
...е онъ выставляетъ не какъ свое ли...

... claros aut potentes viros tradunt post mortem ...que esse ipsos quos nos colere, precari, venera... expertes sunt religionum omnium? Quae ratio ...emero est, quam noster et interpretatus et se... Ennius.—Cic. De Nat. Deor I. 42.
...e, I. 326.
...e, H. G. I, 552.
...ъ ведическимъ Ahir Budhnya.

чное убѣжденіе, но какъ основанное на показаніяхъ, сдѣланныхъ ему египетскими жрецами, поэтому я считаю это объясненіе историческимъ, а не просто аллегорическимъ. Подобныя объясненія чаще встрѣчаются у позднѣйшихъ Греческихъ историковъ, которые, не признавая ничего сверхъестественнаго или чуднаго за историческій фактъ, разоблачаютъ древнія легенды отъ всего, что дѣлаетъ ихъ невѣроятными, и потомъ говорятъ о нихъ, какъ о дѣйствительныхъ событіяхъ, а не какъ о вымыслахъ. [31]) Согласно съ ними Эолъ, богъ вѣтра, былъ древнимъ морякомъ, опытнымъ въ предсказаніи погоды; циклопы были дикое племя, обитавшее въ Сициліи, Кентавры были наѣздники; Атласъ былъ великій астрономъ, а Сцилла—быстро плавающій морской разбойникъ. И эта система, подобно первой, сохранилась почти до нашего времени. Древніе христіанскіе, полемики Св. Августинъ, Лактанцій, Арнобій, воспользовались этими аргументами при нападеніяхъ на вѣроисповѣданіе Грековъ и Римлянъ, порицая ихъ за то, что они обожаютъ боговъ, которые вовсе не боги, а какъ извѣстно и дознано, только обоготворенные смертные. Нападая на религію Германскихъ націй, Римскіе миссіонеры прибѣгали къ тѣмъ же доводамъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ Англамъ въ Англіи, что *Воданъ*, котораго они считаютъ за главнаго и лучшаго изъ всѣхъ боговъ, отъ котораго они производятъ свое происхожденіе, и которому они посвятили четвертый день недѣли,—что онъ былъ смертный человѣкъ, именно царь Саксовъ, отъ котораго многія племена производятъ свое происхожденіе. Когда его тѣло разрушилось въ прахъ, его душа была похоронена въ аду и испытываетъ тамъ вѣчный огонь. [32]) Слѣды этой системы мы находимъ еще во многихъ изъ нашихъ руководствъ миѳологіи и исторіи. О Юпитерѣ все еще говорятъ какъ о властелинѣ Крита; о Геркулесѣ какъ о по-

31) Grote, I 354.
32) Kemble, Saxons in England, I. 338. Legend. Nova, fol. 210 a.

[illegible] [illegible] или странствующемъ рыцарѣ; [illegible] былъ [illegible] на Востокѣ, и Ахиллъ, сынъ Юпитера и [illegible], былъ сильный воинъ при осадѣ Трои. Самая [illegible] Троя [illegible] все еще считается за историческій [illegible], хотя [illegible] основывается ни на какихъ другихъ до- [illegible], какъ и похищеніе Гелены Ѳезеемъ, и [illegible] [illegible] Олимпа Титанами или [illegible] [illegible] Вавилонъ, описываемое въ [illegible] [illegible] вѣковъ.

Эта теорія [illegible] была сперва принята, но не [illegible] [illegible] въ прошломъ столѣтіи [illegible] [illegible] историковъ [illegible] [illegible] Abbé Banier' [illegible] [illegible] на основані [illegible] [illegible] значеніе [illegible] [illegible] Англійск [illegible] [illegible] и въ Англіи. [illegible] [illegible] что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

такаго пѣвца своей славы? [25]) Не приводилъ ли Цицеронъ при исчисленіи мудрецовъ и Нестора и Улисса?—и помѣстилъ ли бы онъ между ними простые призраки? Не говоритъ ли намъ Цицеронъ (Tusc. Quaest. I. 5.), что только неутомимое стараніе Атласа и Прометея въ наблюденіи небесныхъ тѣлъ, послужило поводомъ къ миѳу, что будто одинъ поддерживаетъ небосклонъ своими плечами, а другой прикованъ къ горѣ Кавказу? Я могъ бы здѣсь привести много авторитетовъ изъ древнихъ писателей, древнихъ Отцовъ Церкви. Арнобія, Лактанція и другихъ, которые за основаніе миѳовъ принимали [illegible] ическіе факты; я могъ бы окончить [illegible] самыхъ извѣстныхъ современныхъ [illegible] рые въ древнихъ сказаніяхъ находятъ [illegible] еданій первобытныхъ вѣковъ.» [illegible] вѣстныя неоспоримыя аргументаціи [illegible] ше время! Въ другомъ мѣстѣ [illegible] жу, что въ миѳѣ о Минотаврѣ [illegible] ся не что иное, какъ интрига [illegible] съ морякомъ по имени Тавръ, а [illegible] ько хитрый наперсникъ. А[illegible] своими плечами, былъ царь, [illegible] съ глобусомъ въ рукахъ [illegible] тельнаго сада Гесперидовъ [illegible] ъ были апельсины, охраняемые [illegible] Еще упомянемъ о тѣхъ [illegible] принадлежа къ этой же [illegible] искали слѣдовъ не свѣтс[illegible] и подобно Bochart'у, [illegible] черты Ноя, а въ трехъ [illegible] и Плутонѣ—три сына [illegible] Vossius въ своемъ [illegible]

[illegible] 21.
[illegible] 20.
[illegible] Sacra, I: «Noam [illegible] locus.» Ut Noam [illegible] Noae filios cum [illegible]

[illegible] nicos deos, in ipsa [illegible] provenisse, nunc pre- [illegible] doctrinis, et institutis, [illegible] nam Mythologiae ipsorum [illegible]

1864: — «The Cyclopes were [illegible] working [illegible] the East, [illegible] nce arch[illegible]

остроумный ученый, каковъ Гриммъ, кажется, не вполн
понялъ абсолютную силу этого правила. Пока не бы
извѣстно, что въ Санскритскомъ, Греческомъ, Латинском
Славянскомъ выраженіе для слова имя тожественно
Готскимъ namô, род. namins, было позволительно про
водить Нѣм. Name, имя, отъ Нѣм. глагола nehme
брать (Grimm, Grammatik, II, 30); это была вполнѣ законн
этимологія. Но когда стало извѣстно, что Санскр. nam
стоитъ вм. gna-man, какъ и Лат. nomen вм. gnom
(cognomen, ignominia), и что оно происходитъ отъ гл
гола gna, знать, то уже нельзя было признать про
водства слова Name отъ nehmen, а мѣсто того nam
должно было привести къ gna. [46]) Всякое слово може
имѣть только одну этимологію, какъ всякое живое сущ
ство имѣетъ одну только мать.

Примѣнимъ сказанное нами къ миѳологической фр
зеологіи Арійскихъ народовъ. Если бы намъ пришло
объяснить названія и миѳы однихъ только Гречески
боговъ, безъ всякой связи съ названіями боговъ други
народовъ, то производство названія *Зевса* отъ Гре
глагола zên, жить, было бы совершенно умѣстно. Н
коль скоро мы находимъ, что Греч. слово Zeus есть т
самое, что Санскр. Dyaus, или Ju въ Лат. Jupiter,
Tiu въ словѣ Tuesday, то, разумѣется, нельзя болѣе уд
влетворяться этимологіею, которая не объяснила бы всѣх
этихъ словъ вмѣстѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что для пон
манія происхожденія и значенія именъ Греческихъ богов
и для того, чтобы вникнуть въ первоначальное значен
миѳовъ разсказываемыхъ о нихъ, нельзя ограничить сво
взглядъ Греческимъ горизонтомъ, а должно взять въ со
ображеніе также и параллельныя свидѣтельства, оста
ваемыя Латинскою, Нѣмецкою, Санскритскою и Зендско
миѳологіями. Ключъ, открывающій одно названіе, должен
подходить ко всѣмъ, или иначе онъ не вѣрный ключъ.

Классическіе ученые дѣлали сильныя возраже
противъ такого способа умозаключенія и даже тѣ, кото
рые отказываются отъ Греческой этимологіи безъ свя
съ Санскритскою, протестуютъ противъ такого оскверн

ія Греческаго Пантеона, и противъ всякихъ [illegible] производить божества и имена Гомера и Гесіода отъ [illegible] бранамскихъ идоловъ. Я думаю, что это происходитъ только отъ недоразумѣній. Ни одному [illegible] ученому не придетъ въ голову производить какое-либо Греческое или Латинское слово отъ Санскритскаго. Санскритъ не есть отецъ Греческаго или Латинскаго языка, какъ напр. Латинскій отецъ Французскаго и Итальянскаго. Санскритскій, Греческій и Латинскій суть братья, видоизмѣненія одного и того же типа. Всѣ три указываютъ на болѣе раннее состояніе, когда они еще менѣе отличались между собою, чѣмъ теперь. Въ пользу Санскрита можно сказать только то, что онъ старшій братъ изъ нихъ, и что онъ удержалъ много словъ и формъ въ менѣе [illegible] видѣ, чѣмъ Латинскій и Греческій. Болѣе первобытный характеръ и болѣе прозрачное строеніе Санскрита естественно привлекли къ себѣ языковѣда, но не сдѣлали его слѣпымъ къ тому факту, что во многихъ отношеніяхъ Греческій и Латинскій, и даже Готскій и Кельтскій, сохраняли первобытныя черты, утраченныя Санскритомъ. Греческій стоитъ наравнѣ съ Санскритомъ, а не ниже его.

Есть однако еще другая причина, почему сравненіе Греческихъ боговъ съ Индійскими классическимъ ученымъ было особенно противно. Въ самомъ зародышѣ Санскритской филологіи столь извѣстный ученый, каковъ Соръ В. Джонсъ, старался отожествить божества современной Индійской миѳологіи съ Гомерическими богами. Это дѣлалось, однако, самымъ произвольнымъ образомъ и тѣмъ возбудило недовѣріе здравыхъ критиковъ ко всякой попыткѣ того же рода. Не станемъ винить Джонса за сравненіе Cupid'a съ Dipac (dîpaka), но сравнивать божества современныхъ Индусовъ, каковы Вишну, Сива или Кришна, съ Гомерическими богами—значитъ сравнивать современный Гиндустанскій языкъ съ древнимъ Греческимъ. Сперва нужно привесть Гиндустанскій къ Санскриту, а потомъ уже можно его сравнить съ Греческимъ и Латинскимъ, но не иначе. То же самое съ миѳологіей. Сначала слѣдуетъ прослѣдить современную систему Индійской ми-

остроумный ученый, каковъ Гриммъ, кажется,
понялъ абсолютную силу этого правила. Пока
извѣстно, что въ Санскритскомъ, Греческомъ, Ла
Славянскомъ выраженіе для слова *имя* тожест
Готскимъ namô, род. namins, было позволительн
водить Нѣм. Name, имя, отъ Нѣм. глагола
брать (Grimm, Grammatik, II, 30); это была вполнѣ
этимологія. Но когда стало извѣстно, что Санскр
стоитъ вм. gna-man, какъ и Лат. nomen вм.
(cognomen, ignominia), и что оно происходитъ
гола gna, знать, то уже нельзя было признать
водства слова Name отъ nehmen, а мѣсто того
должно было привести къ gna. [46]) Всякое слово
имѣть только одну этимологію, какъ всякое живо
ство имѣетъ одну только мать.

Примѣнимъ сказанное нами къ миѳологическ
зеологіи Арійскихъ народовъ. Если бы намъ п
объяснить названія и миѳы однихъ только Гре
боговъ, безъ всякой связи съ названіями боговъ
народовъ, то производство названія *Зевса* от
глагола zên, жить, было бы совершенно умѣст
коль скоро мы находимъ, что Греч. слово Zeus
самое, что Санскр. Dyaus, или Ju въ Лат. Ju
Tiu въ словѣ Tuesday, то, разумѣется, нельзя бо
влетворяться этимологіею, которая не объяснила б
этихъ словъ вмѣстѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что дл
манія происхожденія и значенія именъ Греческихъ
и для того, чтобы вникнуть въ первоначальное з
миѳовъ разсказываемыхъ о нихъ, нельзя ограничи
взглядъ греческимъ горизонтомъ, а должно взять
ображеніе также и параллельныя свидѣтельства,
ляемыя Латинскою, Нѣмецкою, Санскритскою и Зе
миѳологіями. Ключъ, открывающій одно названіе,
подходить ко всѣмъ, или иначе онъ не вѣрный к

Классическіе ученые дѣлали сильныя возр
противъ такого способа умозаключенія и даже т
рые отказываются отъ Греческой этимологіи без
съ Санскритскою, протестуютъ противъ такого ос

ст
др
ка
сть
фа
въ
не
такъ
доля
испо
стве
ціон
скій
предн
усвое
и по
током
]
вняго
ражен
истинн
залъ
имена,
лись н
опасені
писател
судить
Намъ
съ нѣко
подобае
чувства
воритъ,
жать да
должны
иногда
ственны
стараяс

ѣніе передъ наукою не состоятельно, разобрано
асьевымъ (стр. 250). Литовскій Perkunas, богъ—
икъ, употребляется синонимно съ deivatis, боже-
Русскій *Перунъ*, разъѣзжающій по небу въ пла-
громовой колесницѣ, обозначалъ вмѣстѣ съ тѣмъ
небо.* [49]) Китайское *цянь* означаетъ небо и
въ то же время подобно Sanskr. Dyu, употре-
какъ названіе бога. Въ 1715 г. Папа запретилъ
римско-католическимъ миссіонерамъ употреблять
акъ названіе бога, а велѣлъ замѣнить это имя
Цянь-чу, царь небесъ, но языкъ оказался силь-
ы. Въ Тюркскихъ нарѣчіяхъ, однако слово *Тенгри*,
быть, одного начала съ *Цянь*, имѣетъ значеніе
ога неба, бога вообще, или добраго и злаго
[50]) Тѣ же значенія приписываются Кастреномъ
му *Юмала*, гремящій.. [51]) Даже на нѣкоторыхъ
ихъ Индо-европейскихъ языковъ «небо» почти
но съ Богомъ. Блудный сынъ, возвращаясь къ
отцу, говоритъ: [52]) «Встану, пойду къ отцу мо-
скажу ему: Отче! я согрѣшилъ противъ неба и
тобою,» *Въ Русскомъ есть молитвенное обра-
Ты, небо, слышишь, ты небо, видишь!»* Выходя
ie неба въ такомъ переносномъ значеніи Бога.
помнить, что принявшіе первоначально
ie, перенесли его отъ одного предмета,
гося ихъ тѣлесному глазу, на другой
ный другимъ органомъ познанія,
ервый назвалъ Бога Небомъ.
то, чему онъ желалъ дать имя—
ъ Бога; тѣ же, которые въ
или небо Богомъ, забыли,
ъ болѣе высокое, чѣмъ

---

[49]) Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3. Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3. Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3.

[50]) Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3. Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3.

[51]) Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3. Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3.

[52]) Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3. Castren, Finnische Mythologie, 24. Wuk, s. v. Nebo. Grimm, Deutsche Mythologie, 2. Ausgabe, 1844, 1. Band, 1. Buch, 1. Abschnitt, 2. Kapitel, Himmel und Himmelsgott. Pott, Sprache und Schrift der Chinesen, in Ersch und Gruber, Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste, 2. Section, 17. Theil, 1839, S. 3.

Ев. XV. 18.

...о

...ться
...мыхъ
...а это-

...ми dyav)
dyâv. *)
...ыя, а по-
...му
...v,
...div.
... производными
...такія слова, какъ
..., по своей формѣ,
...у собою, безъ вни-
...ложенія и спряженія,
...ками.
... своей формѣ является
...кочить, напасть. [77]) Въ
комментаторъ понимаетъ
... допускаетъ однако также,

...тикѣ называется измѣненіе гласныхъ
...краткаго ă, а Vridhi — измѣненіе чрезъ

*) ...льно, пробиться, потомъ сіять, блистать,
... переходъ. Ср. Diez, Lex. Comp. s. v.

[illegible] Jan—us Janus—pater [illegible] Jupiter. [illegible] [illegible] Jan. [illegible] Zen [illegible] Zen [illegible] Zenus [illegible] Zenus [illegible] Zen [illegible]

[illegible] Санскр. [illegible] dive. [illegible] Ригв. I. 50. 11: «О [illegible] горе [illegible]»

Ригв. I. 58. 3. [illegible] Dyu (divé [illegible]) [illegible]

Ригв. I. 7. 3: «[illegible] заставилъ солнце [illegible] чтобы оно могло видѣть далеко и [illegible]»

Эти формы вполнѣ представляются греческими [illegible] DiFos, DiFi, DiFa.

Нѣтъ необходимости, чтобы въ Латинскомъ [illegible] утрачена губная полугласная, такъ называемая [illegible] какъ это видно въ Jovis, Jovem и пр. Въ Diespiter [illegible] однако опускается, также въ Dium вм. divum, [illegible] котораго происходитъ diâna вм. Divana, [illegible] (первонач. Deiana), между тѣмъ какъ въ div—inus [illegible] начное v корня div сохранилось.

[illegible] Tertullian. Apol. c. 10: «a Jano vel Jane, ut Salii volunt» [illegible] Rm. der Römer, II. 216.

[illegible] Genl. v. 22, 5.

Въ Санскритѣ есть много производныхъ корня div, какъ напр. diva (средн. р.), небо, день; divasa (муж. р.), небо и день; divya, небесный; dina (муж. р.), день, есть, вѣроятно, сокращенное divana. Лат. diēs соотвѣтствуетъ Санскр divas. имен. множ. divâs, муж. р. Въ Литовскомъ мы находимъ diena, *Русск. день, Сербск. dan, Польск. dzien, Летск. dien, соотвѣтств. Санскритскому dina. *Дивный* собственно значитъ блестящій. Сюда же относится *дивиться, удивляться*; *диво* Лит. diwas. чудо. *Дѣва*—первоначально свѣтлая, блестящая. У Лужичанъ была юная прекрасная богиня Dživica, охотящаяся въ лунныя ночи; у Чеховъ Dēvana, у Поляковъ Dziewana, у Валаховъ Dina, указывающія на Греч. *Діана*. А. Аѳанасьевъ (I. 731) отожествляетъ Русскую *Дию* или *Дивію* не только въ этимологическомъ отношеніи но и по миѳологическому характеру съ *Діаною*. Въ старинныхъ памятникахъ упоминается еще древнее Славянское божество *Дый*, но по тѣмъ немногимъ мѣстамъ, гдѣ встрѣчается его имя, нельзя знать ничего опредѣльнаго о его миѳологическомъ значеніи. *Дивомъ* [illegible] Славянъ называлось не свѣтлое, благодѣтельное [illegible] а могучій змѣй, враждебный человѣчеству [illegible] ему много зла и несчастій; аналогично [illegible] daeva, первоначальное названіе [illegible] сдѣлалось наименованіемъ злыхъ [illegible] телей зла въ природѣ и между [illegible]

Усиливая наконецъ div [illegible] deva, первонач. блестящій [illegible] объ этомъ этимологическомъ [illegible] нается въ Санскритскомъ [illegible] Оно пропущено очевидно [illegible] бы показать, что [illegible] дахъ, [illegible] *венный*. [illegible] нуть, [illegible] начальное значеніе [illegible] Въ Ригв. [illegible] везутъ [illegible]

Англіи, какъ напр. Tewesley, Tewing, Tiwes mére и Tewes thorn, и названія цвѣтовъ, [87]) напр. Др. Сѣв. Týsfiola, Týrhjalm, Týsvidhr, какъ содержащія въ себѣ названіе бога.

Кромѣ этого имени собственнаго, Гриммъ приводитъ также встрѣчающееся въ Эддѣ tîvar, имен. множ. боги.

Наконецъ, не смотря на всѣ возраженія, я вполнѣ согласенъ съ Цейссомъ и Гриммомъ, которые связываютъ упоминаемаго Тацитомъ Tuisco съ Англо-Сакс. Tiw, который въ Готскомъ имѣлъ бы форму Tiu. Германцы считались Тацитомъ за туземныхъ жителей ихъ страны, и вѣроятно они сами считали себя туземцами. Въ пѣсняхъ своихъ, которыя Тацитъ называетъ единственнымъ средствомъ ихъ преданій и единственными лѣтописями, они прославляли Tuisco, рожденнаго отъ земли, и его сына Mannus, какъ божественныхъ родоначальниковъ ихъ племени. Значитъ, они, какъ и Греки, смотрѣли на боговъ, какъ на праотцевъ человѣческаго рода, и полагали, что въ началѣ жизнь произошла на той неисчерпаемой почвѣ, которая поддерживаетъ и питаетъ человѣка, и для которой они, на своемъ простомъ языкѣ, не могли найти болѣе вѣрнаго названія, какъ Мать-Земля. Не трудно понять, что Mannus, называемый у Тацита сыномъ Tuisco, первоначально означалъ человѣка; это имя производится отъ того же корня man, мѣрить, думать, **мнить*, Нѣм. meinen* отъ котораго происходитъ Санскр. Manu. [88]) Man, или Санскр. Manu или Manus, мѣритель, мыслитель, есть самое высокое названіе, какое только могъ себѣ присвоить человѣкъ; отсюда происходитъ др.-вр. Герм. mennisc, современное Нѣм. Mensch. Это mennisc, Санскр. manushya, первоначально было прилагательное, или, если угодно, отчество: сынъ человѣка.

---

87) Kemble, Saxons in England. I. 351. На нихъ впервые указалъ Гриммъ, Deutsche Myth. 180.

88) На счетъ Manu и Minos см. Kuhn's Zeitschr. IV. 92. Названіе Sáryâta, сына Ману, едва ли можно сравнить съ Krêta.

Какъ скоро mennisc и manushya въ обиходномъ языкѣ стали означать человѣка, то языкъ самъ произвелъ миѳъ, что Mannus былъ праотецъ Manushâ. Теперь же, Tuisco по-видимому тоже является вторичною формою отъ Tiu, съ тою же приставкою какъ mennisc, и безъ всякой перемѣны значенія. Tuisco же назывался отцемъ Mannu просто потому, что однимъ изъ главныхъ пунктовъ въ первобытной религіи человѣчества было то, что въ томъ или другомъ смыслѣ отцу назначалось пребываніе на небесахъ. Поэтому Mannu назвали сыномъ Tuisco, а этотъ Tuisco, какъ намъ извѣстно, первоначально былъ Арійскимъ богомъ свѣта. Вотъ что составляло предметъ Германскихъ пѣсенъ, къ которымъ прислушивался Тацитъ. Эти пѣсни они пѣли, прежде чѣмъ начинали сраженіе, чтобы возбудить въ себѣ геройство и приготовиться къ смерти. Для итальянскаго слуха такое пѣніе, должно быть, казалось дикими звуками, отражавшимися отъ ихъ щитовъ, почему эти пѣсни и названы barditus (пѣніе подъ щитами др.-Сѣверн. bardhi, щитъ). Римляне могли издѣваться надъ такою поэзіею и музыкою, но не то дѣлалъ Тацитъ. Императоръ Юліанъ, услышавъ Германцевъ, поющихъ свои народныя пѣсни на берегахъ Рейна, сравнилъ ихъ пѣніе съ крикомъ хищныхъ птицъ. Тацитъ называетъ его concentus virtutis, ликованіемъ добродѣтели. Онъ говоритъ также (Ann. II. 88), что Германцы сохраняютъ въ своихъ пѣсняхъ память *Арминія*, и описываетъ (Ann. II. 65) ихъ ночные пиры, на которыхъ они пѣли и ликовали до самаго утра, которое призывало ихъ къ новому сраженію.

Имена Mannus, Tuisco и пр., упоминаемыя Тацитомъ, могли имъ быть повторены, разумѣется, только по слуху, и если принять въ соображеніе трудность такой задачи, то нужно удивляться, что эти имена, какъ они имъ записаны, такъ легко допускаютъ этимологическое значеніе. Такъ на пр. Тацитъ не только свидѣтельствуетъ, что Mannus былъ предокъ Германскаго народа, но онъ также называетъ его трехъ сыновей, или собственно названія трехъ большихъ племенъ: Ingaevones, Iscaevo-

Англіи, какъ напр. Tewesley, Tewing, Tiwes mé
Tewes thorn, и названія цвѣтовъ, [87]) напр. Др. (
Týsfiola, Týrhjalm, Týsvidhr, какъ содержащія въ
названіе бога.

Кромѣ этого имени собственнаго, Гриммъ прив
также встрѣчающееся въ Эддѣ tîvar, имен.
боги.

Наконецъ, не смотря на всѣ возраженія, я
согласенъ съ Цейссомъ и Гриммомъ, которые связ.
упоминаемаго Тацитомъ Tuisco съ Англо-Сакс. Ti
рый въ Готскомъ имѣлъ бы форму Tiu. Герма
тались Тацитомъ за туземныхъ жителей ихъ с
вѣроятно они сами считали себя туземцами. В
своихъ, которыя Тацитъ называетъ единствен
ствомъ ихъ преданій и единственными лѣто
прославляли Tuisco, рожденнаго отъ земли,
Mannus, какъ божественныхъ родоначальнико
мени. Значитъ, они, какъ и Греки, смотрѣли
какъ на праотцевъ человѣческаго рода, и
въ началѣ жизнь произошла на той неисчер
которая поддерживаетъ и питаетъ человѣк
рой они, на своемъ простомъ языкѣ,
болѣе вѣрнаго названія, какъ Мать-Зем.
понять, что Mannus, называемый у
Tuisco, первоначально означалъ человѣка
водится отъ того же корня man, мѣрить,
Нѣм. meinen* отъ котораго происход
nu. [88]) Man, или Санскр. Manu или
мыслитель, есть самое высокое названі
могъ себѣ присвоить человѣкъ; отс
др.-вр. Герм. mennisc, современное
mennisc, Санскр. manushya, первона
гательное, или, если угодно, отчест

[87]) Kemble, Saxons in England (1 [illegible]) [illegible]
Deutsche Myth. [illegible]
[88]) [illegible]

чаетъ свое происхожде-
уетъ на родство съ
ъ такъ же ясно
а земли. Это
Prithivî—
алъ,
лъ
со-
оспѣ-
али за
риммъ о
ской ми-

л чисто вы-
ественно за-
го поддержи-
дъ, пра-отецъ,
юбѣду, а умер-
мерть есть воз-
аходится высшая
л бѣлая прароди-
етъ красотою, оба
онъ пріучаетъ вой-
ть, сѣять; отъ него
ie.»
удетъ кончить лекцію
зущаго поэта: 93)
, въ простотѣ нравовъ,
рашивали у самихъ се-
есть отецъ вселенной?
рушится. Равно и не на
бо и они разрушатся. Гдѣ

τηρ οὖσα ἀνῆκε—ἀλλ' ο θεὸς
I. 182.

f God. 1859, стр 241.

ніе и характеръ *Сарамы*, дошелъ до заключенія, ч
saramâ значитъ буря, и что Санскритское слово тож
ственно съ Тевтонскимъ storm и съ Греч. hormé. I
saramâ безъ сомнѣнія содержится корень sar, но е
производное нисколько не ясно, такъ какъ въ Санскри
нѣтъ другаго слова, образованнаго помощью приста
ama съ гуною коренной гласной. 2) Но если даже доп
стить, что saramâ первоначально имѣло значеніе бѣгун
то изъ чего же слѣдуетъ, что бѣгунъ означалъ бурю? Г
ворятъ, положимъ, что происходящее отъ этого же кор
слово муж. р., sarapyu, въ позднѣйшемъ Санскритѣ пр
нимаетъ значеніе вѣтра и облака, но никѣмъ еще не д
казано, чтобы sarapyû, женск. р., имѣло это значені
Всѣ выраженія для вѣтра, vâta, vâyu, marut, pavan
anila и пр., въ Санскритѣ мужскаго рода, и тоже сам
вообще во всѣхъ Арійскихъ языкахъ. Это, однако, н
составляло бы еще непреодолимаго возраженія, если б
въ Ведѣ нашлись ясные слѣды, что *Сарама* имѣла од
изъ характеристичныхъ качествъ вѣтра. Сравнивая я
мѣста, въ которыхъ о ней упоминается, съ мѣстами, в
которыхъ описывается сила бури, мы не находимъ ник
кого сходства. О *Сарамѣ* говорятъ, что она вывѣдал
гдѣ крѣпкій хлѣвъ коровъ (I. 72. 8), что она открыла ра
сѣлину скалы, совершила далекій путь, что она первая усл
хала мычаніе коровъ и, можетъ быть, вывела ихъ отту
(III. 31, 6). Это она сдѣлала по настоятельной просьб
Индры и *Ангирасовъ* (I. 22, 3); Бригаспати (I. 62,
или *Индра* (IV. 16, 8) разсѣкъ скалу и освободилъ к
ровъ, которыя, какъ говорятъ, даютъ пищу дѣтямъ лю
дей (I. 62, 3; 72, 8), а можетъ быть и потомству *Са
рамы* самой (I. 62, 3).

Вотъ почти все, что можно вывести изъ Ригвед
о характерѣ *Сарамы*, за исключеніемъ одного гимна в
послѣдней книгѣ, содержащаго въ себѣ діалогъ межд
нею и *Паніями*, похитившими коровъ.

2) См. Unâdi—Sûtra, изд. Ауфрехта, IV. 48; Sârmaṇ, какъ существител
ное, бѣганіе, встрѣчается въ Ригв. I. 80, 5. Греч. ὁρμή соотвѣтс
вуетъ этому слову въ женскомъ родѣ, но не формѣ saramâ.

Но и въ этомъ [illegible] занія на то, чтобы Сирина [illegible] и объясненія [illegible] сѣ, [illegible]

Сирина, въ [illegible] Сирину [illegible]

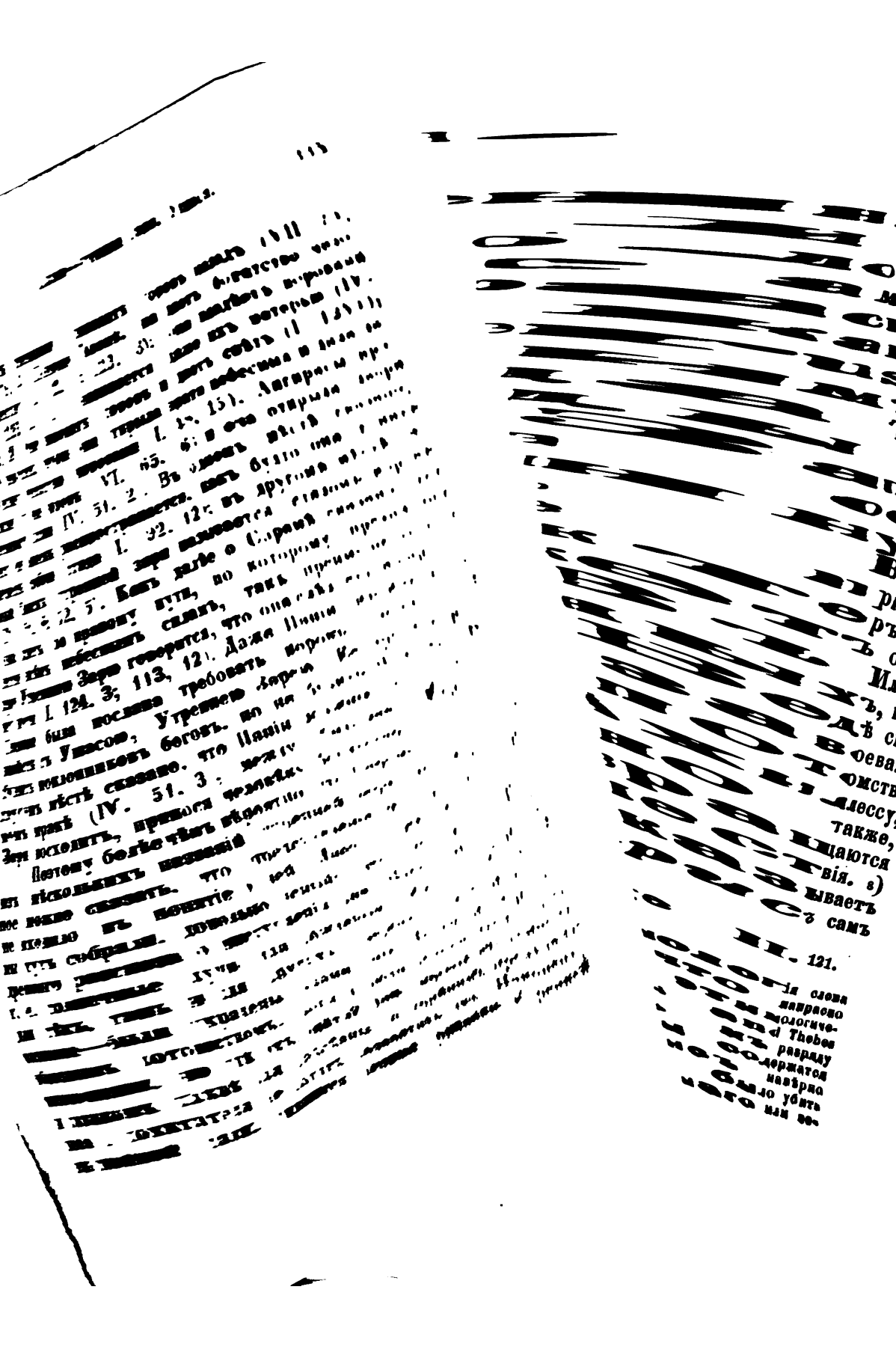
[illegible]

молока. Выпивъ молока, она переплыла обрат
Расу и когда Индра спросилъ ее о коровахъ,
зала, что не видала ихъ. Индра толкнулъ ее за
она срыгнула молоко и побѣжала назадъ къ
Индра же отправился за нею, убилъ демоно
шелъ коровъ.

Вотъ почти все, на основаніи чего мы мо
дить объ основномъ понятіи о Сарамѣ, едва
жно сомнѣваться, что она означала утреннюю
не бурю. Въ древнихъ гимнахъ Ригведы она
вается собакою и нѣтъ въ нихъ ни малѣйшаго
на ея собачью природу. Это, очевидно, поз
мысль [3]) и пора уже кончить споры объ этой
собакѣ и изгнать ее изъ ведическаго пантеона
рамѣ существуетъ слишкомъ мало эпитетовъ,
нимъ судить о ея характерѣ. Она называется
имѣющая хорошія ноги, быстрая, а это прилаг
въ Ригведѣ нигдѣ больше не встрѣчается. Др
эпитетъ, прилагаемый къ ней subhagâ, счастлива
надлежитъ также и зарѣ и составляетъ даже п
стоянное названіе зари.

Это, однако, еще не все. О комъ такъ п
говорится, какъ о Сарамѣ, что она является
Индрою, что Индра слѣдуетъ за нею?—Объ
утренней зарѣ, которая первая пробуждается и
приходитъ къ утренней молитвѣ (I. 123, 2).
слѣдуетъ за нею, какъ мужчина слѣдуетъ за же
(Ригв. I. 115, 2) [4]). О комъ такъ, какъ о Сара
ворится, что она обнаруживаетъ драгоцѣнности, с
во тмѣ, какъ не объ Ушасѣ, раскрывающей бл
сокровища, прикрытыя мракомъ (I. 132, 6)? Она
димо проходитъ чрезъ воду (VI. 64, 4); она пред
отъ предѣлы небеснаго свода (I. 92, 11), гдѣ
говорили Паніи, можно было найти коровъ, она г

3) Эта мысль произошла [illegible] отъ Sakameya, что [illegible]
[illegible]
4) Comparative Mythology [illegible]



[illegible] на [illegible]ляется [illegible]. И какъ собака [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] небо. Она [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по [illegible] пути. Она [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и возвращается къ своей [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Послѣ ея возвра[illegible] [illegible] [illegible] готовый доборотъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Въ которомъ содер[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Хотя [illegible] миѳъ о Сар[illegible] [illegible] [illegible] составленный изъ немногихъ отрывк[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] похитили коровъ, т. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ищетъ коровъ, т. е. утре [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] — [illegible] и выраженія свойств [illegible] [illegible] [illegible] въ миѳологической [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] не видно никакихъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] даже, что Греки [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] похищена [illegible], но боги [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] то и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] только то значеніе, что [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] возвращается въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] дня. Мысль, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] преданности Инд[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] діалога. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] происхожденія [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] которые въ Индіи [illegible] только въ [illegible] своемъ значеніи, [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Послѣ этого, можетъ [illegible] [illegible] предположить, что Гре- [illegible] [illegible] [illegible] съ Индійск[illegible]

[illegible] [illegible], что, [illegible] [illegible] Aletis, бр[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] (Осень [illegible] [illegible] это же [illegible]). См. Iacc[illegible] [illegible] [illegible].

б) [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Гермесу потаенное мѣсто Адетъ [illegible] [illegible]. Il. V, 385.

8
сл
то
ше
точ
под
тмы
нор
свѣт
перв
древ
свѣт
заря
солн

Индіи
логіи
Сарам
«Сара
жили
вонач
заря,
или же
желалъ
найти
въ Инд
миѳамъ.
были то
стигли
детъ п
сестра

[illegible] Гермесъ [illegible]
[illegible]
предатъ [illegible] Аполлона, которыя при [illegible]
безъ той [illegible]
тѣмъ же [illegible] въ [illegible]
гонъ, и разбойникомъ [illegible]. Въ [illegible]
приносить свѣтъ; въ Греціи [illegible]
укралъ свѣтъ или [illegible]
свѣтъ, выдаетъ [illegible]
Аполлона. [illegible] Гр
подвигается свободнымъ [illegible]
стаго матеріала составляетъ [illegible]
въ Гермесѣ Гомеровомъ и [illegible]
ны первоначальные [illegible]
нить въ смыслѣ [illegible]
представителя [illegible]
и Agiaurus, [illegible]
[illegible]
[illegible] Сарама, [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] Saramêya
[illegible] собакъ, [illegible]
[illegible] духа. Онѣ назы
[illegible], широконосыми
[illegible] и Saramêya, дѣтень
[illegible] проходитъ мимо ихъ с
которые веселятся съ Іамою;
охранялъ отшедшаго отъ
самихъ собакъ умоляютъ, ч
живымъ и снова излили на

[illegible] Саja
[illegible] 5) гов
[illegible] вмѣстѣ съ
[illegible] сове
[illegible] ахъ, как
[illegible] кеніи про
[illegible] 2, 4)
[illegible] эпитеты
[illegible] говорит
[illegible] Поэтому
[illegible] Саранjусам
[illegible] нія, какъ
[illegible] Марутовъ)
[illegible] руны или
[illegible] мъ божествѣ,
[illegible] весьма мало,
[illegible] не смѣшать
[illegible]

a) Erigone.
[illegible]
(Отецъ
[illegible]
b) Eoribola
Арсеъ [illegible]

бъясненій
а и др.
у, дочери
нецы. Она
ревратилась
нялъ также
, вслѣдствіе
ившая ея мѣ-
же свидѣтель-
знецовъ Сара-
Vâch, а миѳо-
исчезновеніе Са-
очь уходитъ, ко-
замѣчаніе однако
омъ, который го-
ыла жена Адитјі,
аетъ при восходѣ

ь Саранју съ Грече-
вполнѣ согласенъ. Я
ествленія и мы об-
было напечатано сочи-
е идетъ однако дальше
аго друга тщательнымъ
зомъ, я скорѣе укрѣпил-
альномъ своемъ взглядѣ
ъ главныхъ чертахъ слѣ-
ъясняетъ этотъ миѳъ слѣ
. творецъ, приготовляетъ
ју, т. е. быстролетучей,
ke), которая въ началѣ
пространствѣ. Онъ [illegible]
естящаго, свѣтъ [illegible]
ію, котораго [illegible]
разд[illegible]

Въ теченіи нашихъ изслѣдов
вонначальнаго значенія *Сарамы*, м
другое имя, которое происходитъ
и которому профессоръ Кунъ прин
ченіе *облака* и *вѣтра*—Саранју, ж

Гдѣ saranyu употребляется въ
его значеніе совершенно не ясно. В
сятой книги почти не возможно найт
нить мыслей. Стихъ, въ которомъ вс
обращенъ къ царямъ *Митрѣ* и *Вару*
рится, что Саранју пошелъ къ нимъ
Комментаторъ безцеремонно объясняет
мѣстѣ чрезъ *Іаму* (saranasila). Въ слѣд
ранју муж. р., называется конемъ, совер
Саранју въ женск, р. говорится какъ
называется сыномъ его, т. е, по о
сыномъ Варуны. [13]) Въ третьей книгѣ
ся, что *Индра* заставляетъ вóды выходи
ранјусами, о которыхъ здѣсь упоминае
какъ въ другихъ мѣстахъ объ Ангираса
мощникахъ Индры въ большомъ сражені
тры или Валы. Въ первой книгѣ (62, 4
самъ примѣняются обыкновенные эпите
(navagva и dasagva) и тамъ тоже говори
расторгнулъ Валу съ Саранјусами. Поэтом
слѣдуетъ дѣлать различіе между Саранјуса
числѣ (именемъ подобнаго значенія, какъ
с'овъ, и можетъ быть, какъ имя Марутовъ)
въ ед. числѣ, именемъ сына *Варуны* или *Іа*

О Саранју, какъ женскомъ божествѣ, и
Ригведы мы также узнаемъ весьма мало, и
слѣдуетъ остерегаться, чтобы не смѣшать идеи
съ идеями ихъ комментаторовъ, однако относит
ранју должно допустить, что сказанное о ней

---

[13]) Такъ онъ называется saranyu, отъ корня, который, можетъ бы
[illegible] Gorgh. Срв. Kuhn, Zeitschr. I. 460. Эринія и Го
[illegible] почти тожественны.

тѣ съ тѣмъ называется
тѣ (Âdiparva, 2, 599)
го она имѣетъ образъ

ра, Солнце и Утрен-
ы могъ представить
кобылы.
огли называть ихъ
зрѣшенія этого во-
подробнѣе разсмот-
скихъ божествъ. Ну-
заются близнецами.
одно изъ самыхъ
миѳологіи. Многіе
въ природы древни-
и о нихъ говори-
братѣ и сестрѣ,
сій пантеонъ осо-
ой формѣ, и нѣк
зимомъ природы;
ян заря, утро и
сятъ и время,
и соединяемая,
въ одно цѣлое
имѣли и имѣ,
мы имѣемъ,
ми, имѣю и

Ласка говорить ... что у Са... в
натара, отъ Вивасват... лица, был... за
ставила на свое мѣсто равную себѣ, ... а...
лошадь и убѣжала. Вивасватъ, солнце, ...
разъ бог. погнался за нею и сбилъ ... ...
го она родила обоихъ Асвиновъ, и ... ...
о (Саврна) родила Манy... Ихъ тоже ... ...
вѣтъ, что этимологами за ... ...
у считались Mâdhyama и Mâdhyamâ ... ...
гами—Yama и Yamî; чтобы объяснить ... ...
ну, онъ въ концѣ прибавляетъ, ...
а восходитъ солнце. Это послѣ... ...
ъяснено или поправлено комментат... ...
орить, что Yamas, утренняя заря, ...
олнца, и что она, а не ночь ... ...
олнца.

Профессоръ Бунъ отождествляетъ ... ...
кою Эринію, въ чемъ я съ нимъ ... ...
шелъ независимо до того же ... ...
указалъ этотъ вопросъ раньше. ... ...
женіе д—ра Бура. Наше ... ...
шени. Разобравъ анализъ ... ...
, напались безпристрастнымъ ... ...
ся, чѣмъ исключался ... ...
на Сарапу. Профессоръ ... ...
дуя мнѣнію профессора ... ...
дующимъ образомъ: ... ...
свадьбу для своей дочери Сарань... ...
мрачной, бурной тучи Sturmw... ...
всѣхъ творений возникла ... ...
ѣть ея мужемъ Вивасватъ. ... ...
высотѣ—по позднѣйшему мнѣнію ...
въ другихъ аналогіяхъ. ... ...
...ника. Свѣтъ и мракъ ...

простое повтореніе Асвиновъ. Есть извѣстные эпи
постоянно прилагаемые къ Асвинамъ, которые, од
на сколько мнѣ извѣстно, не придаются Индрѣ и
вмѣстѣ и на оборотъ. Есть также извѣстныя ле
про Асвиновъ, преимущественно какъ покровителе
помощныхъ и умирающихъ и какъ оживителей мерт
которыя однако не переносятся на Индру и Агни
какъ будто для того, чтобы не оставить никако
мнѣнія въ томъ, что Индра, по крайней мѣр
нѣкоторыхъ изъ своихъ подвиговъ, совпадаетъ с
нимъ изъ Асвиновъ или Насатја, одинъ изъ ведиче
пѣвцовъ употребляетъ составное Indra Nasatyau, Ин
Насатја, котораго по случаю слѣдующаго за нимъ
ственнаго числа нельзя объяснить какъ *Индра* и
Асвины, а просто какъ Индра и Насатја.

Кромѣ двухъ Indragni, встрѣчаются еще нѣко
другія, хотя менѣе выдающіяся пары, также отра
щія дуалистическое представленіе Асвиновъ, а и
Индра и *Варуна*, *Индра* и *Вишну* и важнѣе о
Митра и *Варуна*. Вмѣсто Indra-Varuna мы также
ходимъ Indrâ, [20]) оба Индры, и Varunâ, оба В
(IV. 41, 1). Они называются sadanû (IV. 41, 8);
hana (VII. 82, 2); sambhû (IV. 41, 7); mahavasû
82, 2). Indra-Vishnû прямо называются dasra,
обыкновеннымъ именемъ Асвиновъ (VI. 69, 7).
и Варуна же ясно имѣетъ значеніе дня и ночи. И
тоже уподобляются конямъ (VI. 67, 4), и раздѣляю
вѣстные эпитеты съ двойничными богами, sudanû
67, 2), vrishanau (I. 151, 2), Но ихъ характеръ
чаетъ гораздо большую опредѣленность и хотя он
первоначальномъ ихъ представленіи—физическія сил
нако они возвышаются въ нравственныя силы, го
высшія въ этомъ отношеніи, чѣмъ Асвины и Индра

Если мы теперь спросимъ, кого первоначальн
ли считать за отца всѣхъ этихъ находящихся въ в

[20]) Какъ въ лат. Castores и Palluces вм. Castor и Pallux.

номъ отношеніи божествъ, то легко понять, что это должна была быть какая-то высшая сила, не подчиненная каждодневному движенію міра, какъ напр. небо, понимаемое какъ отецъ всѣхъ вещей, или еще болѣе отвлеченное божество, каковъ *Праджапати*, владѣтель творенія, или *Твашторъ*, строитель, или *Савитаръ*, творецъ. Ихъ мать, напротивъ, должно быть, представительница какого нибудь мѣста, гдѣ встрѣчаются близнецы и откуда они какъ будто отправляются вмѣстѣ въ свое каждодневное шествіе. Это мѣсто можетъ быть или утренняя или вечерняя заря, восходъ или закатъ солнца. Востокъ или Западъ, только что все это понимается не какъ отвлеченныя, но какъ мистическія существа, какъ матери, какъ силы, содержащія въ себѣ всю таинственность жизни и смерти, которая такимъ образомъ ясно раскрывается передъ глазами размышляющаго поклонника. Утренная заря, для насъ просто великолѣпное явленіе, для древняго наблюдателя и мыслителя была проблемою всѣхъ проблемъ. Это та неизвѣстная страна, изъ которой ежедневно подымаются тѣ свѣтлыя эмблемы божественной силы, которыя въ человѣческомъ умѣ оставили первое впечатлѣніе и указаніе другаго міра, высшей силы, порядка и мудрости. Что мы просто называемъ восходомъ солнца, то имъ каждый день ставило на глаза загадку всѣхъ загадокъ, загадку существованія. Дни ихъ жизни происходили изъ этой мрачной бездны, которая каждое утро казалась оживленною свѣтомъ и жизнью. Ихъ дѣтство, ихъ мужской возрастъ и старость—все для ведическихъ бардовъ было даромъ той небесной матери, которая каждое утро являлась блестящею, юною, неизмѣнимою, безсмертною, между тѣмъ какъ все остальное представлялось имъ старѣющимъ, измѣнчымъ, увядающимъ и наконецъ скоро преходящимъ, чтобы уже никогда не вернуться. Тамъ, въ томъ свѣтломъ помѣщеніи, какъ говорили ихъ поэты, было мѣсто, гдѣ пряли утра и дни, или гдѣ, подъ другою картиною, были *питаемы* утра и дни (X. 37, 2, VII. 66, 2), гдѣ жизнь или время еще продолжались (I. 113, 16). Туда смертные желали по-

простое повтореніе А
постоянно прилагае
на сколько мнѣ изв
вмѣстѣ и на оборо
про Асвиновъ, пре
помощныхъ и умир
которыя однако не
какъ будто для тог
мнѣнія въ томъ, ч
нѣкоторыхъ изъ св
нимъ изъ Асвиновъ
пѣвцовъ употребля
Насатја, котораго
ственнаго числа не
Асвины, а просто

Кромѣ двухъ
другія, хотя менѣе
щія дуалистическое
Индра и *Варуна*,
Митра и *Варуна*.
ходимъ Indrâ, [20]
(IV. 41, 1). Они
hana (VII. 82, 2);
82, 2). Indra-Vish
обыкновеннымъ им
и Варуна же ясно
тоже уподобляются
вѣстные эпитеты с
67, 2), vrishanau (
чаетъ гораздо боль
первоначальномъ их
нако они возвышаю
высшія въ этомъ от

Если мы теперь
ли считать за отца

[20]) Какъ въ лат. Castores и

торой мы произошли), чтобы я увидѣлъ отца Aditya, буквально сынъ Адити, стало назва- только сына, но и цѣлаго класса семи бо- вовъ вообще. Такъ какъ все произошло отъ она называется не только матерью Митры, рjамана, Адитjевъ, но чрезъ смѣшиваніе по- и матерью Рудровъ (бури), дочерью Васу'овъ, Адитjевъ. «Адити есть небо, Адити—воз- —мать, отецъ, сынъ; всѣ боги суть Адити, родовъ; Адити есть все, что рождено, и—что ся).» Въ позднѣйшія времена она становится ѣхъ боговъ.

Essay on Comparative Mythologie, напечатанномъ Essays въ 1856 г., я собралъ нѣсколько ле- про Утреннюю зарю. Ни одно изъ предложен- толкованій, на сколько мнѣ извѣстно, не было ыто на фактахъ, на доводахъ. Затрудненія ука- ными Курціусомъ и Сонне, надѣюсь, я устра- подробнымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, ніе, которое я самъ [illegible] сильнѣе всѣхъ, ъ однообразномъ характерѣ легендъ про зарю «Развѣ все—утренняя заря, и неужели все— вотъ вопросъ, [illegible] я самъ себѣ часто за- жде, чѣмъ они мнѣ были прежде меня другими. [illegible] удалось ли мнѣ [illegible] устранить это возра- [illegible] положенія, которое [illegible] заря въ [illegible] философіи [illegible] [illegible] собственныя [illegible] [illegible] утренней зарѣ и [illegible] [illegible]

[illegible]

пасть, чтобы встрѣтить Митру и Р
и философія древняго міра сосредо
ней Зарѣ, матери блестящихъ бог
ныхъ его видахъ, утра, дня, весн
образъ и олицетвореніе безсмерт

Нѣтъ, разумѣется, возможн
мысли и чувства, проходившія ч
этовъ, когда они придумывали р
далекаго Востока, откуда, какъ
ранняя заря, солнце, день и их
вая жизнь каждое утро откры
и свѣжіе утренніе вѣтерки у
какъ привѣтствія, долетавшія д
сный порогъ изъ далекихъ с
за зарею, за «безсмертным
сюда». Утренняя Заря, ка
тыя врата для солнца, что
пока эти врата были от
дѣтской простотѣ, пыта
этого конечнаго міра. Э
дило въ человѣческомъ у
Безсмертнаго, Божестве
ванія утренней зари, п
силъ. Саранју, утренняя
Ночи, матерью Митры
ставителей свѣта и м
говъ, лицомъ Адити.
ское значеніе Адити,
ся въ связи съ утрен
то, что находится за
шена въ эмблему Бе
называется узами, с
нымъ. Такъ поэтъ во
титъ насъ великой А

[illegible], то и
[illegible]
[illegible] Anse
[illegible] Ват-
[illegible] Пиккадилли и-
[illegible] Lake ин
[illegible]; нашъ
[illegible] Berg ин.
II стр. 1864.
. названіе происходитъ изъ
[illegible] птицы называлась
[illegible] какъ Bernicle и
[illegible]. Есть однако то
[illegible] названіе, что пик-
[illegible] слово Bernicle
[illegible] отъ формъ Bern-
[illegible] обитаетъ гусь, и
[illegible] называется. Stan. ин.
[illegible] теній, какъ напр. въ A.
[illegible] отъ branewyrt, но-
[illegible] прилагатель-
[illegible] рой цвѣтъ, какъ будто
[illegible] есть цвѣтъ совсѣмъ. бу-
[illegible] съ черными ногами.
[illegible] названіе гуся—barnacle.
[illegible] потому, что отъ темнаго

[illegible] составляется не-
[illegible] представляе-
[illegible] понимать, по-
[illegible]

*) B. и Roth производятъ
зать, буквально безконеч.
по знач.

намъ осталось разсмотрѣть еще одинъ
казывающихъ весьма значительное влія-
нныя способности. Вмѣсто того, чтобы быть
ости отъ ума, они управляютъ умомъ и произ-
гнаго рода миѳологію, дѣйствіе которой да-
щее время весьма распространено. Въ одной
моихъ лекцій я указалъ, что кромѣ такихъ
словъ, каковы *добродѣтель*, *счастіе*, *миръ*
ль еще другія слова съ незначительно раз-
характеромъ, также легко принимающія миѳо-
лическое олицетвореніе. Лат. virtus, напр. первона-
чально означало качество, мужество, качество мущины,
потомъ всякое хорошее качество, свойственное че-
Пока это имя употреблялось только какъ имя
ственное, какъ прилагательное, не могло быть не-

ченныя имена первоначально были имена со-
, и множественное число, какъ напр. clerici,
lercs, очень легко переходитъ въ собиратель-
леченное имя, напр. Англ. clergy, clericatus.
обственно выражало такія качества, которыя
всѣмъ членамъ одного рода и которыми
гный родъ отличался отъ всѣхъ остальныхъ

скоро умъ, смущенный внѣшнимъ видомъ
сталъ понимать собирательный предикатъ
ное субъективное свойство, то и прил

[illegible]

[illegible] существительное, сказуемое [illegible] быть дѣй- [illegible] которомъ [illegible] то оно [illegible] выдѣстать [illegible] сверхъестест- [illegible] не чело- [illegible] его. Virtus [illegible] храмы, [illegible] божества. [illegible] обязанъ былъ своимъ [illegible] интеллектуаль- [illegible] день, ночь, за- [illegible] вещественны существа, [illegible] вещественнаго [illegible] нашего [illegible] міра. Во всемъ, что [illegible] лошади или [illegible] самостоятельномъ [illegible] отъ какого- нибудь общаго качества, свойственнаго каждому [illegible] нимъ, [illegible] качество дѣлается вещественнымъ [illegible] чемъ нибудь существующемъ и не подлежитъ дальнѣйшему анализу. Но говоря о *зарѣ*, что мы себѣ представляемъ? Подразумѣваемъ ли мы вещество, индивидуумъ или личность? Навѣрное нѣтъ. Мы подразумѣваемъ время, предшествующее восхожденію солнца. Но опять таки, что такое *время?* что въ немъ вещественнаго, индивидуальнаго или личнаго? Языкъ самъ себѣ не можетъ помочь. Всѣ употребляемыя имъ существительныя [illegible] мужескаго или женскаго рода—ибо средній родъ позднѣйшаго происхожденія—и какъ скоро названіе зари [illegible] образовалось, оно для каждаго, [illegible] философа, [illegible]

етъ значеніе вещественнаго, если не индивидуальнаго и личнаго существа. Одно названіе зари въ Санскритѣ, какъ мы видѣли, есть *Саранjу* и оно буквально совпадаетъ съ Греческимъ *Эринія*. Собственно совершенно вѣрно и естественно говорили, что лучи зари выведутъ на свѣтъ дѣла тмы, т. е. совершонные впродолженіе ночи грѣхи. Есть Нѣмецкая пословица:

«Kein Faden ist so fein gesponnen,
Er kommt doch endlich an der Sonnen.»
(Какъ ни хитри, а все выйдетъ наружу.)

Выраженіе, что Эринія, Саранjу, заря, откроетъ преступника, первоначально не заключало въ себѣ ни какой миѳологіи; оно только значило, что преступленіе когда нибудь да выйдетъ наружу. Оно стало, однако, миѳологическимъ, какъ скоро было забыто этимологическое значеніе Эриніи, и какъ скоро заря, часть времени, поднялась на степень личнаго существа.

Таково же происхожденіе Weird Sisters. Weird собственно означало *прошедшее* [1]). Это было названіе первой изъ трехъ Норнъ, Германскихъ Паркъ. Онѣ назывались Urdhr, Verdhandi и Skuld, прошедшее, настоящее и будущее [2]), «das Gewordene, das Werdende, das (sein) Sollende.» Онѣ выражали совершенно то же представленіе, какое имѣла у Грековъ нить уже свитая, нить проходящая чрезъ пальцы и нить находящаяся еще на прялкѣ, или какъ Lachesis, воспѣвающая прошлое (tà gegonóta), Klotho—настоящее (tà ónta) и Atropos—будущее (tà méllonta).

Въ А. Сакс. Wyrd часто встрѣчается въ смыслѣ Судьбы. Beowulf, V. 915: «Gaedh à wyrd swà hio sceal,» «судьба всегда идетъ, какъ она должна [illegible]

Эти Weird-сестры понимались или какъ [illegible] ренная судьба, или fatidicae, предсказывающія [illegible]

---

1) Grimm, D. M., стр. 376. Gesch. der D. Sp[illegible]
2) Hysium не другое ни [illegible]
и не происходитъ ли оно отъ ἀρχόμαι. [illegible]

что съ нимъ будетъ. Шекспиръ удерживаетъ Саксонское названіе. Чосеръ называетъ ихъ «the fatal sustrin.»

Понятія о землѣ. Древніе первоначально безъ сомнѣнія подразумѣвали почву, на которой они стояли; но впослѣдствіи стали подразумѣвать болѣе. Почву называли матерью, т. е. кормилицею ихъ, и одного этого имени, [illegible] примѣненнаго къ землѣ, было достаточно, чтоб[illegible] придать ей первые элементы личнаго, если не челов[illegible] ческаго существа. Но какъ скоро землю стали счит[illegible] индивидуальною, то вмѣстѣ съ тѣмъ стали и чувствова[illegible] что она нѣчто болѣе чѣмъ почва, окруженная стѣн[illegible] или горами.

Въ представленіи древнихъ мыслителей земля с[illegible] безпредѣльнымъ существомъ, простиравшимся на сто[illegible] на сколько хватали его чувства и мысли; она н[illegible] не поддерживаемая, ни слономъ, ни черепахою по[illegible] шей восточной философіи. Такимъ образомъ земля [illegible] постепенно вырастала въ неопредѣлен[illegible] [illegible], [illegible], но не конечное, личное, [illegible] человѣческое. Древніе народы могли называть [illegible] не только какъ богиню, какъ свѣтлое, [illegible] безсмертное существо, какъ мать человѣка, [illegible] ную неба, великую мать.

Въ позднѣйшія времена, положимъ, уже не [illegible] о богахъ и богиняхъ; но въ нашихъ научныхъ [illegible] ученыхъ словарахъ развѣ нѣтъ такихъ необъясне[illegible] ществъ, каковы земля, заря или будущность? [illegible] не употребляемъ выраженій, которыя послѣ анализа оказались бы лишенными всякаго вещ[illegible] основанія, покоясь какъ земля на слонѣ, а с[illegible] черепахѣ, качающейся въ безпредѣльномъ прос[illegible]

Возьмемъ слово natura, природа. Эти [illegible] [illegible] рождающая, производящая. Но [illegible] [illegible] древніе народы сдѣлали изъ [illegible] [illegible] за дѣтское заблужденi[illegible] [illegible] природою? Мы [illegible] затрудненія, но н[illegible] [illegible] представ[illegible]

Natura. Природа.

[illegible] какъ существо или [illegible]
[illegible] отрегать [illegible]
[illegible]ствующаго.

Какъ мы понимаемъ [illegible]
[illegible] природою? Природа [illegible]
[illegible]ельную силу [illegible]
[illegible] въ Матер[illegible]
[illegible]

[illegible] Саксонское [illegible] «the fatal sustrin.»

[illegible] безъ сом- [illegible] они стояли; но [illegible] болѣе. Почву называли [illegible] и одного этого имени, [illegible] было достаточно, чтобы [illegible] личного, если не человѣ- [illegible] Но какъ скоро землю стали считать [illegible], то вмѣстѣ съ тѣмъ стали и чувствовать, [illegible] болѣе чѣмъ почва, окруженная стѣнами или горами.

Въ представленіи древнихъ мыслителей земля стала безпредѣльнымъ существомъ, простиравшимся на столько, на сколько хватали его чувства и мысли; она ничѣмъ не поддерживалась, ни слономъ, ни черепахою позднѣйшей восточной философіи. Такимъ образомъ земля естественно и неудержно выростала въ неопредѣленное существо, *вещественное, но не конечное, личное, но не* человѣческое. Древніе народы могли называть и понимать ее только какъ богиню, какъ свѣтлое, сильное, безсмертное существо, какъ мать человѣка, возлюбленную неба, *великую мать*.

Въ нынѣшнія времена, положимъ, уже не говорятъ о богахъ и богиняхъ; но въ нашихъ научныхъ и ненаучныхъ словаряхъ развѣ нѣтъ такихъ необъясненныхъ существъ, каковы земля, заря или будущность? Развѣ мы не употребляемъ выраженій, которыя послѣ строгаго анализа оказались бы лишенными всякаго вещественнаго основанія, покоясь какъ земля на слонѣ, а слонъ на черепахѣ, качающейся въ безпредѣльномъ пространствѣ?

Возьмемъ слово natura, природа. Этимологическ[illegible] оно значитъ рождающая, производящая. Но кто она, ил[illegible] онъ, или оно? Древніе народы сдѣлали изъ нея богиню и это мы считаемъ за дѣтское заблужденіе; но что ж[illegible] мы сами разумѣемъ подъ природою? Мы употребляем[illegible] это слово безъ всякаго затрудненія, но нашъ умъ ост[illegible] [illegible] при первой попыткѣ представить себѣ при[illegible]

роду какъ существо или агрегатъ существъ, какъ силу или агрегатъ силъ: нѣтъ ничего осязательнаго, ничего существующаго.

Какъ мы понимаемъ выраженіе, что плоды производятся природою? Природу здѣсь нельзя понять какъ самостоятельную силу, ибо мы уже не вѣримъ въ Gaea или Tellus, въ *Мать—землю*, производящую плоды, которыми мы живемъ (zeidōros). Gea было одно изъ многихъ названій божественнаго,—а для насъ природа болѣе или менѣе этого?

Посмотримъ, что говорятъ о природѣ натуралисты и философы.

[illegible] говоритъ: «Я постоянно говорилъ о Творцѣ, но стоитъ только опустить это слово и замѣнить его словомъ природа.»

«Природа не есть предметъ, ибо онъ былъ бы все; природа не есть существо, ибо оно было бы Богъ.»

«Природа есть живая сила, неизмѣримая, всеобъемлющая, всеоживляющая; подвластная первому Существу, она стала дѣйствовать по Его волѣ одна, и продолжаетъ такъ дѣйствовать.»

Что это было, понятно, болѣе систематично, чѣмъ басни о Геѣ, матери Урана, супругѣ Урана?

Вотъ что говоритъ Кювье о природѣ 14).

«Вслѣдствіе одной изъ такихъ картинъ рѣчи, встрѣчающихся во всѣхъ языкахъ, природа олицетворена; все существующее называлось «произведеніями природы», [illegible] существъ между собою называли «законами природы.» Считая такимъ образомъ природу [illegible], хотя въ [illegible] существо, одаренное разумомъ и волею, [illegible] стали [illegible] силѣ ограниченное и [illegible], [illegible] что она постоянно наблюдаетъ [illegible] не производитъ [illegible] что она [illegible] [illegible]

14) [illegible]

что съ нимъ будетъ. Шекспиръ удерживаетъ Саксонское названіе, Чосеръ называетъ ихъ «the fatal sustrin.»

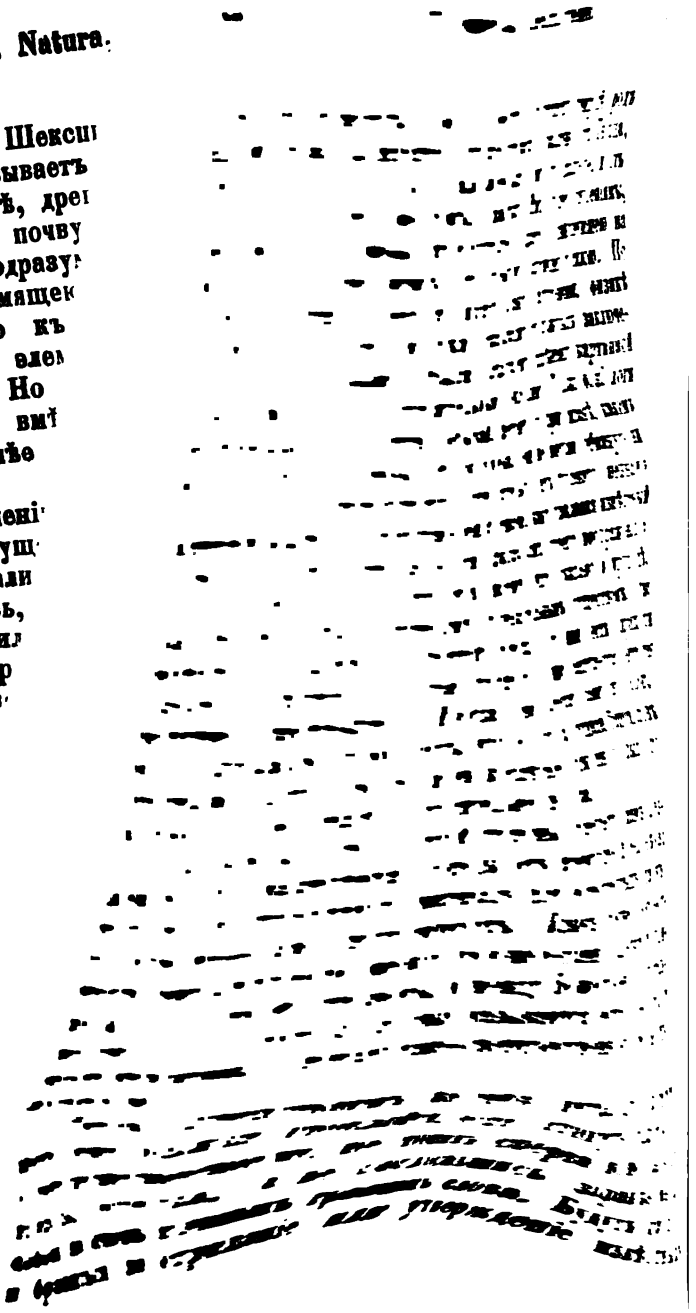
Говоря о землѣ, древніе первоначально безъ сомнѣнія подразумѣвали почву, на которой они стояли; но вскорѣ они стали подразумѣвать болѣе. Почву называли матерью, т. е. кормящею ихъ, и одного этого имени, Мать, примѣненнаго къ землѣ, было достаточно, чтобы придать ей первые элементы личнаго, если не человѣческаго существа. Но какъ скоро землю стали считать индивидуальною, то вмѣстѣ съ тѣмъ стали и чувствовать, что она нѣчто болѣе чѣмъ почва, окруженная стѣнами или горами.

Въ представленіи древнихъ мыслителей земля стала безпредѣльнымъ существомъ, простиравшимся на столько, на сколько хватали его чувства и мысли; она ничѣмъ не поддерживалась, ни слономъ, ни черепахою позднѣйшей восточной философіи. Такимъ образомъ земля естественно и неудержно выростала въ неопредѣленное существо, вещественное, но не конечное, личное, но не человѣческое. Древніе народы могли называть и понимать ее только какъ богиню, какъ свѣтлое, сильное, безсмертное существо, какъ мать человѣка, возлюбленную неба, *великую мать*.

Въ нынѣшнія времена, положимъ, уже не говорятъ о богахъ и богиняхъ; но въ нашихъ научныхъ и ненаучныхъ словаряхъ развѣ нѣтъ такихъ необъясненныхъ существъ, каковы земля, заря или будущность? Развѣ мы не употребляемъ выраженій, которыя послѣ строгаго анализа оказались бы лишенными всякаго вещественнаго основанія, покоясь какъ земля на слонѣ, а слонъ на черепахѣ, качающейся въ безпредѣльномъ пространствѣ?

Возьмемъ слово natura, природа. Этимологически оно значитъ рождающая, производящая. Но кто она, или онъ, или оно? Древніе народы сдѣлали изъ нея богиню, и это мы считаемъ за дѣтское заблужденіе; но что же мы сами разумѣемъ подъ *природою*? Мы употребляемъ это слово безъ всякаго затрудненія, но нашъ умъ останавливается при первой попыткѣ представить себѣ при-

что съ нимъ будетъ. Шекспи
названіе, Чосеръ называетъ
Говори о землѣ, дре
нѣнія подразумѣвали почву
вскорѣ они стали подразу
матерью, т. е. кормящек
Мать, примѣненнаго къ
придать ей первые элем
ческаго существа. Но
индивидуальною, то вид
что она нѣчто болѣе
или горами.
Въ представленіи
безпредѣльнымъ суще
на сколько хватали
не поддерживалась,
шей восточной фил
ственно и неудер
щество, веществ
человѣческое. Д
мать ее только
безсмертное суп
ную неба, *вели*
Въ нынѣ
о богахъ и бо
учныхъ слова
ществъ, какс
не употребл
анализа ока
основанія,
репахѣ, ка
Возь
оно значи
онъ, или
и это мн
мы сам
это сло
навлив



рду какъ существо ли живое
ли агрегатъ силъ: объ этомъ
существующихъ.

Какъ мы понимаемъ выраже
водится природою? Природу ли
самостоятельную силу, либо мы
или Tellus, въ Мать—землю,
торыми мы живемъ (разбира
тахъ названій божественнаго
или менѣе этого?

Посмотримъ, что го
и философы.

Бюффонъ говоритъ:
рцѣ, но стоитъ только
его силою природы.»

«Природа не
природа не есть

«Природа
лищи, живот
они стоятъ
такъ дѣйст

Что
бенки о Т

Вот
«В
чинит
суще
«Д
в

стественномъ. Но каждый счелъ бы за
его спросить объ опредѣленіи значе-
ннаго; между тѣмъ какъ нельзя болѣе
тивники связываютъ съ спорнымъ сло-
различныя понятія, и притомъ самаго
характера.

попытокъ было сдѣлано къ опредѣленію
аго или чудеснаго, но каждый разъ зна-
ства и естественнаго оставалось нео-

nas Aquinas называетъ чудомъ то, что
ѣ порядка природы (praeter ordinem na-
тѣмъ какъ Св. Августинъ выразилъ свое
раздо точнѣе, говоря, что мы называемъ
го Богъ производитъ внѣ обыкновеннаго
, на сколько *они намъ извѣстенъ* (contra
is cursum solitumque naturae). Другіе объ-
а какъ происшествія, превышающія силу при-
excedens naturae vires); но это считали еще
ымъ, потому что чудеса не только превыша-
природы, но и нарушаютъ порядокъ природы
miraculum requiratur, nedum ut excedat vires
ed praeterea, ut sit praeter ordinem naturae).
аздѣлялись на три класса: 1) сверхъестествен-
pra naturam); 2) противуестественныя (contra
и 3) внѣ природы (praeter naturam). Но гдѣ
кончается и начинается сверхъестественное, это
не было объяснено. Thomas Aquinas допустилъ
удеса quoad nos, а Св. Августинъ утверждалъ,
человѣческому понятію противоестественнымъ на-
сь то, что было только противъ извѣстнаго смерт-
хода природы. Всѣ эти странныя опредѣленія
едьно разобраны Бенедиктомъ XIV въ первой части
ертой книги его сочиненія «De Servorum Dei Beatifica-
e et Beatorum Canonizatione;» но и тутъ было-бы на-
асно искать опредѣленія того, что такое естественное[11]).

11) См. превосходную статью, недавно напечатанную въ Edinburgh Review «On the Supernatural,» приписываемую одному изъ лучшихъ государственныхъ мужей.

лость · такихъ философовъ, придавшихъ природѣ родъ индивидуальнаго существованія, различно отъ Творца, отъ законовъ, вложенныхъ Имъ въ движеніе, и отъ свойствъ и формъ, данныхъ Имъ своимъ твореніямъ; эти философы представляютъ природу дѣйствующею на матерію своимъ собственнымъ разумомъ и силою. По мѣрѣ расширенія нашего знанія по астрономіи, физикѣ и химіи, эти науки отказывались отъ ложныхъ заключеній, которыя были слѣдствіемъ примѣненія картинной рѣчи къ дѣйствительнымъ явленіямъ. Только физіологи сохранили этотъ обычай, потому что при мракѣ, какимъ физіологія попрежнѣ окружена, они не могли обмануть ни себя, ни другихъ относительно ихъ полнаго незнанія жизненныхъ отправленій иначе, какъ придавая извѣстный родъ дѣйствительности призракамъ своего воображенія.»

Если бы вѣрить всему, что сказано о природѣ, она была бы самымъ удивительнымъ существомъ. Она имѣетъ боязнь (horror vacui), у нея есть прихоти (lusus naturae, игра природы), она ошибается (errores naturae, monstra). *Иногда она борется сама* съ собою, ибо Гиральдъ говоритъ, что «Природа создала барнаклов *противъ природы*;» и въ послѣдніе годы много было говорено о ея силѣ относительно подбора.

Языкъ, съ другой стороны, помогаетъ намъ различать произведенія природы отъ произведеній человѣка; первыя доставляютъ матеріалъ для естественныхъ наукъ, послѣднія—для историческихъ. Языкъ также способствуетъ различенію между произведеніями человѣка и природы съ одной стороны, и между Божественною дѣятельностію съ другой; первыя называются естественными и человѣческими, послѣдняя—сверхъестественною и сверхчеловѣческою.

Теперь представимъ же себѣ путаницу, которая необходимо должна произойти, если станутъ разсуждать о *сверхестественномъ*, не понявъ сперва ясно значенія природы, естества, и не согласившись заранѣе между собою на счетъ точныхъ границъ слова. Будутъ спорить и браниться за отрицаніе или утвержденіе извѣ[illegible]

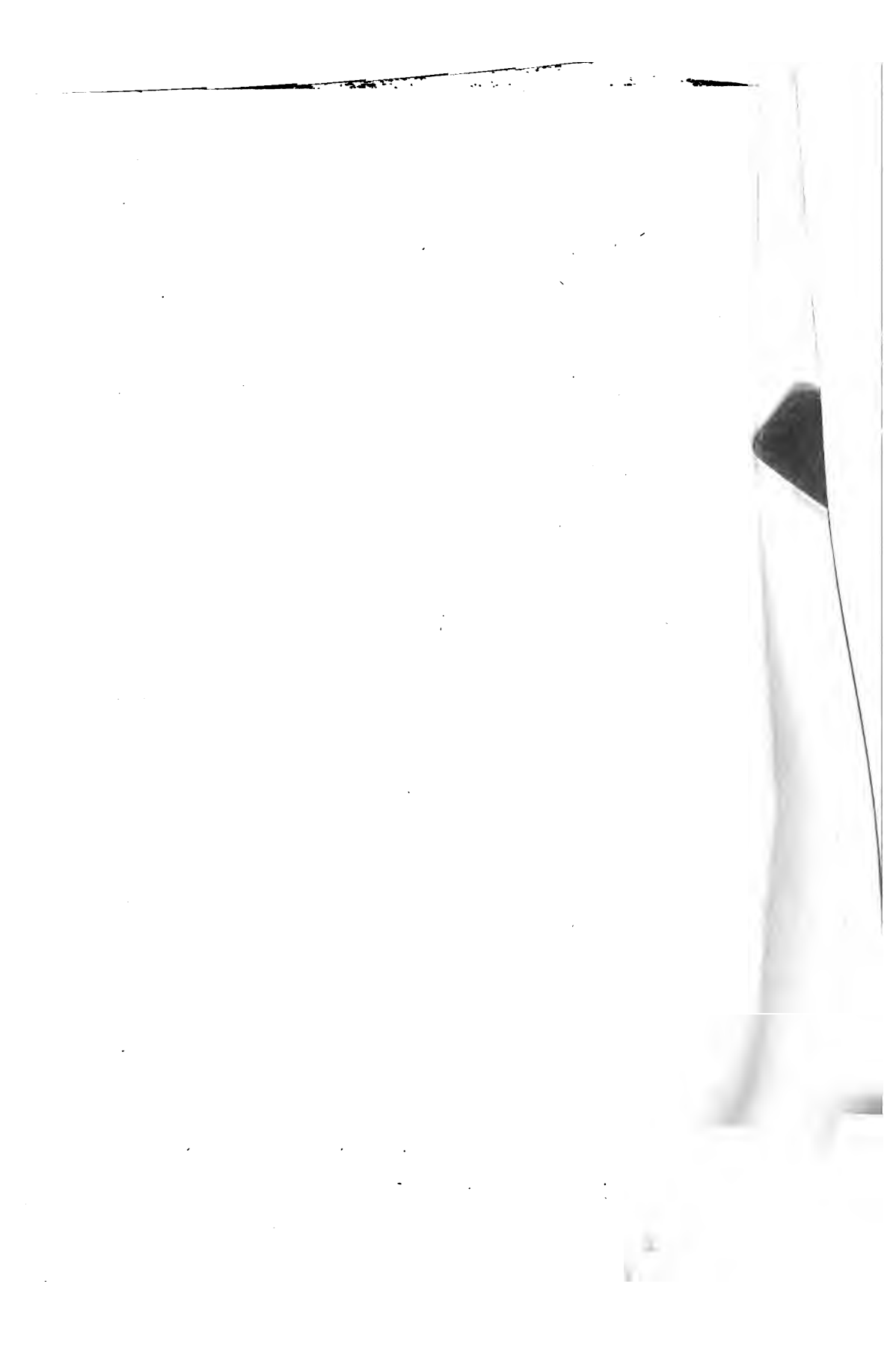
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible]

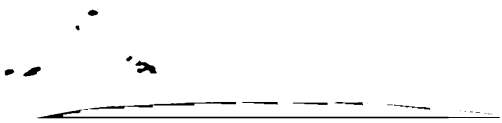
[illegible]) [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
дерзость. если [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
ніе сверхъестест[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
ясно. что эти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
вовъ совершенно [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
неопредѣленнаго [illegible].

Уже много [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
сверхъестественнаго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
ченіе природы. естества [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
опредѣленнымъ.

Такъ Thomas Aquinas [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
совершается внѣ порядка природы [illegible] [illegible] na-
turae), между тѣмъ какъ Св. Августинъ выражаетъ [illegible]
опредѣленіе гораздо точнѣе, говоря, что мы называемъ
чудомъ то, что Богъ производитъ внѣ обыкновеннаго
хода природы, на сколько она намъ извѣстна (contra
cognitum nobis cursum solitumque naturae). [illegible]
ясняли чудеса какъ происшествія, превышающія [illegible]
роды (opus excedens naturae vires; [illegible]
недостаточнымъ, потому что чудеса [illegible]
отъ силы природы, но и [illegible]
[illegible]cum ad miraculum requiritur [illegible]
naturae, sed praeterea, ut sit [illegible]
Чудеса раздѣлялись на три [illegible]
[illegible] (supra naturam); 2) [illegible]
[illegible]turam и 3) внѣ предѣлы [illegible] [illegible]
природа кончается и начинается [illegible]
никогда не было объяснено. Thomas Aquinas [illegible]
[illegible] quoad nos, а Св. Августинъ [illegible]
же чудеса [illegible] [illegible] противоестественнымъ [illegible]
по человѣческому понятію противное [illegible]
[illegible]валось то, что было только противнымъ [illegible]
[illegible] хода природы. Всѣ эти странныя [illegible]
[illegible]дательно разобраны Бенедиктомъ XIV въ первой [illegible]
четвертой книги его сочиненія «De Servorum Dei Beatificatione
[illegible] et Beatorum Canonizatione;» но и тутъ было-бы не-
[illegible] искать опредѣленія того, что такое естественное [illegible].

[illegible] статью, [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]





Stanford University Libraries
3 6105 019 821 177

Тутъ для языковѣда открыто обширное поле. Его дѣло допытываться первоначальнаго значенія каждаго слова, прослѣдить его исторію, его перемѣны формы и значенія въ философскихъ школахъ, въ торговыхъ и судебныхъ мѣстахъ. Онъ долженъ показать, какъ часто различныя понятія подразумѣваются подъ однимъ и тѣмъ же выраженіемъ, и какъ часто одно и то же понятіе выражается различными терминами. Эти два стремленія въ языкѣ, одноименность и многоименность, способствующія, какъ мы видѣли, обильному росту древней миѳологіи, продолжаютъ и теперь удерживать свою силу, содѣйствуя возрастанію философскихъ системъ. Исторія такихъ выраженій, каковы—*знать* и *вѣрить*, *конечное* и *безпредѣльное*, *дѣйствительное* и *необходимое*, можетъ болѣе, чѣмъ что-либо, содѣйствовать къ уясненію философской задачи нашего времени.

Многіе философы, особенно же Локкъ, чувствовали вліяніе, оказываемое языкомъ на наши мысли. Небезполезно будетъ привести здѣсь слова нѣкоторыхъ философовъ, чтобы показать, какъ самостоятельные мыслители всегда возставали противъ деспотизма языка, и какъ мало однако этотъ послѣдній былъ потрясаемъ.

Вотъ что говоритъ Бэконъ: «Наконецъ разсмотримъ ложныя понятія, навязываемыя намъ словами, составленныя и примѣняемыя по понятіямъ и способностямъ обыкновеннаго сорта людей; и хотя мы думаемъ, что мы управляемъ нашими словами—loquendum ut vulgus, sentiendum ut sapientes,—однако вѣрно то, что слова, подобно татарскому луку, дѣйствуютъ обратно на самый высокій умъ, и сильно путаютъ и извращаютъ мышленіе; оттого во всѣхъ спорахъ и диспутахъ почти необходимо подражать разумному способу математиковъ, установляя съ самаго начала опредѣленіе нашихъ словъ и выраженій, чтобы другіе знали, какъ мы ихъ понимаемъ, и согласны ли они съ нами, ибо въ противномъ случаѣ можетъ случиться, что мы кончимъ тѣмъ, съ чего слѣдовало начать.»

Локкъ говоритъ: «Я готовъ думать, что если бы несовершенства языка, какъ орудія познанія, были серье-

[redacted]